

СМЕТС

№ 20 октябрь 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

„Я—ОДИН
ИЗ МОЛОДОЙ
ГВАРДИИ
БОЛЬШЕВИКОВ.“
НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ

РЕШЕНИЯ XXV СЪЕЗДА КПСС ВЫПОЛНИМ!

Для современной стройки нет звания более высокого и примечательного, чем **УДАРНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ**. Большие и славные дела на важнейших новостройках Родины списали Ленинскому комсомолу, советской молодежи всеобщее признание, всенародное уважение.

В десятой пятилетке наряду с возведением новых заводов, фабрик, комбинатов возрастает роль реконструкции действующих предприятий. Таково требование времени, поставленное в повестку дня научно-технической революцией. Во всенародной борьбе за эффективность труда и качество продукции не должно быть места отсталости, и поэтому перевооружение, модернизация промышленных предприятий всех без исключения отраслей экономики становятся задачей первостепенной важности. Реконструкция, как подчеркивалось в решениях XXV

съезда КПСС, является одной из магистральных линий развития индустрии.

Традиции ударного строительства, характерные для новостроек страны, Ленинский комсомол внедряет в дело реконструкции. Об этом свидетельствует интересный опыт многих комсомольских организаций промышленности, строительства, научно-исследовательских и проектных институтов. Боевое участие комсомольцев и молодежи в обновлении предприятий показывает гражданскую зрелость и профессионализм. «60-летие Октября — шестьдесят ударных недель!» — этот крылатый почин ленинградцев, подхваченный молодым поколением страны, ставит в центр внимания осмысление молодежью героического пути, пройденного отцами, и собственную жизненную позицию, суть которой: учеба и труд — тебе, Родина!

ПЕРВЫЙ ШАГ — УЖЕ ДОРОГА...

Вячеслав КУРГУЗОВ,
заведующий отделом
комсомольских организаций
Сокольнического
райкома ВЛКСМ г. Москвы

Наше ОКБ вы не найдете ни в одном справочнике: у нас нет отдельного здания, лабораторий, вывески и штатного расписания. Адрес — Сокольнический район комсомола. Его актив — объединенные силы молодежи научно-исследовательских и проектных организаций, заводов и фабрик.

...Пять лет назад совет молодых специалистов района и бюро райкома приняли решение: организовать общественное конструкторское бюро района. ОКБ определило такие основные задачи: укрепить связи науки с производством, оказать помощь в техническом перевооружении и реконструкции предприятий, улучшить условия труда рабочих.

Четких, сложившихся форм работы тогда еще не было, поэтому начинали мы очень осторожно. На первых порах выбрали один промышленный объект — ремонтный завод «СВАРЗ», предприятие очень старое, с низким уровнем механизации. На заводе создали инициативную группу из молодых инженеров и рабочих; такие же группы начали действовать и в двух проектных институтах. Вот они-то и образовали конструкторское бюро, которым управлял общественный совет при райкоме комсомола.

Схема взаимоотношений довольно проста: инициативная группа заводских комсомольцев выявляет «узкие места» на про-

изводстве, затем завод направляет заявку в ОКБ с просьбой выполнить определенную работу. Совет бюро рассматривает заявку, и если находит задачу посильной, передает техническое задание инициативной группе института соответствующего профиля. Сразу хочу отметить, что мы старались идти по пути «наименьшего сопротивления», не изобретать что-то новое, а в первую очередь найти применение готовым разработкам, проектам, внедрить их как можно быстрее, с меньшей затратой времени и сил. Очень важно было получить первые практические результаты, завоевать авторитет, дать возможность членам ОКБ увидеть плоды своего самостоятельного, возможно, первого творческого поиска.

Но не надо путать нас с существовавшими несколько лет «самодельными» бюро по внедрению. Правда, мы использовали их опыт, позаимствовали кое-что по линии организационной, но наш основной, незыблемый принцип — работа на общественных началах. К тому же при надобности мы разрабатываем и новые механизмы, приборы, отвечаем за весь цикл — от идеи до внедрения разработки в производство.

Первый экзамен мы держали на «СВАРЗе». Здесь раньше автоматические коробки передач проверялись после ремонта весьма примитивно: несколько рабочих открывали коробки, манометрами измеряли давление масла при различной скорости вращения двигателя. Процесс

долгий, трудоемкий, а погрешность все равно получалась большая.

Инициативная группа из ЦНИИКа создала и внедрила прибор ДИЧ-15-1. На стенд устанавливается коробка передач, подключается к прибору — и один человек проверяет работу коробки на всех режимах, причем делает это вдесятеро быстрее и гораздо точнее, чем раньше.

Интересна история прибора ПСТ-3, получившего в прошлом году золотую медаль на выставке «Мастера завтрашнего дня» в Берлине.

В троллейбусных парках каждая машина проверяется перед выходом на линию. Два-три рабочих, вооруженных набором амперметров и вольтметров, должны проверить всю электросхему, обследовать троллейбус буквально сверху донизу. Долгая, трудная, непроизводительная работа.

У нас не было никаких прообразов нового прибора, поэтому сначала прикинули на бумаге возможную электросхему, затем изготовили лабораторные образцы. Прибор подключается только в одном месте к специально выведенным клеммам. Несколько секунд — и проверка закончена. Производительность труда повысилась в 36 раз, а экономический эффект одного прибора — 800 тысяч рублей в год. Им заинтересовались в Ленинграде, Киеве, Харькове. В ОКБ посыпались новые заявки. Теперь эти приборы выпускаются серийно.

Круг работ наших групп очень широк. Зависит он от многочисленных нужд заказчиков. Например, еще не так давно на «СВАРЗе» стояла острая проблема: как хранить металл? Он лежал в куче под открытым небом, ржавел. Чтобы взять нужный лист, трубку или прут, звали рабочих, разбирали всю кучу. И так эта гора металла перелопачивалась по несколько раз за день. Руководство завода выдало техническое задание, комсомольцы спроектировали механизированный склад металла, который успешно функционирует в течение трех лет.

Конечно, не все всегда идет гладко, подчас мы сталкиваемся с непониманием, недоверием. Последний такой случай был на салциловом заводе. Мы предложили сделать систему аварийной вентиляции. Предложение было встречено с одобрением, оговорены сроки выдачи технического задания — две недели. Недели растянулись на... девять месяцев. А на наши постоянные напоминания руководители завода отвечали, что «через несколько дней все будет». Так эта задержка заняла больше времени, чем само выполнение задания. Но справедливости ради надо сказать, что таких случаев становится все меньше.

Нужно сказать еще об одном постоянном принципе ОКБ: мы беремся лишь за работу, не связанную с остановкой производства. Весь процесс внедрения проходит безболезненно для завода.

Юридической ответственности перед предприятием у нас нет. Но если мы беремся что-то сделать — а беремся после тщательного анализа задачи и своих сил, — то выдерживаем и сроки, и качество. Мы заинтересованы в самом серьезном отношении к бюро, а укреплять авторитет можем лишь практическими делами. За пять лет у нас была только одна неудача, да и то по причинам, не зависящим от бюро.

А зачем вообще нужно общественное конструкторское бюро типа нашего? Ведь существуют испытанные формы сотрудничества науки и производства, прямые связи институтов и заводов, нужно ли добавлять сюда третье звено — ОКБ?

Во-первых, любой НИИ каждую работу для завода должен включить в свой план, иначе это будет не деловое содружество, а пустой разговор. Планы составляются на несколько лет вперед, и корректировать их почти невозможно. Даже если завод добьется включения своей темы в план НИИ, ее решение может быть отложено на несколько лет. Группы ОКБ выполняют тот же проект намного оперативнее.

Во-вторых, НИИ может посчитать поставленную задачу мелкой для института, призванного заниматься глобальными проблемами. Вот тут и приходит на помощь ОКБ, выполняя текущие заказы.

И в-третьих, мы координируем действия молодежи многих организаций; можем, если нужно, привлекать к одной работе научные силы нескольких институтов. Это важнейшая функция ОКБ — связывать воедино весь комплекс научных организаций и предприятий района.

Хочется предостеречь от заблуждения, если можно так сказать, гигантомании. Помню, как один райком пытался создать у себя общественное конструкторское бюро. Комсомольцы пришли на предприятие, осмотрели его и заявили, что могут реконструировать весь завод до основания. В дирекции этот разговор совершенно справедливо сочли несерьезным. Подозреваю, тут сработало желание поскорей отличиться: дескать, если в Сокольниках реконструируют отдельные узлы, почему бы нам не заняться, скажем, изготовлением поточных линий? А в итоге не получилось ни того, ни другого...

Попробую сравнить реконструкцию с огромным полем. Основной «урожай» снимает с него комбайн — наши отраслевые институты. А за комбайном идет молодежь, собирает колоски — эти «колоски» и есть поле деятельности ОКБ, то, чем должны заниматься начинающие специалисты. Не нужно брать на себя роль комбайна...

Предвижу встречный вопрос: а каково моральное удовлетворение от такой мелкой работы? Ну, прежде всего не такая она и мелкая. Наше ОКБ уже принесло производству экономический эффект в два с половиной миллиона рублей. Один из результатов пятилетней деятельности — премия Московского комсомола в области науки, техники и производства.

Наши работы постоянно экспонируются на ВДНХ, других выставках. Три прибора получили золотые медали на выставке в Берлине.

И еще один важный моральный стимул. Не секрет, что выпускникам вузов подчас доверяют самые примитивные работы, а то и простое копирование чертежей. Это, конечно, тоже необходимо делать. Но так инженер может и растерять свои знания, потерять вкус к работе. В ОКБ он сразу получает практическое задание, имеет возможность продолжать научную работу. У нас ни один проект не остается невнедренным, так как бюро занимается самыми неотложными заказами предприятий. Я думаю, не нужно объяснять, как много значит для молодого специалиста первый проект, воплощенный в металле. Возможность роста, широкого применения творческих способностей привлекает молодежь в ОКБ. Любая, самая длинная дорога начинается с первого шага. И если первый шаг в науку сделан уверенно, в правильном направлении, если в самом начале пути инженер встретил дружескую поддержку и понимание — можно считать, что долгая дорога творчества началась успешно. За время сотрудничества с бюро некоторые вчерашние выпускники стали руководителями отделов, групп в своих институтах, старшими инженерами.

Со временем рамки КБ стали казаться нам узкими. Когда в нашей системе были задействованы два завода и три института, пятеро членов совета еще могли руководить группами. Сейчас число инициативных групп выросло; задания с предприятий поступают — самые разнообразные — здесь и реконструкция, и экономический анализ, и научная организация труда, и многое другое. Увеличение объема и сложности разработок заставляет нас думать о преобразовании ОКБ в общественный научно-исследовательский институт по техническому перевооружению и реконструкции предприятий района.

Мы предполагаем, что в составе общественного НИИ должны быть отделы проектно-технологического, автоматизации и механизации, научной организации труда, сельского хозяйства, перспективных разработок, технико-экономического анализа, повышения квалификации, информационно-методический, производственный.

Метод подбора групп остается прежний. Мы убедились, что самое лучшее не регламентировать количество членов группы. Есть в ней организационное ядро из трех — пяти человек, а полный состав зависит от каждого конкретного задания. На одном этапе работы в группу входят десять человек, на другом, к примеру, сорок. Такая система позволяет привлекать к работе всех молодых специалистов без ущерба для их основной деятельности в институте или на заводе.

К нам уже обращаются за помощью с предприятий других районов. Значит, промышленность заинтересована в сотрудничестве с комсомолом. Легко представить такую картину: в каждом районе действует свое комсомольско-молодежное ОКБ или НИИ; мы работаем в тесном контакте, делимся опытом, а все наши усилия координирует городской штаб или актив. Если только в одном Сокольническом районе молодежь внедряет в год несколько десятков разработок, представьте, сколько можно сделать в масштабах города! Разве нам не по плечу такое дело? Сейчас каждый райком партии серьезно занимается вопросами реконструкции и технического перевооружения промышленности. Задача комсомола — по этой же линии подключить свои знания и силы.

«НИКОЛАИ
ОСТРОВСКИЙ»

Обложка работы
художника
Юрия ИВАНОВА.

- 1 РЕШЕНИЯ XXV СЪЕЗДА КПСС ВЫПОЛНИМ!
Вячеслав КУРГУЗОВ, заведующий отделом комсомольских организаций Сокольнического райкома ВЛКСМ г. Москвы. «ПЕРВЫЙ ШАГ — УЖЕ ДОРОГА...»
- 2 Диалог директора Воскресенского производственного объединения «Минудобрения», делегата XXV съезда КПСС Глеба МЕРКУЛОВА и бригадира комсомольско-молодежной бригады слесарей цеха сложных удобрений Валентина БОЖЬЕВА.
- 4 «ВИТОК СПИРАЛИ». Фотоочерк Валерия КРАСНОВА и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 8 НОВОЕ ИМЯ.
Рассказ Сергея ПЕСТУНОВА «ЮБИЛЕЙНАЯ МЕДАЛЬ».
- 10 ПИСЬМА ИЗ РАЙКОМОВ.
«Три страницы об истине».
- 12 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ. «СПРУТ».
- 14 Стихи Николая ВОРОНОВА.
- 15 ЭКСКЛИПРИС «СМЕНИ».
- 16 Владимир САПРОНОВ. «ТЕНИ НАД КАДЭНОЙ».
- 19 НОВОЕ ИМЯ. Стихи Виктора ШИРОКОВА.
Стихи Флора ВАСИЛЬЕВА.
- 20 ЭТЮДЫ О ХУДОЖНИКАХ.
Владислав БАХРЕВСКИЙ. «ВЕЧНАЯ ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ».
- 23 ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ.
Дневники Михаила ПРИШВИНА.
- 26 Роман Богомила РАЙНОВА «БРАЗИЛЬСКАЯ МЕЛОДИЯ».
- 28 ОКТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ
РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашинов, С. А. Абрамов, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), Г. Л. Немченко, В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов, А. П. Серета, Г. С. Терзибашьянц (главный художник), Б. А. Фаин, Д. Н. Филиппов, О. Н. Шестинский.

Художник С. П. Тюнин.

Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1976 г.

Уроки жизни

Глеб МЕРКУЛОВ,
директор Воскресенского
производственного
объединения
«Минудобрения»,
делегат XXV съезда КПСС

Валентин БОЖЬЕВ,
бригадир комсомольско-
молодежной
бригады слесарей
цеха сложных удобрений

ЗАВОД: ВЧЕРА, С

В. БОЖЬЕВ. Глеб Александрович, вот сейчас проходит реконструкция всего нашего комбината. А моя бригада занимается капитальным ремонтом цеха сложных удобрений: модернизирует химическое оборудование, вводит в строй новые установки по выпуску аммиачной селитры. И мне хотелось бы поделиться с вами теми мыслями, которые волнуют и меня лично и многих ребят бригады.

Г. МЕРКУЛОВ. Что ж, давайте обсудим их.

В. БОЖЬЕВ. И мне, как бригадиру, и моим товарищам важно понять те преимущества, которые даст всем нам реконструкция в дальнейшем.

Г. МЕРКУЛОВ. Как мне кажется, для любого предприятия реконструкция очень выгодна. Посмотрите: если один рубль капитального вложения в течение десятой пятилетки — полностью реконструировать предприятие. Построить новые цеха, внедрить современные аппараты и тем самым повысить производительность установок в технологических процессах...

В. БОЖЬЕВ. Думаю, дело еще в том, что основная, так сказать, реконструкция влечет за собой и дополнительную, или побочную:

подсобной службы, транспортного хозяйства, складских помещений — и модернизацию многих «мелочей», без которых не обойдутся ни новые здания, ни современнейшие установки. Приведу пример. У нас в цехе заварка швов на полистиленовых мешках с уже готовым продуктом — дело, казалось бы, второстепенное. Мы использовали для этого раньше импортный заварочный аппарат. Швы получались прочными и красивыми. Потом этот аппарат вышел из строя. Мы попробовали клеить горячим воздухом. Но мешки расплзались, как говорится, «по швам». Вопрос встал остро. Производству срочно требовался новый принцип заварки. И мы разработали его. Подобрали отечественный материал для лент, сделали вулканизатор. Пропитанные фторопластом стеклотканевые ленты стали передавать высокую температуру на полистиленовый мешок, отчего и получается качественный шов. Сейчас эти ленты широко применяются. С других предприятий привозят перенимать наш способ заварки швов, берут чертежи, схемы, внедряют у себя на производстве.

Г. МЕРКУЛОВ. Ликвидация «узких мест», совершенствование имеющегося оборудования действительно важная проблема. Перед нами стоит задача: в десятой пятилетке увеличить производительность труда в два раза. Конечно же, достигнуть тех экономических показателей, которые требуются сегодня, на устаревших установках нельзя. Но можно получить практически новое производство с меньшими затратами, если, к примеру, на старом месте возводить новый цех, исполь-

зуя имеющиеся системы энерго-, тепло-, водоснабжения.

В. БОЖЬЕВ. То есть максимально применять возможности, заложенные в действующем предприятии?

Г. МЕРКУЛОВ. Совершенно верно. Нам не нужно возводить ТЭЦ, строить понижающие подстанции для подачи энергии или заново создавать систему водоснабжения: они уже существуют. А все эти элементы нового строительства одни из самых дорогостоящих. И, естественно, реконструкция старых предприятий, создание на их базе современных производств являются, наверное, оптимальным решением такой проблемы.

В. БОЖЬЕВ. Как я понял, в реконструкции каждое предприятие исходит из своих возможностей. Но для химической промышленности ведь свойственно быстрое старение технологических процессов. Двадцать — двадцать пять лет — достаточный срок, чтобы производство окончательно устарело...

Г. МЕРКУЛОВ. Потому-то мы и проводим локальную реконструкцию, по сути дела, с момента существования нашего предприятия. Сама жизнь заставляет постоянно перестраивать и совершенствовать имеющееся оборудование, чтобы добиться серьезных успехов по повышению производительности установок, качества продукции.

В. БОЖЬЕВ. Я работал на комбинате еще до армии. Когда вернулся сюда после демобилизации — ахнул. За сравнительно короткий срок моей службы как же изменился завод!

Новые здания совершенно неожиданной формы: шатры из сплошного гофрированного шифера без привычных окон, труб. По сравнению с ними кирпичные коробки старых цехов, которые доживают сейчас последние дни, кажутся непригодными для современного производства. И вот, когда моя бригада начала модернизацию оборудования одного из современнейших цехов, мы взяли обязательство работать с учетом не только тех требований, которые предъявляются к выпускаемой продукции сегодня, но и тех, что будут предъявляться в ближайшем будущем.

Г. МЕРКУЛОВ. Улучшение качества — это естественное следствие технического прогресса. А технический прогресс для промышленности — жизнь предприятия. Но можно улучшить качество продукции, и не проводя коренной ломки старого цеха. У нас действует, например, производство серной кислоты, которое было создано еще в 1935 году. Разумеется, оно не соответствовало бы теперь современному уровню техники. Но мы не стали ликвидировать его полностью, а провели капитальный ремонт в серноокислотном отделении, заменили промывные башни аппаратами более высокой производительности, что дало возможность значительно улучшить санитарное состояние в цехе и одновременно добиться повышения производительности труда. Благодаря этому мы достигли неплохих результатов по выпуску серной кислоты высшей категории, со Знаком качества, и сейчас наше предприятие поставляет ее для промышленности синтетических волокон и ряда других отраслей хозяйства.

Однако можно привести примеры, когда лишь коренная перестройка предприятия повлечет за собой значительное улучшение качества продукции, позволит резко механизировать производство, создать необходимые условия труда. И сельское хозяйство, особенно в Нечерноземной зоне, получит удобрения с еще более высокой концентрацией питательных веществ, улучшенными физическими свойствами, прекрасными показателями по гранулометрическому составу.

В. БОЖЬЕВ. Мы тоже помним о наших заказчиках. Учитывая потребности в удобрении, мы на год раньше срока пустили агрегат «Темп» по мелкой расфасовке гранулированного удобрения. Эту машину осваивала и обкатывала наша бригада. Теперь можно подвести итог: раньше за смену машина выдавала всего 20 тонн продукта, а «Темп», который обслуживает комсомолец Толя Зайнуллин, фасует до 40—50 тонн удобрения.

Г. МЕРКУЛОВ. Вот вы сказали, что новую машину обслуживает всего лишь один человек. А ведь для того, чтобы работать на современной установке, необходимо быть рабочим очень высокой квалификации, свободным читать чертежи, схемы, разбираться во всех технологических тонкостях...

В. БОЖЬЕВ. Конечно. Но, думаю, сейчас почти невозможно найти молодого рабочего, который бы не был технически грамотным. Исхожу из собственных наблюдений. Многие парни в моей бригаде закончили ГПТУ при нашем комбинате, а теперь учатся в техникумах и вечерних институтах. Это значительно облегчает работу. К тому же мы тесно связаны с ребятами из конструкторского бюро, инженерами, механиками. Эта помощь обоюдная: у них больше знаний, у нас — практики. Инженеры постоянно советуются с рабочими по изменениям в проектах, интересуются,

молодежь. Ведь в них работают химики практически всех цехов. Это дает возможность лучше узнавать друг друга. И что еще важно: ребята, стоящие в стороне от комсомольских дел, стали активнее проявлять себя в общественной жизни. Молодежь понимает, что будущее комбината в ее руках, молодым предстоит строить новые цеха, автоматизировать производство и управлять сложными технологическими процессами.

Г. МЕРКУЛОВ. Безусловно. Для нашего комбината нынешняя пятилетка в отношении автоматизации производства должна стать переломной. Уже сейчас при реконструкции химического комбината мы широко и эффективно внедряем контрольно-измерительные приборы и автоматику. Но главное, к чему мы уже вплотную подошли и чем непосредственно начинаем заниматься, — это создание единой автоматизированной системы управления предприятия, в состав которой входят локальные схемы управления технологическими процессами в некоторых цехах и производствах.

В. БОЖЬЕВ. Кстати, в нашем цехе сложных удобрений вся работа сосредоточена именно на центральном пульте управления. Когда к нам приходят впервые, то удивляются, как мало рабочих в таком большом цехе. А чтобы управлять процессом производства, нужно следить и за тем, что происходит во всех аппаратах, и как работают насосы, электромоторы, и как движется электротранспортер, и сколько кислоты осталось в баках. Все эти данные мы получаем с помощью автоматики. У нас стоят специальные датчики, которые измеряют температуру, вес, объем.

Г. МЕРКУЛОВ. Это характерно не только для вашего цеха. В прошлом году в сернокислотных цехах комбината введена в эксплуатацию так называемая система «Купол». Она

работа творческая. В процессе ремонта сталкиваемся со многими сложностями и решать их стараемся сами. Года два назад у нас часто выходил из строя конвейер, который подавал в цех тару для удобрений. На его ремонт приходилось тратить много времени и сил. Мы почти месяц искали выход, чтобы усовершенствовать конвейерную дорогу. И нашли-таки причину частой поломки: изменили сам принцип смазки — пустили непрерывную жидкую. Теперь капитальный ремонт конвейера потребует только через несколько лет. А в этом и состоит главная задача моей бригады: чтобы после нашего ремонта оборудование работало надежно, с гарантией.

Г. МЕРКУЛОВ. Вы правы. Без творческой инициативы сегодня работать немисливо. А завтра, когда у нас полностью вступят в строй контрольно-измерительные приборы и автоматика, элемент творчества станет преобладающим в деятельности рабочих.

В. БОЖЬЕВ. И, разумеется, чтобы управлять счетно-вычислительными машинами, нам нужны и более высокие знания. Не удивительно, что когда ребята заканчивают техникумы, все равно остаются работать на старых местах. И старым остается только название профессии: изменились уже и машины и технология. Пока учился — наука ушла вперед. Впору поступать в институт. А рабочим, которые продолжают учиться в вечерних школах, у нас в цехе уделяется особое внимание. Создана комиссия, которая контролирует успеваемость. Чтобы парень чувствовал, что предоставлен не самому себе, а твердо знал, что учеба его имеет государственное значение. И что школа — только первый этап в последующей лестнице знаний. Так вот, в эту комиссию входят авторитетные рабочие, а председатель — начальник цеха. Если ученик пропускает занятия, то с ним проводят бесе-

ду, чтобы устранить. В то же время каждый рабочий должен понимать, что лично от него в этом плане зависит. Думаю, такая постановка дел влияет и на сознание рабочего и на культуру производства.

Г. МЕРКУЛОВ. Согласен. Информация о задачах текущего дня всего предприятия значительно расширяет границы понимания и деятельности рабочего. Но когда мы говорим о культуре производства, то обычно подразумеваем многие аспекты этой проблемы. Это и чисто внешние показатели — эстетика производства; технологическая культура — интенсивность работы оборудования. Это и такая серьезная проблема, как защита окружающей среды.

В. БОЖЬЕВ. По внешнему виду нашего города почти невозможно сказать, что мы живем в городе большой химии. Воскресенск окружен со всех сторон лесом. А наш прекрасный парк в центре города!

Г. МЕРКУЛОВ. Но нельзя забывать, что охрана окружающей среды — одна из главных проблем. И наша задача сделать все возможное, чтобы не разрушить то прекрасное в природе, что окружает нас. Мы продолжаем работать в этом направлении: построили крупнейшую систему по очистке сбросовых вод мощностью около 80 тысяч кубометров в сутки, ввели водооборотные циклы, что дало возможность резко снизить промышленное потребление воды, приступили к строительству крупных установок для снижения выбросов газа и пыли в атмосферу.

В. БОЖЬЕВ. Выходит, экология — один из элементов культуры производства...

Г. МЕРКУЛОВ. Вообще культура производства — довольно широкое понятие и состоит из многих факторов. Безусловно, она определяется и квалификацией рабочих и высокой

ЕГО ДНЯ, ЗАВТРА

какие прорывы возникают в работе, предлагают, как лучше ликвидировать «узкие места». И мы в силах подсказать иногда принципиально новое техническое решение. И еще добавлю: наша работа как бы сама дает стимул и постоянный толчок к обучению. Если к нам в цех поступает новый агрегат, все находится в нетерпении: хотят поскорее разобраться в нем, изучить схему, понять принцип работы. И когда на первых порах ничего не получается, неудача даже подстегивает.

Г. МЕРКУЛОВ. Это присуще молодости...

В. БОЖЬЕВ. Недавно комсомольцы нашего комбината встречались в Москве с первым заместителем министра химической промышленности Леонидом Иокиным Осипенко. Он интересовался участием комсомольцев в реконструкции нашего комбината. Нам было что ему рассказать. Комитет комсомола ежемесячно формирует строительные отряды, которые в свободное от работы время помогают строителям. В стройотрядах молодежь как бы проходит испытание, кто на что способен — и как специалист и как человек. Часто комсомолец проявляет себя с неожиданной для всех стороны. Вот мы работали с Надеждой Комковой. Считалась тихой, небойкой девушкой. А в стройотряде раскрылся ее талант организатора. Еще до начала рабочего дня она приходила на участок, встречалась с мастером и скрупулезно определяла предстоящий объем работы, заботилась об инструментах. Благодаря тщательно продуманной организации труда мы выполнили задание раньше срока. К тому же стройотряды сплачивают

предусматривает автоматизированное управление всеми процессами. Мы должны задействовать несколько подобных систем для выпуска минеральных удобрений и аммиака. Вершиной всего этого процесса станет внедрение средств автоматики уже в управление предприятием. Создается диспетчерская АСУ, на которую будут поступать все данные о технологическом процессе. Машины должны обрабатывать эту информацию и выдавать рекомендации для перестройки технологии. Сегодня наша работа немислива без электронно-вычислительной техники. С ее помощью решаются многие задачи: снабжения, сбыта, расстановки кадров, бухгалтерского учета. Несомненно, автоматизированная система управления станет одним из рычагов повышения производительности труда.

В. БОЖЬЕВ. Помню, мы возводили здание цеха сложных удобрений. Закончив строительство, многие решили остаться здесь. И понятию огромный цех, современное оборудование. Любопытно было разобраться в машинах, научиться на них работать. В то время я был слесарем-станочником, а мечтал стать монтажником. Встретил своего бывшего наставника Льва Арсентьевича Логинова. Когда-то он учил меня азам слесарной работы. И он же уговорил остаться работать в только что пущенном цехе. Все ссылались на то, что я молодой и мне нужно многому учиться, а возможностей здесь предостаточно. И я остался. Вот уже седьмой год работаю.

Г. МЕРКУЛОВ. Не жалеете?

В. БОЖЬЕВ. Да что вы! Я считаю, что у нас

ду. Конечно, не всегда ругают. Стараются понять причину прогубов. Иногда выясняется, что виной этому не только инертность. Рабочий обзавелся семьей, появился ребенок. Тогда комиссия находит возможность устроить малыша в ясли или детский сад. А иногда председатель комиссии возмущается: «Как же так? Ты уже был у меня. Разговаривали. Ссылались на неустраиваемость. Жить негде. Выделили тебе комнату. А из школы снова звонят — двоечник, прогульщик». Но такой пример, к счастью, исключение. Все понимают, что чем больше человек знает, тем быстрее поймет и освоит то новое, что приходит на предприятие каждый рабочий день.

Г. МЕРКУЛОВ. Именно поэтому учебе на комбинате и придается такое серьезное значение. Ведь мы проводим реконструкцию, и наша задача изменить не только технологию производства, но и экономическую подготовку кадров. У нас существуют курсы повышения квалификации, отделы технического обучения, школы политического просвещения, народные университеты, которые позволяют поднять общую культуру, политическую осведомленность людей. Ведь очень важно, чтобы работа по интенсификации дел, мысли, настроения была постоянной. Как вы знаете, день в цехе у нас начинается, как правило, с производственного совещания.

В. БОЖЬЕВ. Мне нравится эта система. Как бригадир, я обязан знать то, над чем работает коллектив не только моего цеха, но и всего комбината, какие у него имеются сложности и что надо сделать для того, чтобы

степенью подготовки занятых в производстве инженеров, техников, механиков. Их отношение к делу, моральная и материальная заинтересованность сказываются на вопросах культуры производства.

В. БОЖЬЕВ. Конечно, материальная заинтересованность играет заметную роль в нашей работе. Но нельзя сбрасывать со счетов и возросшую сознательность рабочего. В нашем цехе технологический процесс непрерывный. Если внезапно что-то выходило из строя (это случалось в основном на первых порах пуска цеха), то вся работа замирала. Простаивали и машины и рабочие. Тогда в любое время дня и ночи, будь то в выходной день или праздник, мы мчались по экстренному вызову ликвидировать неисправность. Возвращались домой и были спокойны: цех работает, все нормально. И никогда у нас не возникали разговоры ни об оплате сверхурочных, ни об отгулах.

Г. МЕРКУЛОВ. Руководство обязано предоставлять и то и другое.

В. БОЖЬЕВ. Но ведь не это определяет стремление бригады помочь своему предприятию! И мне кажется, что высокое сознание рабочего как бы следствие той коренной реконструкции, которая производит перестройку не только предприятия, но и помогает формированию нового типа рабочего.

Г. МЕРКУЛОВ. Валентин, вот вы и ответили на основной вопрос, который стоял перед вашей бригадой: о важности реконструкции.

Диалог записала
Светлана ПОДОРВАНОВА.

Валерий КРАСНОВ,
 корреспондент свердловской
 областной газеты «На смену!»
 Фото Сергея ПЕТРУХИНА

т железнодорожного вокзала Свердловска отошел обычный с виду товарный эшелон. Провожали его тысячи горожан. На каждом вагоне было написано: «Свердловский комсомолец». Но не только комсомольцы, а и убеленные седной люди с орденами и медалями на груди находились в этот час на перроне. Многие из них в суровом 1942 году проводили на фронт танковую колонну «Свердловский комсомолец». И между этими двумя событиями была тесная связь. Молодые вагоностроители из Нижнего Тагила, где строилась танковая колонна, решили на сэкономленные ими деньги построить вагоны для мирного эшелона «Свердловский комсомолец». Молодежь всей области поддержала тагильчан: в вагоны были загружены оборудование и материалы для БАМа на 25 миллионов рублей сэкономленных молодыми рабочими области; причем половина материалов была получена за счет реконструкции. Путь к этому достижению оказался нелегким...

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ С МИНУСОМ

— От перемены мест слагаемых сумма уменьшается. — Так закончил свое выступление заместитель начальника отдела В. И. Кочетков, и такому выводу никто не удивился. Больше того, когда Кочеткова приглашали на заседание заводского комитета комсомола, которое было посвящено реконструкции, то знали, что придется выслушать укор в адрес комсомольцев.

А случилось вот что. В одном из цехов Уралвагонзавода имени Дзержинского решили провести реконструкцию. Не какую-нибудь сложную, а самую обычную: переставить станки так, чтобы на освободившейся площади можно было поставить еще 18 станков. Мощность цеха, согласно расчетам, возросла на 13 процентов.

Расчет казался верным. Да и работы шли согласно графику. За два месяца управились. Хотя затратили почти 10 тысяч рублей, но все это в первый же месяц должно было окупиться, а потом — и желанная прибыль. Но случилось все не так. Мощность цеха увеличилась менее чем на 1 процент, выработка на каждый станок... резко упала. В чем дело? Причину искали в плановом и производственном отделах, а назвал ее токарь С. Серебренников:

— Вы куда мой станок поставили? Мне же три часа в день солнце глаза слепит. Или у соседа моего посмотрите. Если раньше у него между стеной и станком было место для ящика с заготовками, то теперь ящик ближе трех метров не поставишь. Человек за смену находится туда-сюда, еле норму вытягивает.

Итак, из-за реконструкции завод понес убыток. Действительно, перемена местами станков слагаемых уменьшила сумму прибыли завода. Об этом и говорил на заседании комитета комсомола В. И. Кочетков, критикуя руководство цеха.

Здесь уместно добавить, что неудачная перестановка станков была первой попыткой комсомольцев завода принять участие в реконструкции.

СПОРЫ, ПОДСЧЕТЫ... НА ВАТМАН ЛОЖАТСЯ ПЕРВЫЕ
ШТРИХИ ПЛАНА РЕКОНСТРУКЦИИ...

Виток спирали

Прямо говоря, потеря 20 тысяч рублей (станки все же переставили на старые места) для такого гиганта, как Уралвагонзавод, беда не очень большая. И эпизод со станками мог бы стать просто поучительным примером, если бы не одно обстоятельство. И в других цехах реконструкция тоже принесла убытки. Совсем странный случай произошел на восьмой подстанции. Здесь, оказывается, вообще напрасно выстроили четыре колодца емкостью 200 кубических метров. Узнав об этих колодцах, главный энергетик завода в буквальном смысле схватился за голову и приказал немедленно засыпать колодцы шлаком и забетонировать.

Может быть, поэтому никто и не стал из случая с перестановкой станков делать трагедии. Никто. Кроме самих комсомольцев. Реакция комитета комсомола на неудачу была неожиданной.

ПО ПЛАНУ ШТАБА

«Комсомольская организация завода решила взять шефство над реконструкцией вагонсборочного корпуса. Создан штаб по реконструкции. Его начальником комитет комсомола назначил секретаря комсомольской организации завода Н. Данилова».

Это выписка из протокола. А прокомментируйте ее мы попросили самого Николая Данилова.

— Прежде чем решиться на такое шефство, мы просто, без всякой горячки, произвели анализ неудач в реконструкции. Такие эпизоды, как лишние колодцы на подстанции, анализировать не стали — там явная безответственность, не имеющая никакого отношения к проблемам реконструкции. Зато другие случаи заставили нас о многом подумать. Главное в том, что реконструкция требует творчества. Недавно комсомольско-молодежная бригада Федора Ермакова из механосборочного за 48 часов демонтировала, перенесла и смонтировала 12 станков. Они сделали так. Во-первых, обеспечили задел деталей, во-вторых, пока разбирались первые станки, на остальных шла работа. А когда разбирались последние, то первые уже были перенесены, собраны и начали работать...

В деле реконструкции немало серьезных проблем. Теперь начинать ее, только опираясь на свою интуицию, нельзя. И для многих было удивительным то, что в Свердловской области на крупных предприятиях сейчас создаются филиалы проектных институтов, сотрудники которых занимаются разработкой реконструкции. Они не только составляют проекты, рассчитывают, как лучше провести ту или иную работу, но и дают заключение о целесообразности самой реконструкции.

Вот почему комсомольский штаб Уралвагонзавода решил в первую очередь создать группу специалистов, которые могли бы сказать, как проводить реконструкцию и что это даст. Не интуитивно, а на основе точных расчетов.

Штаб вызвался шефствовать над самым главным объектом реконструкции — над цехом, где рождался первый в стране цельнометаллический полувагон.

Такие полувагоны, какие начали осваивать тагильчане, не выпускались раньше. Но к изготовлению первого из них нельзя было приступать; не реконструировав цех.

Сейчас участники того памятного заседания комитета комсомола по-разному говорят о том, почему после столь серьезной неудачи комсомольцы не стали пробовать свои силы на чем-нибудь полегче, а сразу взялись за задачу, решить которую предполагалось силами всего коллектива завода. Но все они говорят о том, что хотелось не просто исправить ошибку, а именно доказать, что комсомольцы могут делать серьезные дела.

Но хотя желание и много значит, нужно еще и умение. Его-то пока не было. Создать бригаду и вывести постановление о том, чтобы каждый комсомолец завода отработал на реконструкции столько-то часов, можно. Это будет самым настоящим участием в реконструкции. А потом, если не будут выдержаны сроки или вообще реконструкция пройдет неудачно, никто комсомольцев ругать не будет. Ведь они отработали ровно столько тысяч часов, сколько планировали. Но ограничиваться только этим не хотели молодые вагоностроители. Для них казалось важным не рядовыми участниками быть, а главными. Уложиться в срок нужно, но это еще полдела. Получается, что комсомольцы берут на шефство, а подряд. А необходимо не просто быстро провести реконструкцию — надо провести ее качественно.

Подсчитали, что контроль за качеством должен производиться на 16 участках, и тут же решили на этих участках создать комсомольские посты качества. Они были обязаны, во-первых, контроль

осуществлять не при помощи периодических рейдов, а ежедневно, во-вторых, члены постов качества не просто должны были проводить проверки, а отвечать перед штабом за уровень реконструкции. Другими словами, им предстояло не просто выявлять недостатки и посылать материалы для принятия мер, а без промедления принимать эти меры самим. Штаб брал на себя обязанность договориться с руководством завода, чтобы такие полномочия членам постов качества были даны.

Итак, одно направление в работе штаба определено. Но оно все же не решало полностью проблемы качества. Ведь 23 процента случаев брака получалось по причине неверно составленных проектов. А это снимало ответственность со всех участников реконструкции, в том числе и с постов качества. Определив слабое звено, штаб решил создать еще один пост качества — у проектировщиков. Но они не подчинены заводу, с них строго не спросишь. Однако выход нашли: заключили договор о творческом сотрудничестве.

Описывать весь путь поиска нет смысла. Важно, что в результате этого вскоре была налажена четкая система контроля за темпами и качеством реконструкции. Штаб привлек к ней, кроме членов постов качества, более трех тысяч комсомольцев, создал 19 комсомольско-молодежных бригад. Вопросы решались самые разные. Вот один из них.

На трех объектах был допущен брак. При выяснении причин стало ясно, что произошла ошибка в проекте. По требованию штаба пост качества в проектно-институте провел проверку и сообщил, что никакой ошибки не обнаружил. В чем дело? Снова проверка, и снова тот же результат. Оригиналы чертежей в институте были совершенно точными, а копии с них у строителей были с явными ошибками. Комсомольцы нашли виновника. Им оказался... карандаш, а вернее тот, кто обеспечивает составителей чертежа карандашами. Слишком твердый карандаш оставляет на ватмане еле заметную линию, а слишком мягкий — жирную. При не очень высоком качестве размножения в первом случае линия исчезает, во втором — расплывается до полутора миллиметров.

Факт мелкий, незначительный, штабом решались сотни более серьезных задач, но он говорит о том, что комсомольцам приходилось вникать буквально во все.

Как-то на одном участке по требованию штаба приостановили реконструкцию. Дело было вот в чем. Цех расширяли, пристраивая к нему дополнительное помещение. Проверка показала, что по своим габаритам оборудование, которое должно там стоять, не войдет ни в двери, ни в окна, значит, придется разбирать какую-нибудь стену... Пришлось одну из стен ставить позже, когда вносились оборудование.

Штаб, посты, 60 тысяч часов, отработанных комсомольцами... Надо бы рассказать о людях. Но разве о всех трех тысячах расскажешь? Наверное, следует попытаться это сделать, рассказав хотя бы об одном человеке.

ВТОРАЯ ПОБЕДА НИКОЛАЯ ЗАЙКОВА

На Уралвагонзавод после службы в армии Николай Зайков вернулся с первой в своей жизни наградой — значком «Отличник погранвойск».

— За что получил? — спросили у него в комитете комсомола.

— За службу.

Без стрельбы и борьбы задержал он первого в своей жизни нарушителя границы. Первого и последнего...

Служба уже была позади, а родной завод, товарищи, которые его ждали, знакомый станок заставляли перестраиваться, привыкать к новой жизни. А тут еще избрали комсоргом цеха, и парторг не указание дал, а попросил:

— Ты уж постарайся. Неважно идет у нас комсомольская работа.

Поначало пришлось Николаю нелегко. Как-то бросил клич: «Все на субботник!» Пришли не все. Далеко не все. Николай обиделся. Вернее, даже разозлился. Накануне, когда он пришел к начальнику цеха просить задание на субботу для ста человек, тот сказал, что идет реконструкция и срочно нужно демонтировать 20 единиц оборудования. Усомнился, справятся ли? Николай заверил, что для ста человек это работы на четыре — пять часов. А на субботник вышла только десятая часть комсомольцев. Что делать? Слово ведь дал! Пришедшие стоят в нерешительности. Стоит ли начинать? Николай хватает инструмент — и к станку. Ожесточенно откручивает гайки, силится один поднять тяжелую деталь.

— Давай помогу, — подходит один и оборачивается к остальным...

Работа закипела. Когда возвращались вечером домой, Николай неожиданно для всех сказал:

— А я ведь не верил, что справимся. И сейчас не верю, хотя сделали все, что нужно было. Наверное, мы молодцы.

Так прошел на заводе первый субботник по реконструкции. Потом был второй, третий, в которых принимали участие все комсомольцы. Но всегда они чего-то не успевали, чего-то недоделывали и приходили на другой день. А кто не мог, тот в рабочий день оставался после смены. И так без кличек, постановлений и призывов реконструкция стала не субботним, а ежедневным делом. Не все, правда, шло гладко. Однажды кто-то из комсомольцев сказал, что один объект реконструируют неправильно.

— А ты бы как сделал? — спросил Николай. Тот начал рассказывать. Взяли бумагу, карандаш, чертили, писали. На другой день пошли в БРИЗ. Предложение было признано толковым. Эффект, — правда, всего 200 рублей. Но это явилось лишь началом. Потом было внедрено 375 предложений комсомольцев завода, которые дали экономический эффект 589 тысяч рублей.

До ноябрьских праздников оставалось несколько дней. Рабочая смена на заводе только началась, когда Николая кто-то позвал к телефону.

— Николай, — узнал он голос секретаря комитета комсомола завода, — поздравляю. Тебе за активное участие в реконструкции присуждена премия Ленинского комсомола.

— Тебе какого Николая? Это Зайков у телефона.

Позже узнал, что действительно так высоко отмечен его труд, и заверил тех, кто его поздравлял:

— Отработаю!

МИЛЛИОНЕРЫ

В это время комсомольская организация Уралвагонзавода стала миллионером. Миллионный рубль внесли молодые участники реконструкции в свою копилку. Но работа продолжалась.

Подводились итоги. Если в первый год реконструкции было выпущено всего 527 полувагонов новой марки, то в 1975-м — уже 6100. Два года реконструкции увеличили мощность цеха в 12 раз. За 1975 год «Комсомольский фонд бережливости» пополнился еще 587 тысячами рублей. Теперь денег хватало, чтобы построить 100 сверхплановых полувагонов. Но их не строили. Ждали.

А ждали вот чего. На одном из заседаний штаба зашел разговор о том, что настала пора рапортовать о выполнении поставленной задачи. Начальник штаба Данилов сказал:

— Мы обязались провести реконструкцию быстро и качественно. Согласен, все работы сделаны быстро, но качественно ли?

Всех это несколько удивило. Приемная комиссия признала, что реконструкция проведена хорошо, а Данилов доказывал, что последнее слово за качеством продукции. Только по нему можно оценить работу комсомольцев. Вскоре стало ясно, к чему клонит начальник штаба. Он хотел, чтобы штаб продолжал шефство над вагоносборочным до тех пор, пока новому полувагону не будет присвоен государственный Знак качества. Вот тогда можно рапортовать! Возражавших не было. И вагоносборочный был оставлен в списках подшефных объектов, которых теперь у штаба насчитывалось десятки. А для того, чтобы ускорить подготовку полувагона на аттестацию, здесь организовали соревнования за звание не просто лучшей бригады, а лучшей творческой бригады. Для таких бригад высокие проценты хорошо, а подача и внедрение рационализаторских предложений по повышению качества полувагона — лучше. Первым пунктом стояло качество. Под этим подразумевалась не просто качественная обработка деталей и сборка полувагона, а работа по улучшению его характеристики. Это далеко не одно и то же. Нужно не только добросовестное отношение к труду, а и творческое.

Объявили смотр-конкурс на лучшее изобретение или рационализаторское предложение, направленное на усовершенствование узлов и сборки полувагона. Не надеясь на вывешенные листки-объявления, собрали молодых рационализаторов и объяснили им задумку штаба. Результат превзошел все ожидания. Комсомольцы отдела главного конструктора Б. Гладышев и В. Потапов проектировали и изготовили регулятор цикла сварки, экономический эффект от внедрения которого составил 310 тысяч рублей. Причем, как и предусматривалось условиями конкурса, это новшество было направлено в первую очередь на улучшение качества полувагона.

Всего в конкурсе приняло участие 1191 человек. Их предложения внедряли 1236 членов творческих бригад.

Чем же в это время занимались посты качества на реконструкции? Ведь основные работы были завершены. Но нашлось и им дело. Вот какое. Не везде, как и в приведенном нами раньше примере, после реконструкции увеличивалась мощность участка. Казалось бы, прямого отношения к постам качества это не имело. Но смотря с какой меркой подходить! Если с меркой хозяина, то комсомольцы просто не могли не замечать неполадок там, где проходила под их контролем реконструкция. Поэтому и решили выяснить, почему же на формовочном участке так часты случаи брака, низка производительность труда. К проверке была привлечена творческая бригада цеха мелкого стального литья. Тогда на заводе уже считали, что формовочный участок придется снова реконструировать, и нужны значительные средства, и предложение поста качества просто изменить порядок операций в технологической цепи не было принято всерьез. Только после консультации с ведущими специалистами комсомольцев поняли. Изменили планировку. Производительность труда в цехе повысилась на 150 процентов. Дважды по просьбе рабочих пересматривались нормы выработки в сторону увеличения.

Возникает правомерный вопрос: почему это никто не мог выявить и исправить недостатки, а тут пришли комсомольцы, все сразу поняли и исправили? Что это за всевидящий и всезнающий штаб? Насчет всевидящего скажем так: сила штаба в том, что его ценит и поддерживает руководство завода. А насчет всезнайства разговор особый. Это действительно серьезный орган, поскольку в штабе самые опытные специалисты самых различных профессий. Здесь электроники, проектировщики, инженеры, механики... Концентрация этих сил произошла в процессе реконструкции.

День, которого ждали комсомольцы, настал неожиданно. Через шесть месяцев после того, как с конвейера сошел первый цельнометаллический полувагон, ему был присвоен государственный Знак качества.

Задача, поставленная перед штабом в день его образования, была выполнена полностью.

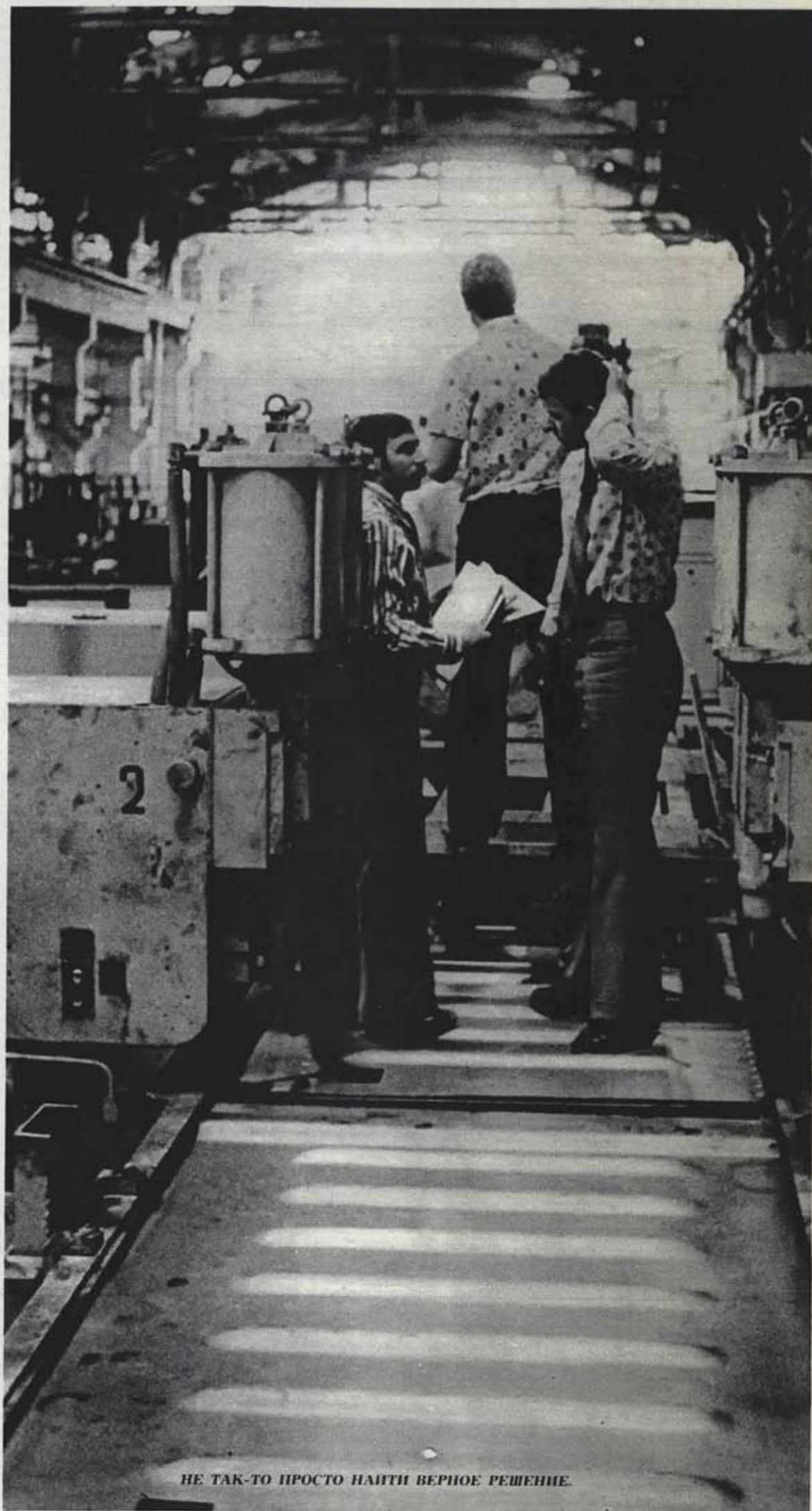
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Многие железнодорожники, осматривая вагоны, наверняка обратили внимание на необычный знак, выбитый на различных узлах вагона, — пятиугольник с комсомольским значком внутри. Вот этот знак мы можем отнести к началу уже второго этапа реконструкции на Уралвагонзаводе. Причем тут реконструкция? Притом, что соревнования за право работать с «Паспортом комсомольской гарантии качества» и личным комсомольским клеймом было начато по инициативе постов качества на объектах реконструкции. Соревновались те, кто изготавливал детали и узлы для этих объектов. Тут ставились первые знаки комсомольской гарантии качества. Это потом в соревнование включились комсомольцы всего завода. Сейчас за это право борются 127 комсомольско-молодежных коллективов завода. Теперь не только на продукции, полученной в результате реконструкции, а и на многих других деталях стоит комсомольское клеймо. Это всего лишь один пример того, как повлияло участие в реконструкции на все стороны деятельности комсомольской организации.

Можно рапортовать. О чем? О том, что выполнили задачу. Но ведь теперь у штаба другая задача. Кроме вагонооборотного, комсомольцы взяли шефство над реконструкцией еще 23 цехов завода. И после того, что сделано в вагонооборотном, можно всего лишь пометить, что один из пунктов общей задачи выполнен. Ведь реконструкция не только продолжается, она растет. Омолаживаются, набираются сил десятки цехов завода. И комсомольскому штабу по реконструкции еще много предстоит сделать. Снова начинается большое дело. В июне этого года состоялось очередное заседание штаба, на котором нынешний секретарь заводского комитета комсомола Николай Малых сообщил:

— Во время обмена комсомольских документов несколько человек предложили начать экономиию средств на строительство 60 вагонов, которые мы выпустим в честь 60-летия Октября. Комитет одобрил эти предложения и рекомендует штабу определить, сколько внесут в копилку участники реконструкции, что предстоит сделать, чтобы сэкономить нужную сумму.

Значит, все сначала? Нет, началом были первый субботник и первый вагон. Теперь продолжение. Это как бы новый виток спирали, круто уходящий вверх.

НЕ ТАК-ТО ПРОСТО НАЙТИ ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ.

Сергей ПЕСТУНОВ

Сибиряк Сергей Пестунов относится к той категории молодых авторов, которые не очень бойко входят в литературу, но зато приходят в нее со своими темами, а значит, со своим, только им присущим художественным видением мира. Таким молодым авторам порой нелегко отстоять свою манеру отображения жизни, строй своих образов, художественную концепцию, им порой приходится труднее, чем некоторым их литературным сверстникам, но зато, когда временные сложности преодолеваются, они навсегда приобретают своих читателей, а вместе с ними и свое имя.

Все произведения молодого писателя — небольшие повести «Белая птица-лебедь», «Чудный месяц», цикл рассказов «Сватова деревня», собранные в сборнике, изданном в 1975 году в издательстве «Современник», — говорят именно о таком своеобразии автора. Он любит описывать обыкновенную жизнь и обыкновенных людей, которых ты будто вчера встретил где-то случайно. Но ты встретил — и прошел мимо, а вот Сергей Пестунов не прошел, он познакомился с ними и будто пожил с каждым не один месяц и потом рассказал о них много интересного тем же языком, на котором говорят они, — языком лиричным и народным.

Обо всем этом много и подробно говорилось на VI Всесоюзном совещании молодых писателей, участником которого был С. Пестунов.

И новый его рассказ — «Юбилейная медаль», предлагаемый читателям «Смены», мне думается, подтверждает сказанное выше.

Хочется пожелать молодому автору много новых, таких же плодотворных встреч со своими героями.

Анатолий ИВАНОВ,
лауреат Государственной премии РСФСР имени Горького

ЮБИЛЕЙНАЯ МЕДАЛЬ

РАССКАЗ

давно об этом позабыл.

Но однажды утром, раскрыв газету, случайно наткнулся на объявление: «Всем пенсионерам, имеющим медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», к 10 часам 17 октября сего года просьба явиться в Дом политпроса для торжественного вручения медалей «Тридцать лет Победы». Исполком горсовета».

Вот это-то объявление и напомнило, что и у меня, хотя еще далеко не пенсионера, тоже хранится медаль за доблестный труд в военную пору, подумалось, что неплохо бы к ней прибавить юбилейную — детишкам показать, жену порадовать. «А что, если и в самом деле только пенсионерам? — усомнился вдруг я. — Может быть такое? Надо сходить и выяснить, чего тут зазорного?» — подталкивал я себя.

Серебряным зажимом бабьего лета я отправился в горисполком. Изморозный воздух, гулкая чистота улиц, похрустывание голубого куржака под ногами пробуждали в душе радость. Хорошо-то как! Хотелось весело, беззаботно посвистывать — каждая паутинка, натянутая на тонких ветках аллеи яблони-дички, скрипкой тебе подпевала. Красавицы с прилетевшими на зиму дроздами под треньканье синиц настраивались на такой концерт, от которого ты замрешь, будто в невесомости, а мир вокруг тебя станет покачиваться согласно сердцу, и ты только будешь видеть, как с кустов от птичьей суеты сыплются горохом спелые подмороженные ягодки-кровянки, дробя по асфальту градом, как, подпрыгивая, словно бы пуштившись в пляску под птичье пение, лопаются, источая запах парного фруктового вина.

Звонкой кольчугой покрыла землю опавшая листва, скверы пропитались настоем холодных ранеток. Рассвет, распахнувшись, плыл на город розовыми парусами, тянувшись к югу вслед за пролетевшими казарками снежные облака. Осень на прощание дарила людям красоту...

Секретарь исполкома, ясноликая женщина, встретила меня приветливой улыбкой. Она мне сразу понравилась, потому что как бы намеком походила на любимую нами Полю Вострикову, знаменитую колхозную трактористку. Была та, правда, похудее да попронзительнее, глаза ее притягивали, как небо, сама светила, волосы на висках кудряшками васильки приманывали — вплетала их Поля на отдыхе — да на жаркой молотье от колосьев полову ловили... Доброта ее теплом струилась, тихой нежностью цвела, женщины постарше называли ее ромашкой.

Ох, и осталась же наша Поля светлой жалью в душе — на всю жизнь! Теперь только и утешаешь себя тем, что сравниваешь ее с другими — похожа или не похожа?

Оттого и радостно видеть, что секретарь исполкома хоть чуточку, пускай отдаленно запохаживает на нашу Полю: искусственными своими кудряшками, ясным лицом и полными, хотя и сильно накрашенными губами. Что ж, время, видно, пришло для нее такое — подкрашивать да напудривать... Ах, Поля, Поля... Какой бы ты сейчас была? При таких-то нарядах да таком довольстве. Королевой! Выше — богиней была бы ты, Полюшка наша милая! Раскрасавицей высокой, Поля, Полюшка... Незабвенная и неизбывная! Несказанная ты наша печаль, Полюшка...

Я, отчего-то робея, подал секретарю документы. Она полистала бумаги, с любопытством зыркнув в мою сторону, неожиданно улыбнулась, а потом уже открыто, с явным недоверием посмотрела на меня, здорового, краснощекого парня, и не могла удержаться... С лукавой заученностью поинтересовалась, будто откровенно удивляясь:

— Так вы разве, извините, пенсионер?

— Да пока еще нет...

— Я тоже гляжу, что нет. — Она улыбнулась, тая в глазах насмешку.

— Приятно слышать...

А про себя подумал: «Надо тебе отсюда бежать, пока не поздно... Ишь, как хитро пошла-поехала! Держись, Гриха, пока не станет лихо!»

— В самом деле — жених!

— Значит, вы думаете... — Я придержал дыхание, замер.

— Что вы, что вы, — замахала она руками, — я вам верю. Но, видите ли, в чем дело: мы такие медали обычно вручаем людям пенсионного возраста, а тут... — Она снова уткнулась в мои бумаги. — А вообще-то интересно узнать: вы что, ребенком медаль за доблестный труд получили?

— Нас в ту пору солдаты называли «гольшатами». Наверно, не положена? Тогда...

Я хотел уже подняться и уйти.

— Да нет, почему же... Только странно как-то. — Она удивленно пожала по-девичьи узкими плечами. — Значит, медаль получили во время войны, как вы говорите, гольшонком?

— Выходит, так. — Я закусил язык, чтобы не сказать что-нибудь поядренее: эти расспросы уже начали выводить меня из себя. Видел я — не верит она ни моим документам, ни мне.

— А что вы, извиняюсь, в то военное время делали? — Ее малиновые губы расплылись в усмешке.

— Пахали, — стиснул я зубы.

— А-а-а, ну-ну, понятию теперь. — Она окончательно расслабилась, словно во время анекдота, настраиваясь на веселый, игривый лад, чувствуя во мне своего ровесника, с которым можно допустить и вольности. — Значит, и мы пахали?

— Да, пахали, а не шляпами махали! — сказал я как можно спокойнее, но голос выдал — я и сам вдруг услышал в нем закипающую злость.

Она вымг подобралась, почуяв недоброе, насторожилась, метнула в меня серьезный, изучающий взгляд, забывчиво прикусив нижнюю припухшую губу белой подковкой изумительно ровных зубов, точь-в-точь как делала в раздумье наша Поля. — Одну минуту, — было заметно, как она про себя торопливо что-то прикидывает. — Посидите пока здесь, я схожу к председателю.

Прихватив мои документы, она встала, а когда выходила из-за стола, задела выпирающим животом за острый угол, стыдливо ойкнула, вспыхнув еще больше. Ее длинная, чудом в наши дни сохранившаяся каштановая коса домовито стекала с гордой головы на плечо, и я опять все про то же подумал: Поля!

Она ушла, я, усмирив себя, задумался.

...Желтое, раздерганное осенними дождями неоглядное жнивье, по которому промозгло и одиноко скользят, шуруша о стерно обледенелыми космами, одни лишь черные шары перекасти-поля. На этом озяблом клину — только наша Поля, трактористка на ХТЗ, да мы с Васькой, ее младшим братом. Ни улетающих, тоскующих над нами журавлей, ни парящих в зените орлов, ни даже трепыхающегося в синеве серенького жаворонка — лишь пустым бубном холодное небо над пожухлой, онемелой долиной, звенящая в сердце печаль, сиротливый ветер в степи, запах угасшей польни да натужный рык колесника. Вот и вся картина поздней зяблевой вспашки, когда уже зазимок на межах залег, сторожа дрожливого зайчонка в заицдевшем бурьяне от острого лисьего глаза, нюха да слуха, — гулкая по осени земля.

Поля водит трактор, а мы командуем сразу двумя плугами — тракторным и

Рисунок Владимира ЮДИНА

конным, прицепленным в хвосте тракторного, трехлемешного. Это Полина выдумка — прицепить конный, чтоб сберечь издыхающих от надрыва лошадей да поднять побольше урожайной волглой зяби. «Все для фронта!» — требовала Родина. Поля эти слова вывела сурьмой на вороненых крыльях своего трактора. «Мотовилы, шевелись!» — взбадривает нас утомленная беременная Поля, сидя на железной, зыбучей и твердой, что воронье гнездо, беседке колесника. На чумазом худом лице ее блестят белые зубы, глаза ввалились, но горят светло, и нас, голодных и холодных, греет Полина эта улыбка.

За то, что мы день-деньской мотаемся за ее трактором, она прозвала нас мотовилами. Сбивая в сукровь голые ступни, мы еле успеваем заправлять в борозду конный вихлястый в прогонах плуг, который, ошалело дрыгая колесами, бежит за тракторным. Боже, нам-то было тогда по девять с небольшим, ну, какие мы работники? Да еще попробуй угонись за бегущим в жарких шпорах стальным конем! Но мы гонялись, мотались, как могли... Мы были сыны фронтовиков, мы остро ощущали, представляли зримо, как ждут наши отцы в куржавельных окопах сыновней теплой краюхи, — это неизмеримо прибавляло нам сил, и мы дожили. Ладони наших рук от наваренных чапуг давно перекишели в кровавых мозолях, будто покрылись сизой коркой окалины, тверже копыта стали и пахли железом. По семь потов с нас к вечеру сойдет, пока Поля надумает своему хетезе перетяжку сделать.

Вот только в это время мы и блаженствуем: Поля у трактора уродуется, не зная, как пристроить свой большой живот под горбатым картером колесника, а мы рядом на порепанной поже валеемся, ждем, пока Поля нас на подмогу покличет.

Перетяжку она делает трудно, со стариковским кряком, с длинными проклятиями Гитлеру и всему его фашистскому отродью; с нежными, ласковыми словами к еще не родившемуся сыну, когда он, возмущенный ее непомерной натугой, резко пинает в бока, просится, видимо, на волю; с тихими, а то мы услышим, всхлипами и мольбой к своему любимому мужу, чтобы он там быстрее Гитлера прикончил да на родимую пашенку вернулся...

Поля замужем пожила-то всего одну медовую неделю. Проводила своего Ванюшу на фронт да вместо него на трактор села. И баюкала на железном холодном седле будущего своего ребенка.

В тот раз она работала последний день — уже давили ее схватки, рожать готовилась, а мать, мы сами слышали, с утра наказ ей давала: «Зачнет на низ давить», смотря, не опростайся в поле. Домой поспешай — застудишь ребеночка-то. А то стерпи, не ездь седня, совсем уж на сносях-от, куда тебя такую сырую понесло?»

Но Поля поехала и дорогой молодым солдаткам хвалилась:

— Только Ваняткой нареку! — Почему-то была она неопровержимо уверена, что именно сына под сердцем вынашивает. — И будет у меня два Ванюши-дорогуши! — сияла свастливая Поля.

А солдаты в ответ тяжело вздыхали, вспоминая своих суженых, навечно на чужбине схороненных. И, глядя на сияющую Полю, не подпускали к себе вдовью роковую судьбу...

Поля делает перетяжку, мы ждем. Ждем и боимся того момента, когда все вместе начнем после ремонта заводить окалинный хетезе.

Рукоятка, откованная в кузнице неумелой женой кузнеца Матреной, была

что клюка бабы-яги. На конце острая, сама шершавая, как неоструганная кочерыга, и вот мы на нее, гадюку, дружно наваливаемся, давим изо всех общих силенок, чтобы сдвинуть поршни с мертвой точки... Да надо ловко, умело давить, чтоб, боже избавь, назад не шибануло, руки напрочь не повывертывало...

— Ну, пора, мои мотовилы. Хватит вам дрыхать. — Она еле-еле разгибает занемевшую на сыром сквозняке спину, морщится ознобно, выжывая из своих мокрых от пота завитушек на висках соломенную труху. — Давайте, голышюночки, будем заводить родимого. — Сама ласково поглаживает вздрагивающий живот, успокаивает сына, к чему-то прислушивается, чего-то ждет, смотрит в пустое осеннее небо, улыбается...

И вот мы начинаем. Но рукоятка, уже горячая от наших рук, ни с места, замерла в одном положении, замороженная, раскаляет нас, постылая, добела. Поля, хрустя от приступов зубами, сбрасывает с себя промасленную телогрейку, срывает в пылу линию кофтенку, истлевшее ситцевое платье расплзается на высоком животе, шерится свежими дырами, спина между острыми крыльцами густо парит. Поля снова свирепо набрасывается на кривую железяку, зажмурив солнечные глаза, кусая губы, дергает ее отчаянно и, забыв на это время о своем ненародившемся Ванятке, вдрут, плача, наваливается на рукоять всем своим большущим животом, кричит:

— О-ох! Сподмогните же вы, охлэпы! Да чтоб вас разорвало, рахиты голопузые! Раз-два, взяли! Ой, мамочка-а! Взяти, родименькие! Взя-али-и-и!..

Рукоятка стронулась с места, скрипуче подалась вниз на сжатие, и вдрут... Нет, лучше бы никогда в жизни не было этого «вдрут»... Рукоятку будто взрывом бросило назад. Она льдиной выскользнула из наших заскорузлых ослабевших рук, чиркнула вверх, и только увидели мы, как страшно перекосилось Полюно лицо. В это время пронзили небо сразу два крика, два смертных крика опрокинули наземь солнце, потемнело кромешицо в глазах, но почему-то видели мы: будто выхваченная прожектором, распластанная в припадке Поля, ее пульсирующая живым ручьем, мокрая, блестящая на стерне коса...

Предсмертные крики, опрокинувшие небо, выструнили нас, подстегнули, волосы подняли дыбом. Мы одурело бросились в пустое безмолвие вмиг ослепшего простора, орали что-то, пока нас не поймали взрослые, не привели, очумелых от страха, в чувство уже на больничной койке.

Хоронили нашу Полю с ее Ваняткой в одном гробу. Когда прихлопывали ладошками влажный холмик на широкой могиле, приковывая к погосту, опираясь на суковатый батог, чуть живой почтальон дедуль Бордяк и, не скрывая ни перед кем жалких стариковских слез, обильно смачивающих жидкую бороденку, зачитал текст похоронки на Полюного мужа, за что бабы, причитая и плача, чуть было не избили его: ну, разве может, скажи, старый хрыч, на одного человека сразу столько бед обрушиться? Да где же тогда этот бог, растуды его!

...Когда я поднял голову, за столом уже сидела секретарь исполкома, удивленно и растерянно глядела на меня.

— Все правильно. Вам полагается...

А я уже встал, отворачиваясь, шагнул из кабинета: за что мне, в самом деле, медаль?!

29 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КОМСОМОЛА

Георгий БАЖЕНОВ,
специальный
корреспондент
«Смены»

ТРИ СТРАНИ

Страница первая. «В ТРУДЕ, КАК В БОЮ»

Осьмяков улыбнулся: даже здесь, в кабинете первого секретаря Промышленного райкома комсомола, Щербакова горячится, как всегда.

— Ну, а что, разве не так?—Щербакова расширила в удивлении глаза.—Да если хотите знать, мы впервые в Курске... Нет, вы серьезно не верите?—Левитская, она что, всегда у тебя такая?— снова улыбнулся Осьмяков.

— Галка-то? Да они все у меня боевые. Успевай только идеи подкидывать.

— Кстати, об идеях.—Осьмяков нажал на клапан сифона, забурился, запенился в стакане вода; вот и день сегодня такой же — с самого утра бурлит событиями. Главное, провели пленум райкома, а ведь это не шутка... Задача? Как совершенствовать работу первичных комсомольских организаций. После пленума Осьмяков решил поговорить с секретарем Курского трикотажного комбината Левитской: вместе с ней осталась и Щербакова, комсорг 1-го швейного цеха. Ну что ж, еще лучше, поговорим втроем, посоветуемся, подумаем.— Так вот, об идеях.—Осьмяков сделал несколько глотков, с удовольствием ощущая ярую жгучесть воды.—Знаю, что вы молодцы, что у вас на комбинате отличные дела с обменом комсомольских билетов. Ну, а как сделать, чтобы так было во всем районе? На каждом предприятии, в каждой группе?

— Я и говорю,— снова горячо воскликнула Щербакова,— пусть у нас поучатся! А что тут такого? Я ведь не хвастаюсь, я для дела...

— Да нет, погоди,— остановила ее Левитская.— Говоришь — не хвастаешься, а получается — хвастаешься.—И, переведя взгляд на секретаря райкома Осьмякова, сказала:—Между прочим, то, за что нас теперь хвалят, мы ведь у вас переняли, Анатолий Иванович.

— Как это?!— будто даже обиженно воскликнула Щербакова.

— А-а... вон ты о чем,— улыбнулся Осьмяков.— Это точно, было дело. Но ведь вы подняли идею на такую высоту...

— Значит, все-таки мы?!— чуть не хлопнув в ладоши, обрадовалась Щербакова.

Ну вот же эта Щербакова! Работать с ней, конечно, одно удовольствие — горит в работе, но, пожалуй, запальчивости многовато, эмоций... А может, это и не плохо? Ведь не секрет: не будь Щербаковой, разве нашли бы они Пигоревых — Варвару Васильевну и Григория Федоровича? А ведь нашли, Варвара Васильевна даже специально приехала на комбинат, вручала первые комсомольские билеты.

— Да, начиналось это у нас...— Было видно, что вспоминать об этом секретарю райкома приятно.— В то время я работал секретарем комитета комсомола в тресте «Курскпромстрой», и была у нас отделочница Мария Марахина, бригадой командовала. Огонь девчонка. Вот они взяли и объявили однажды: включаем в свою бригаду Героя Советского Союза Ивана Конорева, погибшего летом 1943 года в танковом сражении под Прохоровкой, на огненной Курской дуге. Первыми по всей курской земле выступили с таким починим! И был по этому поводу митинг, на котором выступил Юрий Бабанский, герой недавних тогда даманских событий. После этого главным девизом нашей работы стали слова:

Из одного металла лют
Медаль за бой, медаль за труд!

— Вот мы и подхватили эти строки.—Теперь уже улыбнулась Левитская.—Подумали: а почему бы нам при обмене комсомольских билетов не развить эту традицию? Объявили девиз «В труде, как в бою!». И началось...

— Да дело в девизе, что ли?—чуть ли не возмущенно перебивает Щербакова.—Если б девизом все решалось, тогда... Тут главное — пробудить в человеке интерес, задеть в нем струнку... Как у нас, например, в цехе было? Включил пятый конвейер в свой состав курянина Николая Пигорева, Героя Советского Союза, а что мы о нем знали? Да ничего!

— Ну, не совсем уж ничего...—не согласилась Левитская.

— Только вычитали его фамилию в книге «Золотые звезды курян» да узнали, что погиб он в Тернопольской области, в местечке Збараж. И вот, честное слово, заело это нас! Как же так, работаем за героя, гордимся тем, что его портрет висит у нас в цехе, а знать ничего не знаем о нем?! Начали наводить разные справки. Оказывается, родители у Николая живы. Но вот где они сейчас? Написали в одно место, в другое, в третье. Отовсюду ответ — да, жили, а теперь съехали. И что же? Вдруг получаем письмо... Откуда, думаете? Из соседней области! Писали в Москву, в Подольск, на Украину, а они, оказывается, у нас под боком живут. Не знаю, кто был больше тронут — наши девчонки этим письмом или же родители Пигорева, до которых добралось наконец наше послание. Вот представьте: жили они жили и вдруг узнают, где-то на трикотажном комбинате в Курске совершенно незнакомые девчонки работают за их сына, считают его живым, гордятся его именем... Ну, стали мы думать: как бы нам повидаться с Пигоревыми? Зовем в гости — приехать не могут: болеют часто, а Григорий Федорович вообще инвалид, трудно им одолеть любую дорогу. Тогда собрались мы, приехали к ним — они и поверить не могут: девчонки, милые, да какие же вы хорошие, дай вам бог всем счастья... Меня особенно что поразило: я один раз как-то обмолвилась, что я родом из Иркутской области, а Григорий Федорович во вторую нашу встречу спрашивает меня (надо же, запомнил! — нас ведь много девчонок ездило): «Ну, как, Галя, что там пишут из Иркутска?» Честное слово, к горлу ком подступил... Будто кто родной спросил меня...

— Галь, ну, а как же все-таки Варвара Васильевна согласилась приехать? — спросил Осьмяков.

— А мы однажды приехали и говорим: что хотите, а в этот раз должны обязательно отправиться с нами! У нас на комбинате начинается обмен комсомольских билетов, представляете, если вы приедете и вручите комсомольские билеты?! Согласилась Варвара Васильевна. Приехали, ходит она по цеху, на портрет сына не насмотрится... А потом, когда лучшим комсомольцам комбината в торжественной обстановке вручала она билеты, честное слово, и у нее слезы и у нас у всех... Говорит: «Будьте достойны комсомольского звания. Будьте как Коля — героями в труде. Он погиб за вас, за ваш труд в жестоком бою с фашистами...»

На какое-то время в кабинете секретаря райкома застыла тишина. Нет святее правды, чем правда войны: люди умирали, но умирали за жизнь, за труд, за счастье будущих поколений.

— Есть у нас еще поисковый клуб «Искатель», — осторожно вышла из паузы Левитская. — Ко-

мандует клубом Таня Кривдина. Что они делают? Ищут ветеранов бывшей 286-й авиационной истребительной дивизии. И, главное, вот что удивительно: приехали к нам восемь ветеранов, мы им хотим комбинат показать, нашу работу, нашу продукцию, а они все в голос: нет, ведите нас на конвейер, где работают девчата за нашего друга и командира Троицкого Геннадия Александровича. Привели. Смотрят, а на конвейере ну совсем молодосенькие девчонки работают. Растрогались. А потом, после торжественного митинга, выстроились перед ветеранами призывники комбината, и каждому из них ветераны войны вручили по новому комсомольскому билету. Вот это были минуты! А через несколько дней призывники отправились служить в армию...

— Это-то и главное, — сказал Осьмяков, — чтобы

обмен проходил не формально, а празднично, от всей души. Спасибо, девчата! Заслужили вы, чтобы ваш опыт переняла вся районная организация...

Когда уже девушки выходили из кабинета, Осьмяков задержал на минуту Левитскую:

— Слушай, Галя, а как у вас дела с Кочергиной?

— Да вот будем разбирать персональное дело. Приезжайте, послушаете...

— На этой неделе вряд ли... Ладно, я позвоню...

Осьмяков остался один. Тяжелый был день. Навалилась горой усталость. Но расслабляться нельзя. Завтра новое рабочее утро. Предстоит провести для секретарей первичных комсомольских организаций что-то вроде семинара: «Ритуал вручения комсомольских билетов». Поговорить, поспорить, посоветоваться...

Страница вторая. ПЕРСОНАЛЬНОЕ ДЕЛО КОЧЕРГИНОЙ

— Опять уходишь? — вздохнула Лиля. — Ну и ладно, ну и иди... Совсем меня никто не пожалеет! — И швырнула портфель на кровать.

— Да пойми ты, глупенькая... — Ира присела перед сестренкой на колени, откусила на белом школьном воротничке обтрепанную нитку. — У меня сегодня такой день... вся жизнь, может, решается, понимаешь?

— Будут ругать? Да, Ирочка, да?

— Если б только ругать... — Ира встала, машинально погладила сестренку по голове.

— Ты не думай, я не злая. Я просто так. Я буду тебя ждать. Сяду и буду ждать, ждать... — Она смотрела на Иру повеселевшими глазами, в которых все-таки стояли слезы.

...У проходной трикотажного комбината Ира столкнулась с Горбатенко.

— Исключат? — тихим вздохом спросила она.

— Не знаю, — не сразу ответил Анатолий. — Не знаю... — повторил он задумчиво.

Расстались они около дверей комитета комсомола. Ира опустилась на стул, Горбатенко вошел в кабинет. Стучала пулеметом пишущая машинка. Стучала в висках кровь.

— Кочергина!

Она поднялась, шагнула вслед за голосом. Т-образный стол. Секретарь комитета комсомола комбината Галя Левитская. Секретарь прядильного производства Горбатенко. Таня Кривдина. Галя Щербакова. На остальных она не могла сосредоточиться. Их было много, человек пятнадцать. Комнату заливало ярким солнечным светом. За окном щебетали лтицы. За стеной стучала машинка. Стучала в висках кровь. Они говорили, она слушала. Они говорили: а чего тут особенно разбираться? С Кочергиной все ясно. Не явилась на беседу к Горбатенко по поводу обмена комсомольского билета. Причина? Потеряла билет. Уклонялась от уплаты членских взносов. Не являлась на комсомольские собрания. Совершает прогулы на производстве. Перессорилась с подругами по красивому цеху. Груба. Заносчива. Таким не место в комсомоле. Цеховое собрание постановило: исключить из рядов. И так, кто за то, чтобы...

Она смотрела на них сужившимися до нитей щелочек глазами, презрительно отпылив нижнюю губу. «Что вы все понимаете в жизни, что, что?!» — стучало у нее горько сердце.

Левитская уже начала поднимать руку, как вдруг встретила с обжигающе острым взглядом Кочерги-

ной. «Что же она теперь будет делать?» — невольно, с глубоким самоукором подумала Левитская.

— Нет, что-то тут не то... — задумчиво произнесла она вслух. — Все, конечно, понятно. Все правильно. Одно непонятно, ну просто по-человечески непонятно: отчего она такая?

Кочергина презрительно усмехнулась.

— Вот она стоит перед нами, чужая, непонятная, дерзкая. А ведь мы твердо решили: обмен комсомольских билетов не формальное дело. Сегодня мы исключаем Кочергину из комсомола, а я, ну вот честное слово, так и не поняла, что она за человек. Как же так, Горбатенко? Ты-то знаешь, какие у тебя люди?

— Я-то?! — Горбатенко вскочил со своего места. — Я-то знаю, а вот...

сразу ответила. Да, мы разбирали персональное дело Кочергиной. Постановили: из комсомола не исключать. Да, конечно, с сегодняшнего дня берем Кочергину под свою опеку, подбираем для нее общественное поручение... Что? Нет, не сразу. Пока пусть походит со старым комсомольским билетом. Обменяем, как только заслужит. Спасибо. И вам тоже всего хорошего. До свидания.

...Дома дверь Ире открыла Лиля и даже не сразу узнала старшую сестру: она стояла в дверях смеющаяся, с цветами в руках, с конфетами в кульке.

— Папа вернулся, да? — дрожащим голосом спросила Лиля.

— Папа?! — поразилась Ира. И, подхватив Лилю на руки, сказала: — Нет, не папа, что ты... Это я к тебе вернулась, я...

тельно — крутильщица отличная. Была бы отстающая какая-то или нерадивая у станка, так нет же — переработавшая работница. Как найти подход к такому характеру? А подход нужно было найти обязательно, потому что за веселыми да бойкими на язычок всегда тянутся другие, послабей, поинертней...

И тут вот что поняла Зекунова — нет для Черных ничего дороже работы, станка своего, девчат из смены. Вот это и нужно было учесть в отношениях с ней. В вечернюю школу она поступила, но училась так себе, лишь бы отвязалась от нее. И никакие слова не пробивали ее. Тут как раз случилось — по цеху проходил рейд «Комсомольского прожектора».

— Ты почему без косынки работаешь?

— Работаю и вас не спрошу. Тоже мне, указчики нашлись! — огрызнулась Черных.

Ах, как остро пожалевает она об этом назавтра. Ну, могла бы как-то по-другому ответить, косынку хотя бы для видимости на голову накинуть, так нет же — даже с плеч ее сбросила, нате, смотрите, какие у меня красивые волосы. Да, показали эти ее красивые волосы на следующий день в выпуске КП. Если б удар пришелся по ней одной, можно было бы пережить. А то: «Черных злостно нарушает технику безопасности да еще и бравирует этим. Пусть теперь рабочие смены, в которой она работает, и спросят ее: почему с первого места смена откатилась на последнее?!»

Подвести свою смену — это был нож острый для Черных.

Прибежала к Нине Зекуновой в кабинет, плачет. — Что хотите, только уберите из газеты. Девчонкам в глаза смотреть стыдно — никогда никого не подводила, а тут... Нина, убери! Ей-богу, все, что попросишь, сделаю — только убери...

— Ты думаешь, мы тебя просить о чем-то будем? Хватит, наупрашивались! Между прочим, ты знаешь, что сейчас идет обмен комсомольских билетов?

— Ну, знаю...

— Без «ну»... Так вот мы решили: всем в твоей смене обменять билеты, а с тобой пока подождать...

— За что же мне такая честь? — не выдержав, язвительно усмехнулась Черных.

— А за то, что только о себе думаешь. Да и комсомол ни в грош не ставишь. Какая первая заповедь комсомольца? Молчишь? А первая заповедь комсомольца — учиться. А ты как учишься?

— Учусь и учусь. Кому какое дело?

— Тебе нет ни до чего и ни до кого дела, так ты думаешь, и комсомолу нет до тебя дела? Так вот: будешь продолжать учиться по-старому, не являться на занятия, грубить преподавателям, создавать балаган на уроках, мы не то что обменивать билет, мы вообще поставим вопрос о твоём пребывании в комсомоле.

— Ах, так! — Черных побледнела и, с яростью хлопнув дверью, выбежала из комнаты.

Но... но куда и на кого было выливать свою ярость? Виноватых не было — во всем виновна сама. Не сразу она это поняла, нет, не сразу...

...Когда это было, через полгода, через год после того разговора? Неважно, когда. Главное — было: подходит Черных вместе с подружкой своей Таней Котовой к Нине Зекуновой, говорит: «Нин, ты извини меня, пожалуйста, за прошлое. Я... я спасибо тебе сказать подошла».

— Да за что, Люда?

— Честное слово, если б не ты, не знаю, что и получилось бы... Я ведь тогда собиралась школу бросать, до разговора с тобой. А ты... разбередила мне душу, что ли... Так что не будь обмена билетов, не видать бы мне аттестата... Спасибо тебе!

— Уже вручили аттестат? Поздравляю!

— Не мне одной, вот Тане тоже... И знаешь что, Нин? Ты нам характеристики не напишешь?

— Характеристика?

— Ну да, мы надумали в техникум поступать. Хочу учиться дальше. Напишешь, Нина?

— Да о чем разговор? Конечно же...

...Секретарь Промышленного райкома ВЛКСМ Осьмяков озорно прищуривает глаза и спрашивает:

— Ну как, девочки, интересной вам показалась эта Люда Черных?

— Интересной! — хором отвечают девчонки. Да, совсем еще девчонки, четыре выпускницы 12-го профтехучилища: Таня Чаплыгина, Нина Шкандина, Люба Щербакова, Валя Гончарова.

— Так вот, как придете сегодня на «Химволокно», попросите Зекунову познакомить вас с Людой. Многому хорошему можно теперь у нее научиться...

— Обязательно попросим.

— А сейчас, — голос секретаря райкома приобретает торжественное, приподнятое звучание, — позвольте взамен старых билетов вручить вам новые комсомольские билеты и выразить надежду, что вы всегда будете с честью нести высокое звание комсомольцев!

Осьмяков вручает девушкам билеты и, последней пожимая руку Вале Гончаровой, лукаво спрашивает: — Ну, а какая первая заповедь комсомольца, запомнили?

— А как же! — улыбается Валя. — Учиться, конечно!..

ЦЫ ОБ ИСТИНЕ

Страница третья.

«ХОЧУ УЧИТЬСЯ ДАЛЬШЕ»

Восемь настороженных глаз. Четыре совсем еще юные девчонки. Только что окончили профтехучилище № 12. Таня Чаплыгина, Нина Шкандина, Люба Щербакова, Валя Гончарова.

И он — секретарь Промышленного райкома комсомола Анатолий Осьмяков в окружении своих помощников.

Что им сказать сегодня? Сегодня им вручаются новые комсомольские билеты. И сегодня же у них первая рабочая смена — производственное объединение «Химволокно» встречает их уже не ученицами, а операторами кручения и вытяжки шелка. Звучит!

Но сколько еще придется пройти, испытать и познать, прежде чем они почувствуют себя настоящими крутильщицами...

Так что же им сказать сегодня, чтобы его слова не прошли мимо их сердца, чтобы заделали их душу, запомнились?

— Девочки, а вы знаете такую — Люду Черных?

— Люду Черных? — переглянулись девочки. — Н-нет, не знаем...

— А какие у вас планы на будущее?

Нет, они определенно не понимали логики вопросов и снова удивленно переглянулись.

— Не собираетесь учиться дальше?

— Ой, только что училище окончили... — вздохнула самая бойкая из них — Валя Гончарова. — Нам бы отдохнуть теперь...

Ну, что им сказать на это? Рассказать, как совсем недавно ЦК ВЛКСМ наградил почетной грамотой комитет комсомола «Химволокна» за большую работу по организации обучения и воспитания молодежи в ходе Всесоюзного смотра «Каждому молодому труженику — среднее образование»? Но для них это будет еще одной информацией о заводе, не больше...

— Значит, не знаете Люду Черных? Жаль...

— Да кто она, эта Люда Черных? Вы так говорите, будто она знаменитость какая-то...

— Да, знаменитость в своем роде. Между прочим, она тоже окончила ваше училище. Тоже пошла работать на «Химволокно». И знаете, что она ответила секретарю комсомольской организации цеха Нине Зекуновой, когда та спросила ее: «Ну, как, Люда, собираешься учиться дальше?»

— Что?

— Рассмеялась в лицо и говорит: «Еще чего! И так голова болит, а вы еще тут со своей учебой...»

...Да, вот так тогда она и выпалила в лицо Зекуновой. Нина даже растерялась на секунду. «С такой, кажется, не соскучишься», — только и мелькнула мысль. И оказалось, верная была мысль. Характер ли у Черных такой или просто, как говорят, любила она играть на публику, но что бы ей ни сказал — обязательно перевернет, переиначит, перевернет твои слова. Начнется комсомольское собрание — обязательно из задних рядов шуточки Черных: «Скажите на милость, они хотят принцепиально!» Смех в зале. Или: «А вы лучше сами покажите, как вы можете! А уж мы тогда подмогнем!» Снова смех. И слова коверкает, и фразы, и мысль так переиначит, что не хочешь — замеешься. Вызовет к себе Зекунова в кабинет — пай-девочка: глазки опустит, личико скромное, ручки на колени положит — слушает, соглашается, кается. А в душе, чувствуется, насмехается. И ведь что удиви-

— Ну, ты давай поспокойней. Не петушишься.

— Ладно, могу спокойней. — Горбатенко сделал глубокий вдох. — Спрашивается, почему Кочергину не любят на работе? Потому что не знают ее, смотрят только на внешнее. А она... она, может, гордая, как никто другой. И презирает сверстниц за то, что многим из них слишком легко достаются блага жизни. Я вот недавно сходил к Кочергиной домой. И то, что я узнал там, поразило меня. Оказывается, Ира живет вдвоем с младшей сестренкой. Она ей и за мать и за отца. Отец семью бросил, а мать тяжело больна, почти круглый год лежит в больнице. Теперь представьте жизнь Иры, которой всего-навсего шестнадцать лет, и вы поймете, почему у нее бывают прогулы, опоздания на работу. Помочь некому, а она должна одна и зарабатывать на жизнь, и обстирать себя и сестренку, и проводить ее в школу, и помочь ей учиться, и вообще тысячи семейных забот лежат на ней одной. Легко это? А ведь она хорошо знает: те, кто на работе склоняет ее на разные лады, и десятой доли ее трудностей не испытали. Вот и получается — она со всеми на ножах. Человечности к ней никто не проявил, обыкновенного участия даже не было — она и отстранилась от всех, не верит никому. И скажу честно: если б не обмен билетов, разве бы узнал я так досконально ее жизнь? Казалось бы, банальная истина: за каждым комсомольским билетом, за каждой учетной карточкой — живой человек. А мы порой, кроме этой карточки, ничего не видим. Обмен позволил нам взглянуть в те судьбы, которые до этого были для нас за семью замками. Конечно, оправдывать Кочергину нельзя. Она потеряла комсомольский билет. Впрочем, как оказалось, не потеряла, он выпал у нее из халата и завалился за станок. Билет нашли. А вот найдем ли мы сегодня правильное решение? Я уверен: сегодняшнее решение, будь оно в пользу Кочергиной, сразу перевоспитать ее не сможет, но направить на истинный путь сможет. Да, именно! так, сразу же ничем нельзя исправить, а вот попробовать приблизить к нам — наш долг.

— Да, конечно, я полностью согласна с тобой, — сказала Левитская. — Но вот что мне хочется спросить у самой Кочергиной... Скажи, Ира, только честно, предельно честно... ты сама хочешь остаться в комсомоле?

В кабинете повисла тишина. Губы у Кочергиной дрогнули. Она ждала этого вопроса, и все-таки каким неожиданным показался он, когда наконец прозвучал. Еще совсем недавно не думала она над этим. Совсем недавно... Но если сейчас ее исклочат... От нее все отказались — бывшие друзья, рабочие в цехе, соседи, все... И если сейчас отринет от себя комсомол, то что же?... Ведь тогда это уже как бы законченное одиночество, из этого одиночества нет выхода, только вниз — опускаться, падать... Как страшно, оказывается, оставаться совсем одной...

Вдруг резкий телефонный звонок.

— Левитская слушает.

— Галя, здравствуй. Это Осьмяков. Ну, как там у вас с Кочергиной? Разбирали ее?

— Минуточку, Анатолий Иванович... — Левитская прикрыла трубку ладошкой и еще раз обратилась к Кочергиной: — Ну, так как, Ира? Только честно...

— Все, что угодно... — поблднев, прошептала Кочергина. — Только не исключайте... Только не это... — И вдруг горячие слезы брызнули из ее глаз.

— Алло, Анатолий Иванович? Извините, что не

Дует встречный четырехбалльный ветер, накатывая на нас полтораметровые волны. Приходится идти в лавировку, постоянно меняя галсы. На каждом галсе мы отвоёвываем у Аральского моря несколько метров. В это время Виктор Трегубов, манипулируя компасом, картой и лагом, прокладывает курс на остров Кокарал. А Дмитрий Чернявский, дежурный по камбузу, готовит какао и макароны по-флотски с помощью специального стабилизированного устройства, которому не страшна качка. Но вот внезапно встречный ветер сменяется штилем, паруса беспомощно повисают, «Спрут» замирает. Мы все четверо садимся на рабочие места гребцов.

Плавание продолжается. ...Летом 1976 года наша научно-спортивная экспедиция в составе четырех человек выехала из Москвы на скором поезде Москва—Андижан. А вместе с нами—весельно-парусное семикорпусное судно «Спрут», занимая десять багажных мест. Кроме меня, руководителя экспедиции, в ее состав входили штурман похода Виктор Трегубов (студент МИСИ), старпом, он же преподаватель МИСИ Дмитрий Чернявский, кинооператор Дмитрий Балашов.

Нам предстояло провести испытания судна на «живучесть» в условиях штормов, штилей, мелей, транспортировки на дальние расстояния. То есть подвести итог моей почти 15-летней конструкторской работы. Дело в том, что существующие маломерные суда, используемые в туристских целях, не отвечают требованиям безопасности в открытых акваториях. Как результат этого—большое количество несчастных случаев на воде. «Спрут», как мне казалось, обладал качествами, которых не было в предыдущих моделях.

Планидармом для испытаний выбрано было Аральское море. Здесь и штормы с самой крутой и беспорядочной волной, и изобилие мелей, и просто тяжелые климатические условия.

Высадившись на станции Аральское море, мы горели желанием начать плавание немедленно, но прежде необходимо было собрать «Спрут», перевести его из транспортабельного в рабочее состояние, еще раз проверить меры безопасности. Море не прощает даже малейших недочетов.

Наконец все готово, мы сталкиваем «Спрут» на воду и начинаем поход. Это происходит в безветренную июльскую ночь. Над нами висит безоблачный небесный купол, высвеченный бисером ярких звезд. Несмотря на поздний час, теплоходы, стоявшие у причала, провожали нас маршем «Прощание славянки». Вообще моряки и рыбаки Аральского моря отнеслись к нам с большим радушием. Они снабдили пресной водой и некоторым шкиперским снаряжением, которого у нас не хватало.

Уже в первые часы плавания мы испытали, что такое аральские мели. Приходилось выпрыгивать за борт «Спрута» и брать его «под уздцы», хотя осадка судна была минимальной, всего 20 сантиметров.

На следующий день мы обнаружили большой крен «Спрута» на левый борт. Накатившаяся волна наполнила все три отсека гребцового корпуса через открытые люки. После этого левый борт погрузился до самых уключин, а уключины правого борта соответственно поднялись настолько, что грести стало невероятно сложно. Выяснилось, что первоначальное затопление было вызвано негерметично задраенным люком. Трудная ситуация, в которой мы оказались, заставила нас изменить курс и идти к ближайшему берегу на веслах. Был почти полный штиль. Наши силы стали иссякать. Вдруг появился спасительный

ветер. Паруса наполнились, крен почти сошел, и мы быстро поплыли—и едва заметной борной волной.

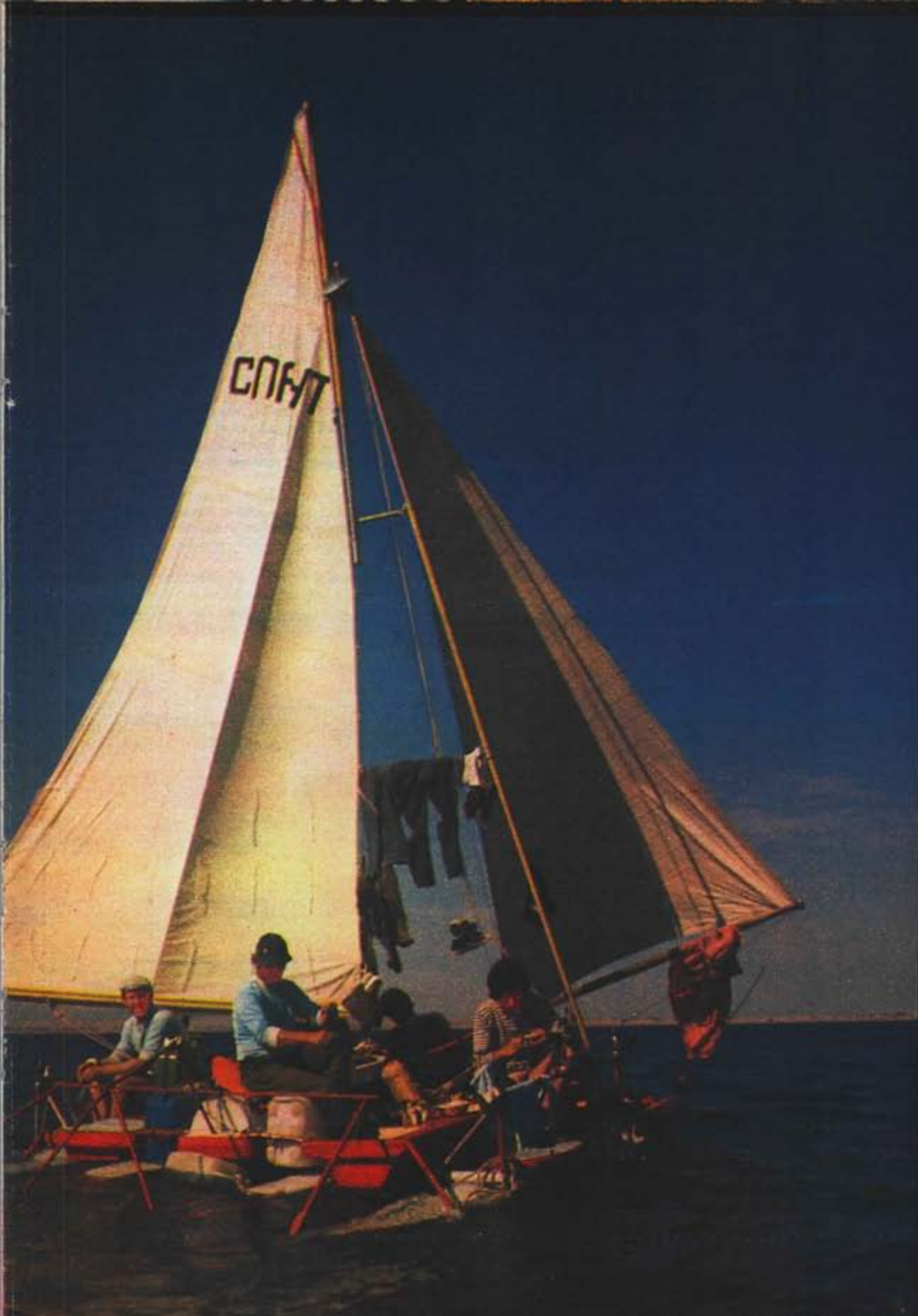
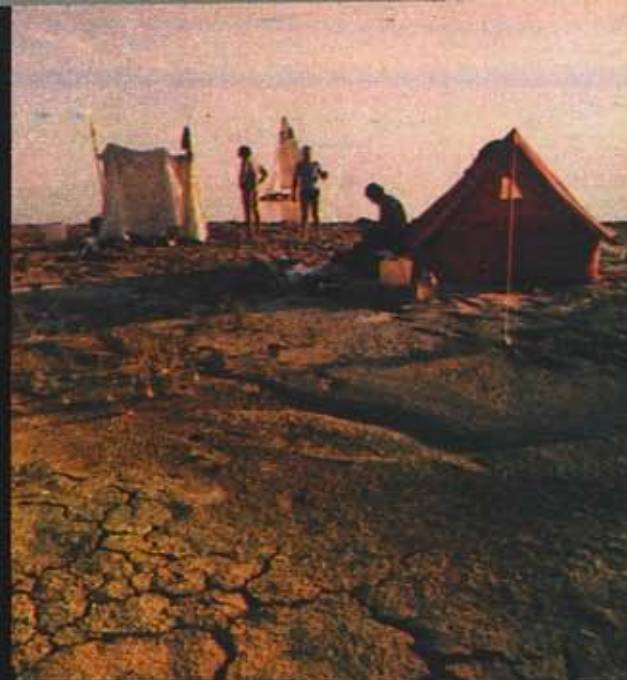
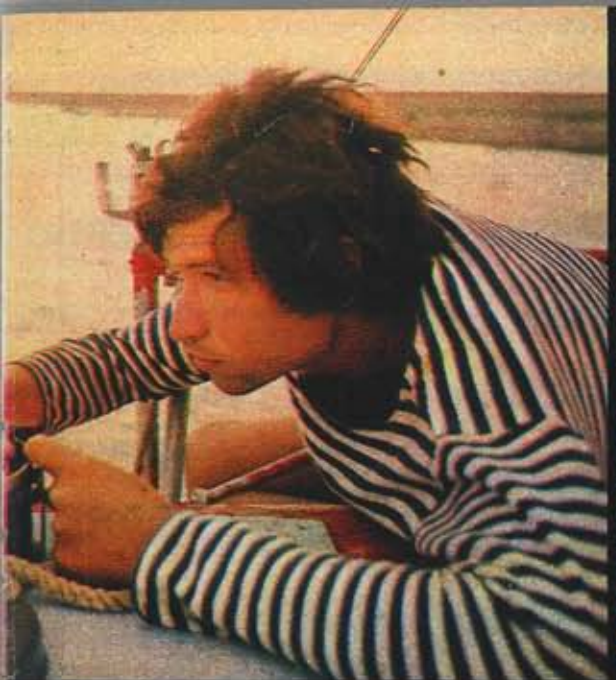
Так прошел первый этап задренажированных испытаний «Спрута»—на живучесть—когда даже в тех отсеках, на которые в первую очередь планировалось умышленно нагнать воду, забортная вода оперативно поступала вовнутрь судна. «Спрут» с честью выдержал этот нелегкий экзамен даже тогда, когда водой наполнились все семь корпусов, он имел относительно малый крен и достаточную плавучесть.

На следующее утро мы взяли курс на полуостров Кактырнак. Был безветренный, жаркий день, и мы опять шли на веслах. Чтоб хоть как-то спастись от жары, прерывали греблю и, прыгнув за борт, плавали вокруг «Спрута» до тех пор, пока не чувствовали прохладу.

До берега полуострова догребли около двух часов ночи. Топкие плавни не позволяли нам выйти на твердый грунт. Пришлось устраиваться спать на

Роберт РЯЙККЕНЕН,
кандидат технических наук,
старший преподаватель МИСИ
Фото Юрия УСТИНОВА

«СПРУТ»

палубах гребцовых корпусов, закрыв предварительно все люки.

На рассвете мы обнаружили, что стоим у абсолютно пустынного песчаного берега. Задерживаться здесь надолго не было смысла. Решили продолжать плавание до тех пор, пока не удастся раздобыть пресную воду. Взяли курс на остров Кокарал. Свежий встречный ветер опять вынудил нас идти в лавировку, значительно удлиняя маршрут. Ночью несли вахту у руля посменно, а подвахтенная смена спала прямо под открытым небом.

Во время дежурства Балашова и Чернявского вдруг заштормило. Ветер засвистел в вантах. Над палубой вздымались двухметровые волны. Настал момент, когда можно было по достоинству оценить оригинальную конструкцию мачты «Спрута». Судно испытывало бортовую и килевую качку, мы то падали вниз, шумно шлепая по поверхности воды носовыми плавниками, то взлетали по пенистому гребню волны. Эта удивительная картина борьбы «Спрута» со штормовыми волнами просто зачаровывала, хотя кое-кому из моих попутчиков было не по себе. Чернявского так вовсе свалил с ног приступ морской болезни. Пришлось сменить его на вахте.

В шторм с особой очевидностью проявились преимущества двухэтажной многокорпусной конструкции «Спрута» в сравнении с традиционными однокорпусными и двухкорпусными судами. Подвахтенная смена спала на открытой палубе в сухих спальных мешках без риска быть смытой за борт. Крен и дифферент были настолько малы, что исключали опасность скатиться с палубы, хотя борт практически отсутствовал. Но самая главная особенность «Спрута» заключалась в том, что он мог одинаково успешно двигаться и на веслах и под парусом.

К берегу острова Кокарал мы подошли в одиннадцать часов утра. Нас встретили пустынные, залитые солнцем берега. Людей нигде не было видно. Это нас встревожило, поскольку запасы пресной воды подошли к концу.

Последующие четыре дня мы шли вдоль северного берега острова в поисках людей, но наши усилия были тщетны, хотя мы то и дело наткнулись на стада верблюдов, табуны лошадей, стаи диких уток и гусей.

Нам пришлось пить морскую воду, которая оказалась не такой уж и соленой. В шутку мы называли ее минеральной водой. Так вместе с судном испытания проходили и мы сами.

Отчаявшись найти пресную воду на этом острове, мы взяли курс на полуостров Каратуп. Переход совершили в штормовую ночь. Опять высокие волны подбрасывали «Спрут», как мячик. И для нас стало ясно, что жизнь на штормовой волне Аральского моря много сложнее, чем на Азовском море, где модель «Спрута» — «Курс» штормовал в 1974 году.

Позднее мы узнали, что безлюдье берегов Аральского моря — результат его обмеления. За сравнительно небольшой срок уровень воды опустился на семь метров, прибрежные селения отделились от берега на значительное расстояние. Например, рабочий поселок рыбозавода Акбасы сейчас находится в 12 километрах от берега, хотя еще четыре года назад примыкал к нему вплотную. До сих пор вокруг поселка разбросаны в степи рыбацкие лодки, внезапно застигнутые обмелением.

В сухопутную разведку пошли Дмитрий и Виктор. Пошли без воды. Больше суток мы пребывали в тревожном ожидании. Когда же наши улыбающиеся товарищи показались вдаль, мы поняли: им удалось наконец найти людей. С великим наслаждением мы пили настоящую пресную воду и закусывали хлебом, которого почти неделю не видели.

Через несколько дней мы подвели первые итоги экспедиции и стали собираться домой. Предстояло еще исследовать корпус судна, коэффициент его износа и т. д. Но главное было ясно всем — «Спрут» прекрасно выдержал экзамен на морскую зрелость.

Осенний мотив

Желтизна. Зеленца. Чернота.
Стекловидность воды и роздыми.
Сквозь ракиты сквозит краснотал,
И осинник лиловый и розовый.

Посизели стволы рябин.
Прояснила коры мушкатость.
Облака из глубоких низин
Наползают, как груды облаток.

Воробьям никуда не лететь,
Но ночуют и кормятся стаями,
А на зорях так начали петь—
Голоса соловьями протаяли.

Небо белое подолгу слушаю,
Но ни звука живого не прынет оттуда,
Не пролягут путями воздушными
Лебединые клики—кларнетное чудо!

Убыль света, полета, галактики.
Прибыль прихмури, мысли и смога.
Смена цвета, и смеха, и ласки.
Ожиданье зимы. Вся в надеждах
тревога.

Отрадно, сухо и пресветло.
Пуховый зной—чуть время к полдню.
Как полно дышится без ветра!
Такою осень я не помню.

Брусничкой пахнет палый лист.
Зеленым глянец блещет ряска.
Под елкой рыжики. Костист
Узор ветвей. Тропинок вязка
Исчезла в лапчатой жести.

Придет ноябрь листву грести,
Снега бросая из горсти.

Что мне пришлось в лице твоём?
Что мне запомнилось навечно?
Ресниц лучистый окоем
И вздох: «Любовь ведь скоротечна»,
Улыбка грусти на губах,
Лишь мной одним еще целованных,
И отсвет солнца на руках,
Пока никем не окольцованных.
Жужжал осокарь в вышине
Листовой зеркальной и смолистой,
Пылал закат в речной волне,
Как я, веселый и неистовый.
Я успокаивал твою
Тогда неведомую скорбь.
И говорил я, что люблю,
И не был на слово я скор.
И был уверен: от меня
Теперь судьба зависит.
А оказалось, от огня
Твоей сердечной выси.
Доверчивость твою и честь
Я золотил обманом.
Но все же есть ты, где-то есть
За мглой и ураганом.
Моя потеря велика,
Как небо океана!
Была ты рядом—далека,
Вдали ты—нетуманна...

Все мне пришлось в лице твоём..

Восхождение

В Планерское входит лето.
По горам—
Горицветы, горицветы
Тут и там, тут и там.

Горицвет, он цветом в вина—
Рислинг и мускат,
В гроздья зимние рябины,
В ветровой закат.

В чашечке его пощенной
Бродят сны детей,
И нектар здесь пьет точеный
Горный соловей.

Мы с тобой легкой на ногу,
А душой чисты.
Восхождение, ей-богу,
В небо красоты!

Скал сиреневые зубья,
Ты, Сюрю-Кая,
Любы мы тебе, не люби ль—
Я и спутница моя?

— Хоть молчат твои вершины
(Камень, он молчун),
Ты запомни наше имя!—
Пику я кричу.

— Слышу, слышу. Чу.

— То-то, режущая тучи,
Ветры пополам!
Я ж, взаимностью могучий,
По зубцам как дам!

И смеется моя прелесть:
— Ну и ну, шутник!
Часовой на вышке к «цейсу»
К черному приник.

Вышка алая, пином,
Верный страж хребта,
Ты смотри на нас, влюбленных:
Чем не красота?

Сквозняков по травам шорох,
Всплески, блески, вольный бег.
Мы с тобой забыли город,
Наши судьбы, у которых
Разны мир, среда и век.

Ну, а все же мы не розны,
В это ты поверь.
Тяготением межзвездным
Не растащишь нас теперь.

Коктебель в сады закручен.
Бухты предночная стын.
Гор обрушливые кручи.
Киммерийская полын.

Эскалатор

Эскалатор. Эскалатор. Лампионы.
Рокот лестниц. Звуки песни. И погоны.
Лица в думах. Отстраненность. И улыбки.
Детство. Старость. Мир. И сшибки.
Кто в обнимку. Кому смутно. Кому ясно.
Угрызенья. Озарение. И пляска.
Спешка. Локти. Свиристение и гром.
Синий поезд под рекой, под декабрем.
Полусказка, полубред и полувраль—
Ляжет скоро над столицей февраль.
А потом движеньем солнца принесет
Лета красный, полный ласки теплоход.
Остановка. И опять летят вагоны.
Грезы. Тряски. Обновленья. Лампионы.
Эскалатор. Эскалатор. Верх и низ.
Появленье. Созревание. И криз.
Мрамор. Фриз.
Вверх и вниз.

Если станет вконец одиноко,
Вы не к людям стремитесь—от них.
Человеческий мир, как удушливый кокон,
Не отдышишься в нем, только ветер утих.

Если жизнь вам покажется безнадежной,
Что ни делай: все—слабые, сильные,—
Заплутайтесь в лесу, где чащобы безбожные,
Золотые шмели, колокольчики синие.

Обласкают вас вереска томные запахи,
И обвеет крылами свистоперый косач,
Держидерево строгими лапами сцапает,
Наколдует отрадные думы кедрач.

Если тьмой обернется для вас беззащитность:
Вы пророк и спаситель, а правда не ваша,—
Вы к воде поспешите, нежным солнцем прошитой,
Что летит голубея и камни шараша.

За чертой волнолома мальчишки блестят,
Добывают восторги и самоцветы.
Как дельфины, ныряют, фырчат и пицат,
Искрозубые шпингалеты!

Лиловеют вдоль бухты грядой валуны.
Залобуетесь мерным скольжением чаек.
Ощутите вы море до глубины.
На душе посветлеет и полечает.

Все сменяется в жизни: печаль и полет,
Гнев и гордость, прозренья и вера,
Самозванство и спесь, и уют и почет,
Усыпальницы, звездная мера.

Утешенье найдете вы в сердце своем,
Как находите добрую мудрость в народе:
У отчаянья, мрака на весь окоем,
Вселеченье и силы в обычной природе.

Обратно

Моя мглистая Родина, я возвращаюсь домой.
Под крылом самолета я вижу горбатый Иран.
Жду я встречи с тобой, и с детьми, и с женой,
Твой бессонный, примолкший, грустящий Иван.

Расставаться печально, а разлука прекрасна!
Через боли чужие ты отчее счастье поймешь.
Через горе не наше ты поймешь, как опасны
Нетерпимость, жестокость, безверье и ложь.

Был я в Индии, тайной издревле богатой.
Напряженной. Блуждающей. Безмятежной.
Я спускался по бхатам—ступеням прибрежным,
От жары беловатым, ширины неохватной.

Здесь сжигают усопших,
Бормочут брахманы веды
И учат страдать и ведать
Сытых и бедных.
И лавины усопших
Паломников
Окунаются в Ганг.
Огоньки тут в ладонях сияют.
И гирлянды камелий в зеленые воды бросают.
И по дням и ночам молитвы читают
Справедливым, кровавым, похотливым богам.

Был я в Индии храмов, кокоса и кобры,
Которая руку хозяина жалит,
И собаки, прыгающей сквозь обруч,
Пронзенный безжалостными ножами.

Повсеместно в портах, на базарах и в селах,
Возле хижин рабочих, в дворцах магараджей
Замечал мудрецов, трудолюбцев веселых,
Тех, кто празднует, кланчит и страждет.

О, как добр ее тонкотельный народ!
Просияешь, заплачешь от чуткого танца!
Чистоту ее мое сердце несет,
Просто странника—не иностранца.

Восхищался я тем, как тут женщину чтут:
И премьеры и нянюку босую.
А мальчишки такие узоры там ткнут:
Так у нас лишь морозы рисуют!

И похожи мы странно между собой,
Даже страшно-нежданно похожи:
Многосложностью, думами, красотой,
Простодушьем, оттенками кожи.

Были горы, железисты, сизы и голы.
Гнулись русла безводные, темные пади.
Приближаются нежные в озими доли.
Это ты! С высоты твой простор неогляден.

Ты, весенняя Родина, не обессудь,
Что сквозь Индию мысли мои о тебе.
Никому не откроется мир, как и неба суть,
Если будет твердить о своем, о себе.

Рисунки
Вениамина
КОСТИЦЫНА

Михаил АЛЕКСЕЕВ

“Ивушка неплакучая”

СЧАСТЬЕ УСЛЫШАТЬ ОТКЛИК

У человека мало времени, человек привык торопиться, но вот, опять припомнивши что-то, откладывает он другие дела, садится в задумчивости за стол и, забыв обо всем другом, пишет письмо...

Письмо писателю, книгу которого он недавно прочитал.

И пусть иногда не очень складно признаны одно к одному слова, пусть попадетсся корявая строка... Не каждый день пишут такие письма. Может быть, первый раз в жизни. Может, единственный.

Когда задела прочитанная книга за живое, когда заставила сердце биться сильнее, заставила плакать над строкой и смеяться, а потом и надолго задуматься и припомнить вдруг свою жизнь до того ярко, что захочется рассказать о ней этому так тонко чувствующему и горе и счастье людское человеку, ставшему любимым писателем...

В этом номере «Смена» печатает несколько читательских писем, присланных в издательства и редакции на имя известного советского писателя депутата Верховного Совета РСФСР Михаила Алексеева, роман которого «Ивушка неплакучая» выдвинут в 1976 году на соискание Государственной премии СССР.

Уважаемый Михаил Николаевич!

Будучи на конференции в гор. Уссурийске, я купил вашу книгу «Ивушка неплакучая». Вчера закончил ее читать, сидел в раздумье, перелистывая страницы, и жена спросила: ну, как книга? Я ответил: отличная. А на вопрос, сколько стоит, не посмотрев на обложку, ответил, что этой книге цены нет. Почему я так ответил? Потому что в ней описано все очень просто, доходчиво и правдоподобно. Потому что, читая эту книгу, я переживал вместе с героями этого романа и горечь неудач и лишений и радость победы и счастья в мирные дни. Я родился в 1927 году на Украине в Житомирской области. Голодный 1933 год хотя не очень хорошо, но помню. Помню, как мы, пацаны, собирали на полях колоски ржи, как пухли с голоду и умирали люди, помню, как умер с голоду мой друг одноклассник Гена. Потом в 1936 году наша семья по переселению переехала на Дальний Восток в Приморский край, в село Гапенки, где я до начала войны успел закончить 6 классов. В начале войны в 1941 году отца и старшего брата забрали на фронт, а нас оставило с матерью еще шестеро братьев и сестер. Старшая сестра пошла работать (ей исполнилось 16 лет) в столовую посудницей с надеждой хоть как-то поддержать семью. Я тоже оставил школу и пошел работать учеником токаря. Мать уговорила заведующего мастерской — а ей как жене фронтовика пошли на уступки, — и меня приняли на работу при моих неполных 14 годах. В этом году мне в сентябре исполняется 49 лет. Из них 35 лет трудового стажа — 5 лет с начала войны и до апреля 1946 года токарил в мастерской, а после войны пришлось переквалифицироваться и стать электриком. Я работаю 30 лет в одной организации. Война не обошла стороной и нашу

семью. Не вернулся с фронта брат Алексей. Отец хотя и вернулся в конце 1945 года, но прожил недолго, с подорванным здоровьем и с тремя ранениями организм не справился. Схоронили его в феврале 1947 года. Как трудно было, но вся наша семья поднялась на ноги. Кроме старшей сестры, которая успела еще до войны окончить 7 классов, да меня, недоуча с 6 классами, остальные все получили образование. Брат Дмитрий — директор базы, Валентин — механик в порту Владивосток, Анатолий — геолог и сестра Вилина — преподаватель в гор. Магадане. Маме нашей 76 лет. Правда, слабенькая, но еще на своих ногах держится, проживает со старшей сестрой в гор. Уссурийске. В этом году 4 февраля ей исполнилось 76 лет, и на ее юбилей мы, все ее дети, съехались к ней. Она беспредельно была рада такой встрече.

Извините, что много написал, возможно, вам это и неинтересно, хотел выразить благодарность в двух словах, да не смог.

От всей души выражаю искреннюю благодарность, желаю доброго здоровья, много лет жизни и творческих успехов уважаемому автору романа Михаилу Николаевичу Алексееву.

Еще прошу вас, если не затруднит, то напишите мне, как сложилась в дальнейшем судьба Фени и Авдея, есть ли у них совместные дети, кем стали Гринька и Минька, как сложилась судьба Маши Соловьевой с Федченковым и будет ли сниматься фильм по этому роману? Очень хотелось бы увидеть его на наших экранах.

С сердечным приветом и искренним пожеланием творческих успехов в вашей благородной работе.

П. БОРИСОВИЧ
Приморский край, Октябрьский р-н,
с. Гапенки

Здравствуйтесь, Михаил Николаевич!

Я читаю очень много книг, но с такой, как «Ивушка неплакучая», встречаюсь впервые. Тяжелая книга. Это не то что там, на фронте. Там вообще было тяжело. Все время смерть ходила по пятам. Все время, наверное, было страшно. Здесь у них, у ваших героев, нет той близости смерти, как на войне, но у них тоже очень тяжело. И вот эта тяжесть кого-то делает настоящим человеком, а кого-то калечит. В основном, я считаю, трудности должны закалять человека, но могут и искалечить его. Это в том случае, если он слаб духом. Таких людей я не вижу в вашей книге.

Извините, но я не могу согласиться с вашей постановкой вопроса о Маше Соловьевой. Она виновата, виновата до глубины души, что так получилось, что у нее появился ребенок от другого... Она не хочет покориться мужу, попросить прощения. Ишь, мол, чего захотел! Может, на колени упасть перед тобой? Не дожидесь этого!

Так она говорила: «Не будет этого, помру, а не покаюсь».

Почему она так говорила? Почему не покалась? Я еще не до конца прочитал вашу книгу, но у меня уже сложилось свое мнение. Я не прошу от вас ответа. Я сам попробую добиться ответа на поставленный мной вопрос. Хочу вас спросить только об одном. Как вы писали это? Как вам удалось найти таких героев?

Не знаю, дойдет ли мое письмо к вам. Пишу по адресу издательства, который указан в этой книге. Так что еще раз большое спасибо за ваш роман.

Могу сказать вам немного о себе. Живу в Прибалтике, в городе Советске. Это в Калининградской области. Город стоит на реке Неман. Очень тихий и очень красивый город. Если сможете, приезжайте к нам. У нас хорошая рыбалка и охота. Я это точно знаю. Живу здесь с 1951 года. Как видите, совсем еще молодой человек. Еще раз спасибо вам за книгу. Приезжайте в гости.

ФИЛИППОВ Анатолий Михайлович

Дорогой Михаил Николаевич!

Письмо мое написано как отклик на прочитанную книгу «Ивушка неплакучая». Попалась она мне чисто случайно — уж очень мал ее тираж. Сначала прочла ее моя супруга, — значит ничего не сказать. Уж очень взволновали нас судьбы героев, как положительные, так и отрицательных. Книга поистине, если так можно выразиться, жизненно-народная. До выхода в свет Вашей книги я прочитал произведения Георгия Маркова «Строговы», «Соль земли», «Отец и сын», а также роман Ивана Тени «Исчезают в полдень», и все эти книги мне очень понравились.

Я думаю, что Вам они хорошо знакомы. «Ивушка неплакучая» напомнила мне эти произведения. Она будто из этого же ряда глубоко народных наших книг.

Название книги тоже выбрано удачно: Феня Угрюмова действительна «Ивушка неплакучая».

Когда читаете Ваше произведение, то полностью окунаешься в жизнь героев. Вместе с ними переживаешь их радости и горе, удачи и неудачи, живешь их тревогой за настоящее и надеждами на будущее. Но вот прочитана последняя страница и книга закрыта, а тебе все хочется читать ее дальше и дальше, но увь...

И вот еще что я подумал: «А не Сергей ли Ветлугин — Михаил Алексеев?» Вот вкратце и все, что я хотел Вам написать. Большое спасибо за хорошую книгу.

С уважением
СЕМЕНОВ
г. Донецк

Дорогая редакция!

Пишу свой отзыв о книге писателя Михаила Алексеева как о хорошей, интересной и прекрасной книге. Когда я ее прочитал, я решил, что обязательно напишу свой отзыв об этой чудесной книге. Я и раньше читал на эту тему и смотрел кино, но там, эти кино и книги не заставляли так призадуматься и так ясно понять человеческую жизнь, как смог понять ее я из романа Михаила Алексеева «Ивушка неплакучая». Какой человек — главная героиня повести Угрюмова! В какие только узлы не связывала ее жизнь, но она сумела не только создать в годы войны женскую бригаду, но и вырастить сына-героя. Но не только у одной Угрюмовой так завивалась, такие петли выдвигала жизнь, у всех. Ничего не поделаешь, жизнь, как говорится, жизнь!

Я очень рад не только за писателя, написавшего этот роман, но и за Угрюмову, главного героя. Хотя и в конце романа, но узнала она все-таки, что такое счастье. Спасибо за роман, Михаил Алексеев!

БАЕВ

ТЕНИ НАД КАДЕНОЙ

Владимир САПРОНОВ

«НЕПОТОПЛЯЕМЫЙ АВИАНОСЕЦ» — так называют остров Окинава, где расположена одна из крупнейших на Дальнем Востоке авиабаз США — Кадэна.

Странно вечером на Би-Си-стрит в центре Кодзы. Местные жители стараются обойти эту улицу стороной. Когда солнце садится за ограду Кадэны, тротуары заполняют парни с одинаково короткими прическами, в одинаково потертых джинсах. Это американские солдаты. Для них улица — сплошной веселый квартал. Вот бар «Париж», в нескольких шагах от него зазывает клиентов клуб «Лима», чуть поодаль сияет неоновой вывеской бар «Майами». Что ни дом, то бар или клуб. Впрочем, разница, как мне объяснили, только в терминологии. В каждом заведении полумрак, приглушенная музыка, пьяные голоса... Следующий этап на пути хмельного воинства — «отели». Так здесь скромно называются публичные дома. В начале и середине месяца у развлекательных заведений запланирован бум: в Кадэне выдают жалованье. Хозяева «отелей» в эти дни устанавливают особую таксу, намного выше обычной. Вопрос «кто кого больше уважает» нередко решается ножами и бутылками.

Четыре года назад Соединенные Штаты передали Окинаву Японии, а на Би-Си-стрит, похоже, об этом и не знают. Здесь мало что изменилось. Только пальмы подросли вдоль проезжей части да в магазинах, где привыкли к хрусту долларов, берут и японские иены.

Несколько минут ходьбы — и перед вами последний бар «Аврора». Прямо за ним начинается территория авиабазы — 21 миллион квадратных метров. На ограде надписи: «Территория базы. Вход воспрещен японским законом. Охраняется сторожевыми собаками».

Окинава — остров необычайно красивый. Можно часами любоваться его пейзажами. Особенно прекрасны летние закаты, когда высокие, как шапки великанов, тропические облака еще долго светятся в последних лучах уходящего дня. В Кодзе солнце садится за колючую проволоку. И не только в Кодзе. Одна база переходит в другую по всему побережью Вос-

точно-Китайского моря центральной части острова.

Колючая проволока стала символом Окинавы, как много лет назад символом столицы Франции стала Эйфелева башня. Пожалуй, каждый третий сувенир парижских киосков — башня в том или ином виде: модель на подставке, брелок, открытка, дамский платочек. Символ Окинавы столь широко не пропагандируется.

С июля 1975 года по январь 1976-го Окинава жила международной выставкой «Экспо-75 — Мировой океан». Выставка проходила в местечке Мотобу в северной части острова. Чтобы попасть туда из административного центра префектуры Нахи, где распо-

ложен большой пассажирский аэродром и морской порт, нужно два с половиной часа ехать по шоссе № 58. По этому маршруту и двигались автобусы и машины с миллионами посетителей.

Незадолго до открытия выставки американское командование разослало по всем базам секретную директиву. Войскам приказывалось «по мере возможности» замаскировать

все военные объекты вдоль шоссе № 58, сократить программу маневров и учебных стрельб. Самолетам ВВС запрещалось летать над территорией «Экспо». Все это для того, подчеркивал документ, чтобы не создавать у приезжих туристов впечатление об Окинаве как об острове военных баз.

Желание военных понятно, но с возможностями оно явно расходится. Читателям местной газеты «Рюкю симпо», куда попала секретная директива, осталось только посмеяться. В самом деле, как замаскировать десятки километров колючей проволоки, склады, радарные установки, гаражи, ангары?.. Между прочим, одна станция дальней связи стоит на горе, которая возвышается над территорией выставки: от баз на Окинаве просто некуда деться. Что же касается Кадэны, то мимо ее западной стороны туристам приходится ехать около двух километров.

Со стороны шоссе или с борта корабля можно наблюдать, как идут на посадку тяжелые транспортные самолеты. Один за другим они выныривают из облаков и через несколько минут исчезают за зелеными холмами, которые издали сливаются с бункерами складов на территории базы. Две бетонные взлетные полосы шириной 91,5 метра и длиной 3690,5 метра позволяют принимать самолеты с очень небольшими интервалами. Кадэна — конечный пункт воздушного моста через Тихий океан. Каждый месяц сюда, по данным властей префектуры, перебрасывают свыше восьми тысяч тонн грузов. Всего на острове расквартировано около 34 тысяч американских солдат и офицеров, так что получается по четверти тонны на человека. Это без учета морских перевозок. Грузы в Кадэну прибывают самые разные. Большая часть, конечно, засекречена, но иногда делаются исключения. В январе на авиабазу пожаловали представители морской пехоты. Им предстояло принять первую партию новых вертолетов для разведки и войсковой поддержки. Торжественный момент транслировался по местному американскому каналу телевидения. Блестящие, с разобранными лопастями машины бережно извлекали из чрева гиганта «С-5», а диктор бойко перечислял их достоинства по сравнению с предыдущей моделью.

С севера к авиабазе примыкает поселок Кадэна, собственно, и давший ей название. Есть тут еще одна «Кадэна» — небольшое питейное заведение, популярное среди американских солдат.

У восточной стороны базы уютился ботанический сад «Юго-восточный рай». 425 видов кокосовых пальм сменяют одна другую вдоль его аллей, то усыпанных яркими желтыми гравием, то выложенных правильными ромбами каменных плит. Среди деревьев неожиданно возникают высокие столбы-тотемы, призванные придать месту еще более экзотический вид. В низине вырыты небольшие пруды, где плещутся золотые рыбки и скользят по поверхности причудливые ладьи с драконами на носу. Действительно, райский уголок. Но не поют здесь райские птицы. Тревожную тишину разрывает лишь рев турбин. Кажется, пальмы дрожат и роняют с ветвей прозрачные, как слезы, капли воды. Это взлетают «фантомы». Один, другой, третий... В апреле прошлого года над ботаническим садом взлетала только одна эскадрилья «фантомов». Спустя год их стало уже четыре. Некогда петь птицам в «Юго-восточном раю».

А вот еще один нарушитель тишины — стратегический разведчик «SR-71» — садится на поле Кадэны. Максимальный потолок самолета — 25 тысяч метров, скорость — 3200 километров в час. В Кадэне свила гнездо целая эскадрилья «SR-71». Маршруты этих самолетов — глубокая тайна. Разведка ВВС — самая большая шпионская служба США. У нее втрое больше сотрудников и в несколько раз более весомый бюджет, чем у ЦРУ, — около 3 миллиардов долларов в год.

У меня и сейчас перед глазами небольшой, но столь типичный кусочек окинавского пейзажа — ананасовая плантация около дороги из Наго на Кодзу, с трех сторон зажатая оградой полигона морской пехоты. На Окинаве нет невозделанной земли. Но центральная часть острова — самое благодатное место для трудолюбиво-

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕНЩИНА, КАК И РАНЬШЕ, ВЕРШИТ СУДЬБАМИ ТЫСЯЧ ЖИТЕЛЕЙ ОСТРОВА. ВЧЕРА ЭТИ ЛЮДИ ПОТЕРЯЛИ ЗА ОГРАДОЙ БАЗЫ СВОЮ ЗЕМЛЮ, СЕГОДНЯ ПОЛУЧИЛИ УВЕДОМЛЕНИЕ ОБ УВОЛЬНЕНИИ.

го окинавского крестьянина — практически целиком отнята у него под базы и полигоны. Американское правительство арендует на острове земли 30 тысяч местных жителей.

Экономику острова можно сравнить с самолетом, который пытается взлететь с тормозным парашютом. «Без развитого сельского хозяйства мы не сможем добиться никакого прогресса», — сказал один из чиновников префектурального собрания, посетивший павильон СССР на «Экспо-75». — А какое может быть сельское хозяйство, если сеять и пасти скот практически нигде: повсюду базы».

Многие крестьяне не хотят сдавать свои земли под базы. Часть наделов была отнята во время войны императорской армией, затем на смену пришли американцы и унаследовали их по праву оккупантов. Никаких карт или документов тех далеких времен не сохранилось. Словом, концы в воду. Прошло несколько лет, и базам стало тесновато. Тогда американское командование стало насильно «арендовать» землю у крестьян. Кадзэна заключила за своей оградой 4007 крестьянских наделов.

Перед возвращением Окинавы Японии парламент протасил закон, который одобрил захват оккупантами земли окинавских крестьян. Ради сотрудничества с Пентагоном был принесен в жертву даже святой в буржуазном обществе принцип частной собственности.

Крестьяне требуют вернуть им землю. На их стороне и власти — губернатор Окинавы, префектуральное собрание и муниципалитеты. В 1977 году истекает срок действия закона об «аренде». Губернатор префектуры попросил правительство не продлевать его на новый срок, но вряд ли к его просьбе прислушаются. В мае начальник управления национальной обороны Японии М. Саката заявил, что правительству планирует предложить парламенту продление закона.

Саката сделал свое заявление за несколько дней перед отлетом в США делегации ВВС Японии для закупки новейших истребителей-бомбардировщиков. В Вашингтоне после падения сайгонского режима настойчиво призывают Японию к увеличению военной мощи. Призыв этот находит в правящих кругах Японии самый благоприятный отклик. В «Белой книге» по вопросам обороны подчеркивается необходимость «тесного сотрудничества с вооруженными силами США в целях улучшения оснащения и усиления эффективности «сил самообороны». Во имя этих целей в Токио попирают волю окинавского народа.

В годы оккупации окинавцы боролись за воссоединение с Японией и ликвидацию военных баз. Оба вопроса никогда не разделялись. Большинство простых людей думали, что в составе Японии бороться против баз будет легче. Словно злая насмешка, над ними красуются на острове Кадзэны да и других военных объектов таблички: «Проход воспрещен японским законом!».

Еще одна «птица Кадзэны» — «Б-52». Сейчас их гнездо снова на Гуапе. Кадзэну они облюбовали в годы войны во Вьетнаме. Отсюда было удобнее бомбить города и села героической страны. За своих жен и детей пилоты были спокойны. На аккуратные одноэтажные домики военного городка Кадзэны не упала ни одна бомба.

Эскадрилья стратегических бомбардировщиков улетела вскоре после «возвращения» Окинавы Японии. Но в ноябре прошлого года на окинавскую землю снова легли злое тени. «Над Гуапом тайфун», — поспешило с разъярениями американское командование. Над

Окинавой стояла редкая для этого времени года ясная погода. Но только не погода мешала посадке. Новые заграждения выросли возле ворот, наряды полиции в шлемах и со щитами патрулировали подступы к аэродрому: Кадзэна оказалась в осаде. Волны демонстрантов с плакатами «Вон, «Б-52»!» накатывались на авиабазу. Все местные газеты на первых полосах публиковали отчеты о борьбе населения острова за изгнание бомбардировщиков. Требование окинавцев поддержали власти префектуры. Самолеты улетели. Через несколько недель они снова оказались в Кадзэне, чтобы переждать очередной тайфун. Одновременно с визитами «Б-52» американское командование распорядилось об учебных ядерных бомбардировках полигона на острове Издзима, что в пяти километрах от берегов «Экспо». «Фантомы» уже без стеснения летали над проливом между Издзимой и выставкой. Вместо стыдливого маскарада — демонстрация военной мощи. Так расценили шаги командования местные газеты.

19 мая восьмимоторные гиганты «Б-52» опять сели в Кадзэне. Как уже стало заведено, никто не просил разрешения на посадку. В Токио работники МИДа прочли уведомление, лишь когда на Гуапе уже запускали моторы. Пентагон лишний раз подчеркнул, кто настоящий хозяин Кадзэны.

Военную ось Токио — Вашингтон желают, очевидно, раскручивать и правящие круги Японии. Вот почему выступления окинавцев против американских военных баз и петиции властей префектуры наталкиваются на глухую стену. Подводя итоги четырехлетнего существования Окинавы в составе Японии после долгого периода оккупации, можно сказать, что «возвращение» острова пошло Пентагону даже на руку. Его агрессивные планы теперь под защитой японского закона и правительства.

— Зачем вам мое имя? Я такой же, как все военные летчики, майор ВВС.

Человек в ковбойке и брюках фирмы «Ливайс» от смущения почесал свой бритый затылок. Красные брюки с фирменной этикеткой говорили о принадлежности к старшей офицерской касте. Служивые рангом пониже обычно носят за пределами баз джинсы.

Немного пилоты из Кадзэны оказались слогоохотливыми собеседниками, некоторые вообще не вступали в разговор. Майору, который был как все, я задал всего несколько вопросов:

— Почему вы пошли в ВВС?

— Я люблю путешествовать. Хотел посмотреть мир.

— Насколько вам это удалось?

— Я не летал только в коммунистические страны. Из Кадзэны можно попасть куда угодно. В последние годы я дважды бывал в ЮАР, был в Турции, Иране, Пакистане, Таиланде, во Вьетнаме. В этой стране мне особенно понравилась природа и пляжи, а женщины там — просто чудо.

— Выходит, вы там отдыхали?

— Нет, работал.

— ???

— Не удивляйтесь. Хирург делает свою работу, военный летчик — свою. Я летал главным образом над Южным Вьетнамом, а точнее, над провинцией Куангчи...

Шокирующее сравнение. Врач спасает людей от смерти, возвращает здоровье. Несколько часов не отходил от операционного стола хирург-вьетнамец, чтобы жил искалеченный воздушным пиратом человек, а тому нужно было только открыть бомболюк, дальше конвейер смерти работал без его участия. Майор не знает, сколько детей он сделал сиротами. Впрочем, подробности о своей «рабо-

те» во Вьетнаме он рассказывать не стал. Боялся, что его не так поймут.

Не поймут его и молодые коллеги, которые не запятали себя кровью невинных жертв. Профессия убийцы многим курсантам военных училищ сегодня не импонирует. Даже в самом привилегированном из них — Уэст-Пойнте, по свидетельству западно-германского журнала «Шпигель», заговорили об этике. Там учат, что слепо выполнять приказ, каким бы он ни был, нельзя. Несколько лет назад в этих стенах такое утверждение сочли бы кощунством. Но и «фельдфебелям», и «вольтерам» из Пентагона приходится изворачиваться. Слушателей теперь волнует, могут ли из них сделать палачей вроде лейтенанта Колли. Он ведь тоже исполнял приказ. Будущие пилоты спрашивают, есть ли моральная разница между расстрелом мирных жителей на земле и убийством их с воздуха. Даже бывавший во всяких переделках начальник военно-морского училища в Аннаполисе растерялся. «На этот вопрос нет однозначного ответа», — выдал он после долгих раздумий.

Перемены в международных отношениях оказывают влияние и на вооруженные силы США. В Кадзэне рядка преподаются в интерпретации Пентагона, а военному ведомству важнее, чтобы погода над Кадзэной была летная, а политический климат посуше. Иначе труднее будет перебрасывать новые эскадрильи «фантомов». Но и в «переходном бастионе свободного мира» — эту роль отводят Окинаве американские стратеги — солдаты и офицеры думают подчас совсем не так, как хотелось бы в министерстве обороны.

Открытие «Экспо-75» совпало по времени с важным событием в освоении космоса, в истории американо-советских отношений. Стыковались космические корабли «Союз» и «Аполлон», высоко над Землей пожали друг другу руки космонавты СССР и США.

Я присутствовал на диспуте советских и американских студентов в Московском государственном университете. Кто-то из американцев сказал тогда, что стыковка будет лишь внешне эффектным фактом для прессы, а души простых русских и американцев она не затронет. Прогноз оказался в корне неправильным. Я перебираю сейчас в памяти все связанное с моим пребыванием на Окинаве и могу сказать, что самое сильное впечатление осталось от тех незабываемых дней. Стриженные парни в джинсах подходили к нам и жали руки, поздравляли с успешной стыковкой. Они были совершенно искренне рады, что с советскими людьми можно сотрудничать и укреплять дружбу.

Капитан ВВС Боб Пиппин пришел в наш павильон в костюме для народных танцев с партнершей в пышной пачке — офицерские клубы устраивали на выставке свои представления. Беседа настолько увлекла его, что забытая дама так и ушла одна. Капитан Пиппин говорил о политике, используя ковбойскую терминологию. Вот что он, в частности, сказал:

— В баре за столом сидят два ковбоя. «Кольт» Билла направлен на Джона, а дуло Джона смотрит прямо в грудь Билла. Кто бы из них первым ни выстрелил, получит в ответ смертельную пулю. Поэтому никто из них не стреляет. Они пытаются уговорить друг друга бросить оружие. Но каждый боится сделать это первым. Вдруг да его примеру не последуют! Круглое лицо моего собеседника даже покраснело от напряжения, как будто он решал задачу великой важности.

— Я имею в виду наши страны. И

мы и вы понимаем, что гонка вооружений бессмысленна. Нашей стране позарез необходимы те миллиарды долларов, которые идут на ракеты и самолеты, вашей — тоже. Но мы военные, наше дело получить приказ и действовать. Пусть договариваются политики.

Рассказ про ковбоев не так уж оригинален. На миф о «советской угрозе» американские газеты до сих пор не жалеют бумаги, а радио и телевидение — времени. В казармах идею об «агрессивности Советского Союза» вдалбливают еще в больших порциях. Не удивительно, что многие из расквартированных на Окинаве американских солдат и офицеров верят в постулаты «холодной войны». Что ж, Боб Пиппин тоже не безгрешен. Но капитана действительно беспокоит то, что соотечественникам в Штатах не живется лучше, если в Кадзэне становится больше самолетов.

В этом году был принят рекордный за всю историю Соединенных Штатов Америки военный бюджет — почти 113 миллиардов долларов, на 22,2 миллиарда больше, чем в прошлом году. Политики в конгрессе проголосовали за пушки, когда не всем еще хватает масла. Американский журнал «Ньюсуик» не скрывает, что расходы Пентагона раздулись из-за новых видов оружия, «специально предназначенного для возможной войны с Советским Союзом».

Мир планете достался ценой, которую в долларах не измерить. Десятки миллионов человеческих жизней не переводятся на язык денежных знаков.

Время отдаляет от нас битвы, где вместе сражались советские и американские солдаты.

В сентябре 1973 года вместе с корреспондентом американской газеты «Крисчен сайенс монитор» Лео Граульвым я побывал на воинском кладбище в Полтаве. Там среди могил советских воинов захоронены два американских летчика — Джоузеф Кукачек и Рэймонд Эстелс. Они погибли во время налета фашистов на аэродром, который в годы войны использовался совместно советскими и американскими самолетами. Конечно, я не мог тогда предположить, что два года спустя встречу на Окинаве их боевого товарища.

Сейчас этому человеку уже за шестьдесят. Его зовут Джон Уоллес. После выхода в отставку он остался жить на острове вместе с двумя окинавскими мальчишками — своими приемными сыновьями. Старый пилот рассказал о ночной бомбежке противника, о встречах с русскими на аэродроме, о гибели друзей.

— Я не помню всех подробностей того налета, имен русских, с которыми встречался, — сказал Уоллес. — Время стирает из памяти детали, но мы, ветераны той великой войны, помним и, пока живы, будем помнить, что с русскими мы сражались за чистое небо над всей землей.

Уоллес крепко пожал мою руку и направился к выходу из павильона. На несколько мгновений он задержался в дверях, ослепленный заходящим солнцем. Казалось, оно садилось где-то возле острова Издзима, и оттуда до выставки через пролив тянулся широкий, как взлетная полоса, огненный след.

Последний раз я видел солнце над Окинавой 20 января этого года. Мы ехали по шоссе № 58 в аэропорт Наха. Восход застал наш автобус в пути возле Кадзэны. Небо было совершенно безоблачным, и край солнечного диска был хорошо виден за колючей проволокой авиабазы. Бетонные бункера оружейных складов бросали на дорогу длинные черные тени.

НОВОЕ ИМЯ

Виктор ШИРОКОВ

Виктор Широков учился в моем семинаре в Литинституте. Вот уже несколько лет я наблюдаю за ним. В его творчестве можно выделить несколько тематических линий. Одна из них, на мой взгляд, весьма плодотворная — историческая лирика. Несомненно заслуги поэт старшего поколения в разработке этой сложной темы. Удачу есть и у молодых, скажем, у Виктора Широкова, ровесника Победы, врача по специальности. Его окрестивший за последние годы стих стремителем, напорист, ритмически и интонационно разнообразен. В связи времен он ищет ключ к пониманию нынешней действительности. Его оглядка в прошлое не дань моде, молодой поэт хочет почувствовать и осмыслить, «как Россия росла от первой славянской стоянки до славой покрытой страны», хочет возникнуть, вжиться в традиции, чтобы ощутить их истоки и продолжение.

Второе поэтическое пристрастие Широкова — природа. Она тоже исторична, дана в неожиданных ракурсах, динамично.

Третье — сильное чувство к любимой женщине. Умение передать свое душевное богатство, выразив при этом чувства и мысли своих сверстников, достойно всякого одобрения.

Александр МИХАЙЛОВ

Все та же скромная картина в гостинной маленькой висит, в углу чернеет пианино — ничуть не изменился вид родного дома... Те же стулья, на прежнем месте грузный стол, и ночничок — подобье улья — все так же мечет искры пчел. И в памяти очнулось детство, где зайчик скачет по стене — невыразимое соседство мужчины с мальчиком во мне сейчас...

К окошку подхожу я, чтобы припомнить жизнь свою, но вижу улицу чужую и ничего не узнаю. Напротив был пустырь колючий, кустов непроходимый лес, и было сказочней и лучше следить волнение небес. ...Бежали тучи, как верблюды. Как шхуны, плыли облака. Сражались призрачные люди. Текли минуты, как века. Растаял в сини дым летучий, и обнажился свод небес. И нет ни облачка, ни тучи, да и пустырь давно исчез.

Сейчас напротив дом огромный глазами жгучими глядит, еще смелей, еще бездонней в них солнце дикое горит. Куда исчез наивный зайчик? Молчит закатное стекло. И в нем не отразится мальчик... Как быстро время протекло!

Осенний день

Был этот день тревожно мглист, чего-то ожидая.
Гремел по тротуарам лист, с деревьев опадая.

Так оглушительно гремел, подобно жесткой жести, что я лицом бледнел, как мел, и ждал печальной вести.

Невыносимо было жаль молящих веток хилость, и в душу светлая печаль, как птица, поселилась.

И мухи белые, слепя, возникли ниоткуда, и это было как судьба и продолженье чуда.

Белый снег на станции Ляды. В городе такой еще не выпал. Впрочем, может, он асфальтом выпит. Выгопан. Расхвтан на следы. Белый снег на станции Ляды. Как же мне топтать его неловко — кажется, обронена обновка. Кем — поди дознайся, догляди...

Я по снегу этому иду, ветер оттопыривает полы у пальто; веду с собою споры, думаю о чем-то на ходу.

Словно кто под локоть подтолкнет, оглянись на стационарный домик, он в летящем снеге быстро тонет и при каждом шаге отстает.

Словно кто под локоть подтолкнет, вспомню детство, редкие наезды, жалкие гостинцы и надежды — что уж бабка все легко поймет.

Старый аттракцион

А. Межирову

Репродуктор завывает, сказав слова на треть. Репродуктор завывает старый номер посматреть. Мотогонки... Звуки гонга... Друг за другом по стене двое носятся, вдвоgonку эхо гулкое вдвойне расчихалось... Был да вышел страх у пары неземной! Первый — круче, первый — выше, а за ним спешит второй! — Ай да смелость! — Что за нервы! Вот отчаянный народ! — Гляньте, первый... Сдался первый. Безнадежно отстает. Жутко этот промежуток. Не игра — смертельный труд! Сразу стало не до шуток. Замер потрясенный люд. Загляделись на второго, выше, круче руль второй... Для чего он, право слово, так рискует головой?! И плывут крутые стены, лица в круг сплошной слились. Отдохнувши постепенно, все равно не вспомнишь лиц, для которых мчался, трясся в жестком гоночном седле... Так всю жизнь — по старой трассе. Перерыв. Парад-алле! По стене огромной бочки — как у бездны на краю. Центробежной силы прочность охраняет жизнь твою.

Флор ВАСИЛЬЕВ

В синем небе пролетает реактивный самолет. Облака он прошивает, серебром по шелку шьет.

И смотреть забавно взору, как, родившись на глазах, древние лежат узоры в современных небесах.

Смотрит бабушка на внука, обмахнув с ресниц слезу. Как постиг он ту науку: «Толзэ», «Бичам» и «Зу»?

Наши бабки вышивали — Любо-дорого глядеть. Наши бабки выживали, чтоб сумели мы взлететь.

А узор на небе ярко, золотят его лучи. Вышил паренек в подарок для невесты кабачи*.

В синем небе петли вяжет реактивный самолет... А невеста парню скажет, что наряд ей подойдет.

На берегу Чепцы

Облака медленно стаей летят, как усталые гуси. Соловей в ивняке настраивает свои певучие гусли.

К сонной речной заводи солнце щекой прижалось. Всюду разлиты, как запахи, кроткая нежность и жалость.

Белый туман до пояса, в небе алая кромка... В вечер такой не боязно счастье позвать негромко.

Отцы и дети

Наши деды залежи подняли (были все, как один, молодежь). Наши деды смолоду помнили: что посеешь, то и пожнешь. Вот и севяли деды добротное, без гнильцы и сора зерно. Летний зной и зиму холодную пережить сумело оно. Наши деды залежи подняли, всё засеяли и ушли... А отцы амбары наполнили самым лучшим зерном Земли.

Мы теперь на поле выходим. Нам не жалко ни рук, ни спин. Только был бы век хлебороден. Этот нам доверенный клин. Все случится так, а не иначе... Сыновья! Вам недолго ждать. Наша очередь — сеять нынче. Ваша очередь — завтра жать.

* «Толзэ», «Бичам», «Зу» — названия удмуртских узоров на вышивках.

** Кабачи (нагрудник) — часть женского свадебного наряда.

*** Шортдэрем — хлопчатая рубаха, платье.

Поле голубого льна, ты, как небо, голубое. Грань не определена между небом и тобою.

Лен мой, лен мой, скоро ты превратишься в шортдэремы***, вышьют женщины цветы, сложим* мы о них поэмы —

О полях бескрайних льна, о цветах на юбке хрусткой... Грань не определена между природой и искусством.

Моя река

Друг сказал: «Да она с вершок!» Друг сказал: «Совсем не видна. Ширина — на один шажок, на одну ладонь — глубина». Ты и вправду не широка, моя маленькая река. Даже мой некрикливый стих громче вод тишайших твоих. По тебе не гулять волне и ветрам барашков не гнать, и твоей тцедушной спине легкой лодочки не поднять. Только гладь ты и только тишь.

Но на месте ты не стоишь! И в тебя, Невеличка-река, совершая свой трудный путь, Путешественники-облака опускаются отдохнуть. И в волнах огромной реки, Той, которой прекраснее нет, ты

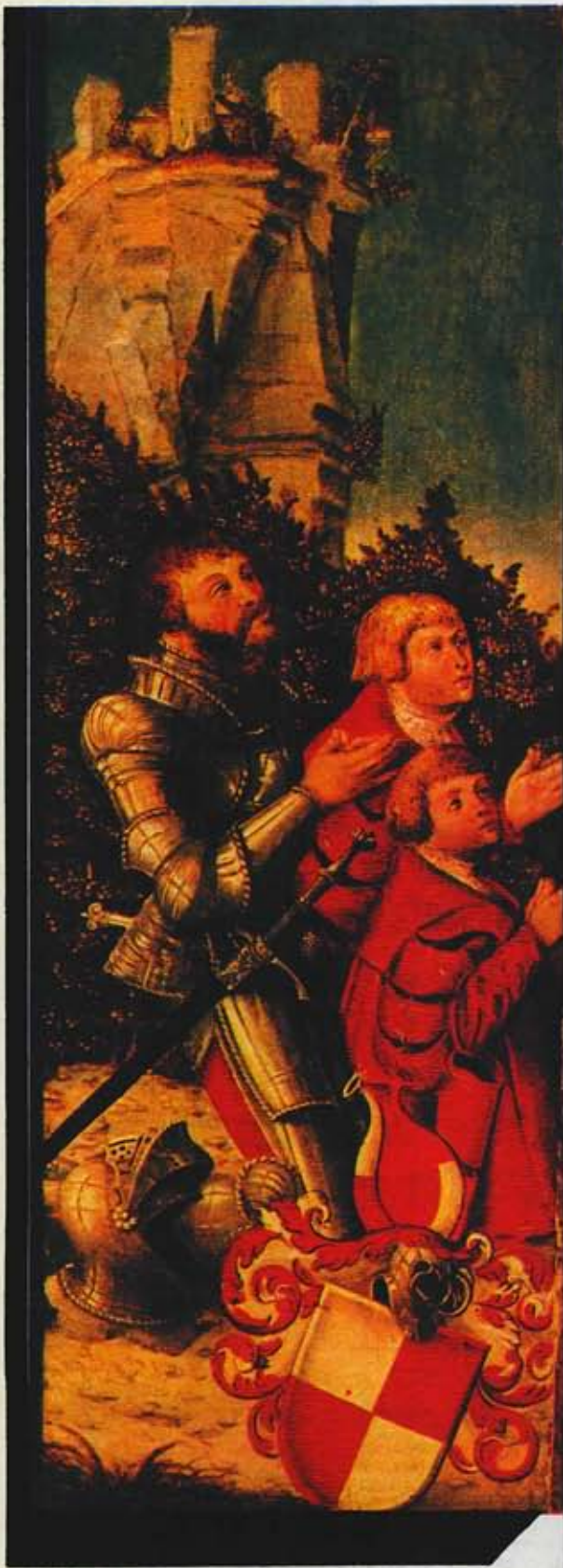
Насмешкам всем вопреки оставляешь свой слабый след. Сколько лет мы с тобою прошли, нас одни морозы прожгли, и родил полуденный зной эту связь меж тобой и мной.

Было счастье наше — твоим. И водою другой реки жажду мы не утолим, твои верные земляки. Было горе наше — твоим. Мы в обиду тебя не дадим.

Перевел с удмуртского Евгений ХРАМОВ.

ВЕЧНАЯ ЗЕМНАЯ

Город, изображенный на картине страстного подмастерья из Кранаха, несомненно, был тем самым городом, где бургомистром достоитимый герр Ионас Юстус.

И все сказали:

— Да. Это наш город!

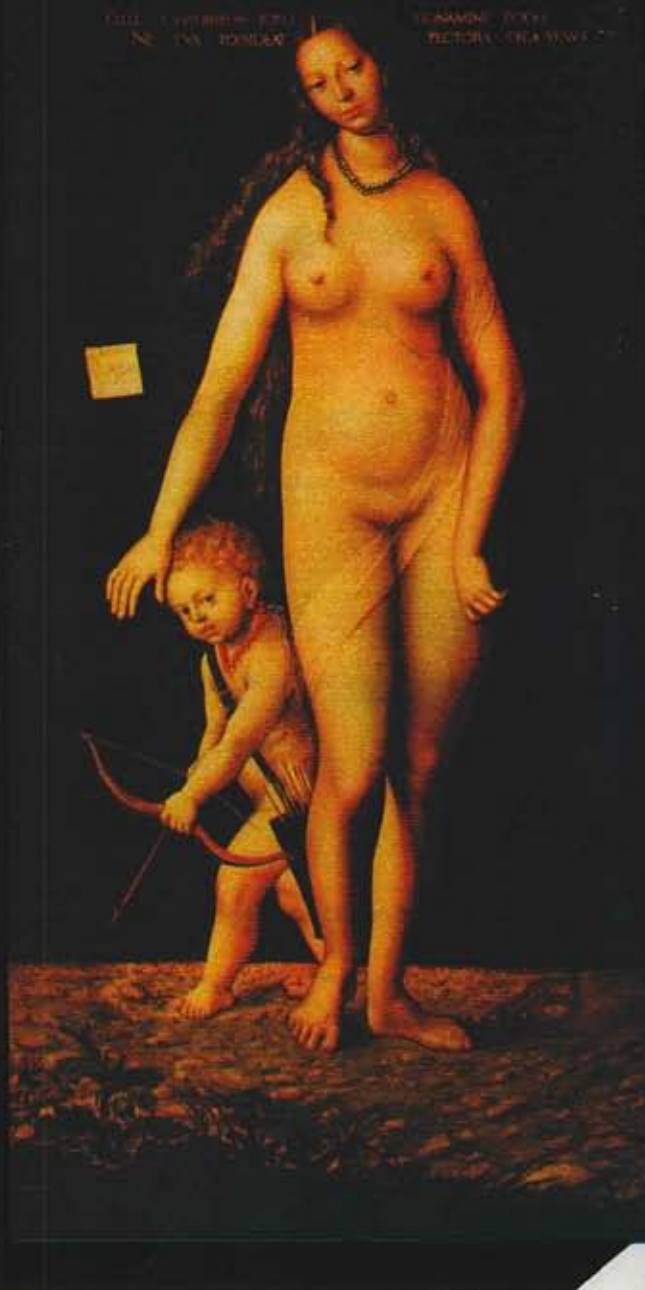
В том-то и загадка. Всякий, имеющий глаза, был бы вынужден признать: весь город на полотне страстного подмастерья не уместился. Уместился один дом, а из всего дома подмастерье почтил вниманием... окно.

На подоконнике розовые локотки упираются в подушку, расшитую розами. Эти розы — произведение дамы, чьи розовые пальчики трудились над подушкой, лежащей на подоконнике, который являлся частью окна, окно — частью дома, дом — города, а город, так же как этот дом, окно, подушечка на окне и сама дама, облокотившаяся на подушечку, — все это было вверено попечению и заботам достоитимого бургомистра герра Ионаса Юстуса.

— Да, да, да! — воскликнула, едва взглянув на

Владислав БАХРЕВСКИЙ

ЖИЗНЬ

- ПОРТРЕТ РЫЦАРЯ С ДВУМЯ СЫНОВЬЯМИ.
- МАДОННА С МЛАДЕНЦЕМ ПОД ЯБЛОНЕЙ.
- ВЕНЕРА С АМУРОМ.
- ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.

картину, очаровательная госпожа Хелли, супруга заботливого Ионаса Юстуса, чьи локотки упирались... Ну, об этом вы уже знаете.

— Да,— подтвердил бургомистр и брякнул перед странствующим подмастерьем не десять и не двенадцать, а все-таки двадцать гульденов. А этого вполне хватало на путевые расходы до самой Вены, и подмастерье, расцветая и воодушевляясь, сказал:

— Коли суждено этому миру, в котором лесов больше, чем полей, а полей больше, чем городов, коли суждено этому миру стать одним единым городом, то пусть это будет ваш город, герр бургомистр. Он так опрятен, а жизнь в нем такая разумная! Я бы только пожелал тому городу, который заменит собою весь мир, чтобы вечерами в его домах так же, как и у вас, запахивались бы окна, и дамы, столь же благородные и столь прекрасные, как госпожа Хелли, глядели бы на улицы.

Подмастерье отвесил глубокий поклон и чуть-чуть подмигнул даме, улыбавшейся ему из нарисованного окошка нарисованными губами. Потом он вздохнул, прощально глянул на госпожу Хелли, которая едва-едва перевела дыхание под тугим корсажем, и— в дорогу, в Вену, ибо он уже имел все для своего ремесла, кроме славы. А слава не пустой звук. Если уж она есть, то тембр ее голоса точь-в-точь, как у монеток, когда они сыплются из одного кошелька в другой.

Уже через десять минут странствующий подмастерье из Крапахы был за воротами города и сидел в дорожном кабачке вдовой девицы Магды.

И будто бы вдовая девица Магда сама принесла подмастерью кружку пива и так долго ставила ее перед ним, что все это увидели да и кое-что и услышали.

— Художник, художник, нарисуй мою красоту!— так будто бы сказала вдовая девица Магда.

— Я нарисовал бы тебя, красавица, но где найти такую синюю краску для твоих синих глаз? Где найти алоу для таких алых губ? И нет у меня такой белой для белых ручек твоих.

— Эх, художник! Не спеши на ночь глядя в путь, и мы вместе с тобою найдем синюю краску среди синего неба. Сумеешь поцеловать меня, сок губ моих брызнет на твою палитру — вот тебе и красная, ну, а белую...

— Я убью и тебя и твоего проклятого мазила! — взревел влюбленный кузнец Ганс, вскакивая на столбы-ноги и с такой силой врезаясь головой-котлом в низкий кирпичный свод потолка, что посыпалось красное крошево.

Вот уже десять лет кузнец Ганс ухаживал за вдовой девицей Магдой, и ему, конечно, было обидно услышать то, что услышали все.

— Дуэль? — Художник допил свое пиво, послал воздушный поцелуй даме и обнажил шпагу.

— Э, нет! — хватая Ганса поперек туловища, возразил тиран-папаша. — Ты сначала прилади крылья на ветряную мельницу да перенеси жернов со старой на новую, а уж потом пусть тебя и проткнут из-за какой-то сороки.

— Погоди же, мазила! — взревел кузнец Ганс. — Вот перенесу жернов да прилажу крылышки, уж тогда-то я с тобой и поквитаться.

Сдирая головной черную копоть с потолка, Ганс выскочил на улицу, а за ним и его папаша.

— Я так взволнована, — сказала хозяйка и, сверкая белоснежными юбками и ножками, поднялась в жилые комнаты вверх по лестнице, удачно устроенной прямо посреди трактира.

— Может, бедняжке нужно подать стаканчик воды? — забеспокоился странствующий подмастерье и побежал за хозяйкой Магдой следом.

— О нет! Не говорите! Охота на кабана — это слишком серьезно. Человек противоборствует зверю. Невероятно яростное и неукротимо сильное животное — и человек. Два начала: злое и божественное. Выродок природы и творение совершенное... В такой охоте нет игры. Я люблю иное. Скачет зайчишка, и все скачут: собаки, лошади! Все — вихрь!

«Послал господь болтуна», — подумал хозяин охоты, замка и самого герцогства Виттенбергского Фридрих по прозвищу Мудрый.

Охота, на которую герцог пригласил посланника императора, дай господи памяти, как его... фон... (памяти на имена господь Фридрих не дал, не все же одному, достаточно, что этот раб божий обладает кабаньей силой и многими другими добродетелями), охота удалась и даже очень удалась. Огромный кабан выскочил на герцога. Одним ударом клыков убил лошадь, но герцог успел выстрелить, а потом возил в грудь вепрю короткий римский меч. Смерть не остановила двадцать пудов бешеного мяса, и, как знать, не пришлось ли бы парадный обед заменить на заупокойную тризну, но посол императора, неженка и дамский дыхатель, подскокил к зверю и выпалил ему в ухо из тяжелого ружья.

Теперь герцог и посол шли обедать, но путем самым кружным, через залы, стены которых покрывала прекрасная роспись, через сокровищницу святых реликвий. Герцог Фридрих успел собрать около пяти тысяч святых предметов и показывал их с гордостью.

- Подошва святого Фомы.
- Кожа с лица святого Варфоломея.
- Кусочек горящего куста Моисеева.
- Небесная манна.

Посол холодно похвалил коллекцию и замер в дверях очередной залы.

— О герцог! Это же Италия!

— Мой бывший живописец Якопо де Барбари — итальянец, но душа моя находит успокоение в другом искусстве. Вот Дюрер. Барбари и Дюрер. Тут видно, где торжествует дух и где лепет садовых ухищрений. Это Бургмайер. Это Вольгемут. А это самая лучшая зала дворца, потому что здесь нас ожидает обед.

— Герцог, остановитесь! — Посол невольно тронул Фридриха Мудрого за рукав. — Нас опередили птицы. Это чудесно!

На пустынном, длиною во всю залу столе птицы клевали пустое место и недовольно попикивали.

— Они требуют пищу, герцог!

Фридрих Мудрый довольно засмеялся, птицы метнулись под купол залы и оттуда, прицелившись, нырнули через окно в придворные сады.

Императорский посланник шел следом за герцогом и вдруг увидал, что на столе, который издали показало ему пустым, лежат грозди винограда. Сквозь перламутровую кожу распыряемых соком ягод светилось золото семечек.

— Каков у вас виноград! — воскликнул посол и... смутился. Он, подобно птицам, принял нарисованное за действительное.

— О герцог, мой восторг не знает границ. Ваши художники — волшебники.

В конце залы на маленьком столике на двоих их ждал обед. Герцог снял шляпу и повесил на оленьи рога. Посол держал ее в руках, он повесил ее на другие рога, но шляпа скользнула по стене и упала. Рога оказались призраком, как и виноград.

Посол уморился от восклицаний. Он, видите ли, не желает обедать, покуда его не познакомят с чародейем кисти.

— Это все написал Крапах, — сказал герцог. — Лукас Крапах, мой придворный живописец. Он немец, но я плачу ему удвоенное жалование против того, какое получал Якопо де Барбари, и сверх того еще сто гульденов.

Они стояли друг перед другом, два почтенных бюргера. Черное доброе сухо, упрямые красные физиономии, ноги расставлены, руки в боки. Им бы грудь в грудь для пуще го героизма, а всего-то навсего — брюхо в брюхо.

— Эка не достача! Ста штук кирпича недосчитались. Да мы же не собачью будку строим — божий храм. Побились чертвы ваши кирпичи! При перевозке повысочили, блошиное оно семя!

— Я повторю, — холодно протрубил почтенный бургомистр в лицо столь же почтенному подрядчику, — я еще раз повторю: по моим точным подсчетам, а никто в этом городе не сомневается в моей точности, ибо я не только бургомистр, но и владелец аптеки, — по моим точнейшим подсчетам, у вас недостает красного кирпича в количестве ста штук.

Спорщики не заметили, что в ратуше посторонние. И какие посторонние! Герцог Фридрих подмигнул послу — гостю, а тот, не понимая, зачем они здесь, удивленно пожал плечами:

— Экие напелые люди. И бургомистр хорош: ясный взгляд, высокое чело — и подавай ему сто штук кирпичей. Столь ничтожна жизнь этих людей, и сколько этого ничтожества растворено в море жизни!

Фридрих Мудрый выслушал очередной зал патетики и, не поднимая голоса, позвал:

— Господин бургомистр! Мой друг и гость (господи, как же его зовут?) изъявил желание познакомиться с вами.

Бургомистр увидал наконец высоких посетителей, и будто его дернули за ниточку. Вытянулся, на лице скромная строгость и благолепие, поклонился не без изящества.

— Герцог, с чего вы взяли, что я хочу познакомиться с этим бюргером?! — почти не приглушая звука, взъерепенился посол, однако выставил бургомистру для пожатия кончики пальцев. Себя не назвал.

— Бургомистр города Виттенберга Лукас Крапах. Императорский посол обледел на глазах. Человек Лукас Крапах оскорблял бюргерством не только имя свое, он оскорблял само искусство.

— Я желал бы посмотреть ваши картины, герр Лукас Крапах!

— Извольте. — Спокойствие серых мудрых глаз и спрятанная под невыносимо престоноардным, невоспитанно умным лбом насмешка низкоросленного над высокогордым.

Бургомистр откинул полу безразмерного сюртука, призадумался — тут ли? — и, подумав, извлек из сюртучных необязательных связок ключей. Самодовольно уверенный в себе, пошел впереди, показывая гостям дорогу и заодно отыскивая в связке нужный ключ.

Гость в ярости ступил за дверь мастерской, готовя фразу-убийцу. И увидал «Венеру и амура». Женщина, обреченная на вечную красоту, бесстрастно глядела на него и правой рукой безвольно и безнадежно пыталась отстранить красногубого амурчика, дитя с недетскими глазами, но амурчик наложил на тетиву стрелу и приподнял свое всепобеждающее оружие.

Гость почти споткнулся у этой большой картины, он и ростом словно бы поменьше стал, и золотошпильный мушкетер его будто бы потускнел. Засуетился фон, кинулся к другим холстам. Потанцевал возле загадочной и беспощадной рыжей красавицы, так похожей на жену Лютера Катерину ван Бора, поцокал языком, разглядывая «Отдых на пути в Египет», и снова к Венере. Смордел, как пил. Опомнился. Не заподозрили бы в низменных чувствах! Опять кинулся к мадоннам и снова к Венере.

— Это — само изящество! Это — сама Эллада!

— Мой поэт Филипп, — сказал герцог Фридрих, — воспевай кровать, которую герр Лукас Крапах приготавил к свадьбе герцога Иоанна, оценил его мифологические картины следующим образом:

«И это нарисовал не Парразий, не Апеллес, Аристид или божественный Протогонес, а превзошедший их Лукас, рожденный в Крапахе, под сияющим небом Франконии».

— Это правда! Правда! — воскликнул посол и

кинулся к солидно помалкивающему бургомистру-художнику. — Великий Крапах, позволь мне поцеловать твои божественные руки.

И поцеловал и разрыдался, и ему было подарено одно из повторений «Венеры и амура».

Ладожно оберегая пламя свечи — в большом доме большие сквозняки, — старец прошел коридорами из крошечной спальни в залу мастерской.

Мастерская не запиралась. Правило, верное для всех семидесяти прожитых лет, теперь было нарушено. Герр Лукас Крапах стал приходить в мастерскую ночами. Эта новая привычка родилась в первую же бессонницу и обросла обязательными штампами процедуры.

По заведенному правилу он обходил залу, пряча глаза от глаз нарисованных женщин и мужчин, закивая все канделябры и светильники. Потом он шел к правой стене и садился в кресло.

Здесь, словно воинство римского папы, одного роста, одного цвета, одной улыбки, словно одна страница книги, самозабвенно одинаковые копии «Марии Магдалины» — верноподданническое ремесло учеников.

Эти одинаковые Магдалины — торжество мастера. Покупателю не на что жаловаться, он получит именно такого Крапаху, каков он на самом деле. То же золото выщипав за спиной волос, тот же взгляд золотистых глаз женщины опытной, но сердца радостного и легкого. Все еще искусительница, грешившая искренне и простодушно и столь же искренне и простодушно подышавшая над грехом.

Тяжелый бархат пурпурного платья, золотом расшитый подол, жемчужные цветы на маленькой груди. Синее небо, зелено-золотой ковер земли, лозы винограда, золотистые олени и оленихи.

Красота до полного умиленья. Поглядеть, вздохнуть и ничего не подумать. Ничего!

Эти бесчисленные пречистые мадонны с младенцами, эти красивые Магдалины, эти пурпурно-золотые короли и королевы, точь-в-точь похожие друг на друга, разносят и еще долго будут разносить славу их создателя.

Будущее его не беспокоит. Он был первым в Виттенберге, Аусбурге и Веймаре. Первых не забывают.

Но как только эта мысль рождается в нем, а она рождается в нем всякий раз, когда он приходит сюда побыть наедине со всем, что есть он, как только успокоительная мысль о вечной земной жизни оседлывает его полечавшую старческую плоть, он вскипает недоверием. А так ли распорядился мастер своим мастерством? А достойны ли его искусства люди, вечные слепцы? К холстам — прочны ли? К краскам — а не потускнеют ли через сотню-другую лет? К человечеству — хватит ли у него благоразумия сохранить жизнь такой, какая утвердилась?

Что есть ценности?

В смятении он бросается к противоположной стене. «Турнир». Гравюра. Копья. Лошади, покрытые доспехами, рыцари, плюмажи. Клубок. Узор из живых тел. Великолепие линий, хладнокровно вычитанное безумие композиции.

Вам, господа, нравились портреты, где предательское искусство илощадно просто обнажало непостижимость человека.

— Я умел это.

Вам, господа, нравилось женское тело. И не просто женщина, вам было нужен идол. Вам нужна была подкачка: кого любить, которые в сей век любви достойны более других.

— И вы сходили с ума по моему указу.

Вы хотели быть ближе к богу? Хотели знать, сколь страшны страсти искушения и сколь велика сила отрешивших себя от жизни людей?

Вы моими глазами глядели и будете глядеть на Лютера, на святого Иеронима, на свитую Екатерину, на мать божью и на Иисуса Христа.

С надеждою оставить след в веках вы и ваши дамы шли ко мне.

Вы хотели быть красивыми.

— И я создал вас красивыми.

Ваша гордыня требовала, чтобы люди узнали вас такими, какими вы были на самом деле, какими вас создал бог.

— И я тоже был беспощаден.

Вы хотели нимф, живого винограда, веселых мистификаций.

— Я умел создать то, чего от меня хотели, но это всегда было мое, мое, которое вы принимали за ваше.

Старик бежал к мольберту, хватал кисть и палитру и замирал перед ясной чистотой белых... Его начинала бить тихая дрожь восторга, но в тот же миг у ног разверзалась бездна, и он упорно глядел в себя, и больше всего на свете ему было страшен покрытый белыми, для него, для великого мастера, приготовленный холст...

"Красит человека только любовь"

М. М. ПРИШВИН.
ФОТО ВОЕННЫХ ЛЕТ.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Михаил Михайлович Пришвин всю свою долгую писательскую жизнь вел дневник и считал это своим основным делом. Так он и записал на склоне дней: «Наверно, это вышло по литературной наивности (я не литератор), что я главные силы свои писателя тратил на писание дневников». Как понять нам эти слова? Они звучат противоречиво, почти как шутка в устах большого, признанного художника.

Однако понять их легко, потому что в них заключена основная мысль Пришвина, ведущая его от юности и до старости. Она проста и близка каждому из нас. Это мысль о великой ценности самой жизни — каждого существа, чувствующего и мыслящего, ценности каждого дня с его неповторимым содержанием. «Просто жизнь» — так хотела бы я назвать книгу о Пришвине.

Чтоб этот день, эта минута дала мне — человеку — удовлетворение, она должна быть созвучна самому смыслу всего бытия; сознаем мы то или не сознаем, но именно к этой цели и устремлены, по существу, все наши усилия, все так называемое «творчество» в любых делах. И возникает сразу у нас к Пришвину вопрос: в чем же смысл жизни человека во Вселенной? Пришвин отвечает нам очень просто и убежденно: «Красит человека только любовь, начиная от первой любви к женщине, кончая любовью к миру и человеку». Сейчас вы встретите эти слова в дневниковых записях Михаила Михайловича.

И еще вы встретите там размышления о вере как колыбели знания. Человек должен беречь свою мечту о любви, верить в нее, прежде чем она осуществится в его делах. Научиться мечтать и верить в силу мечты, иными словами, в силу добра, в силу прекрасного — в этом вся простая школа жизни у Пришвина — писателя и человека. Об этом он и размышляет постоянно сам с собой в дневнике, на рассвете каждого нового дня. Мы помним эти утра, когда он осторожно, чтоб никого не потревожить, проходил из своей спальни на веранду (или в столовую, если уже наступили холода). В одиночестве он встречается новой мыслью новый драгоценный день. Это была не только встреча с самим собой, но через себя и со всем миром. Это было дело его любви.

Он жил под конец своих дней около Звенигорода, в деревне Дунино. Теперь

там сохраняется сад его и дом; нерушим в этом доме прежний распорядок жизни. По воскресеньям сюда приходят его читатели. Иногда нас спрашивают: «Как же мог Пришвин с такой душой, какая раскрывается нам в его дневниках, как мог он охотиться — убивать животных? Ведь любовь к живому — это еще и жалость, так говорилось издревле в нашем народе».

На это Пришвин сейчас также ответит вам, хотя, несомненно, делая эти записи об охоте, он не предполагал, что к нему обратятся с таким вопросом читатели через много-много лет после его ухода; писал он тогда свой дневник для себя одного... Кончается одна из записей словами, над которыми задумываешься сейчас с благодарностью: «Жалость наживается с годами, потому что с годами наживается и опыт страдания».

Да, все прекрасное наживается собственным опытом, а не холодным научением с чужих слов. Лишь на этом пути Пришвин признает неизбежным отказ от чего-то низшего в себе, если оно является препятствием для подъема к высшему. Так толкует он понятие «аскетизм» и делает однажды веселую запись о том, как и почему он отказался от курения табака, хотя отказаться ему было не так уж легко и весело. Читая эту запись, вы убедитесь, что свою не изменившую ему до последнего дня работоспособность Пришвин создавал величайшей строгостью к себе, самым образом жизни: он не позволял себе

тратиться на пустяки, на слабости, на дешевые удовольствия. Это не было у него ханжеством: он не боялся для себя свободы, но всегда стоял на страже ее границ и добродушно, и строго, и лукаво сам за собой наблюдал.

Рост человечности в человеке совершается не от научения в «добродетели», а от личной потребности стать выше, чище... да не побоймся снова повторить это слово: стать прекраснее! И это очень существенно у Пришвина: высота достигается не на путях своеволия, а от следования внутреннему голосу совести, как своему «хозяину», — от послушания ему. Разум человека вначале борется с суровым строем природы, возмущается им — так рождается наше непослушание ее законам. После, нечто поняв, мы начинаем с изумлением наблюдать и удивляться «послушанию», на котором живет и развивается вся природа и откуда вырастает ее венец, ее цветение — сама мыслящая личность человека. Рост личности строится уже на новом для природы — на нравственном законе.

Так понимаем мы последнюю запись впервые публикуемых нами сегодня отрывков из дневников — басню о двух собаках: одной «великодушной» и другой «хитрой». Ею мы заканчиваем беседу с писателем.

Мы надеемся, однако, что беседа эта у вас продолжится — вы вернетесь еще к дневникам. Пока издана небольшая их часть; вы найдете их в книгах: «Лесная

капель» и «Фацелия» (т. 3, собр. соч., 1956 г.), «Глаза земли» (т. 5, собр. соч., 1957 г.), «Дневники последних лет» (т. 6, собр. соч., 1957 г.), «Незабудки» (1969 г.), «Сказка о правде» (1973 г.), «Избранные произведения в двух томах» (1973 г.).

Я предлагаю вниманию читателей «Смены» и несколько фотографий из архива писателя. Прежде всего это портрет Михаила Михайловича, сделанный в годы Великой Отечественной войны. Мы жили тогда в эвакуации в деревне Усолье Ярославской области. Пришвину шел уже 70-й год. Там наряду с другими произведениями он написал и «Повесть нашего времени». Это повесть о любви, понимаемой в самом широком значении слова. Вот что записал об этом сам Пришвин в дневнике, начиная свою повесть: «Я пишу... только не удивляйтесь — не для войны, а для мира. Война пройдет, а я не могу писать для проходящего. После войны будет мир. Так вот, я для того мира пишу».

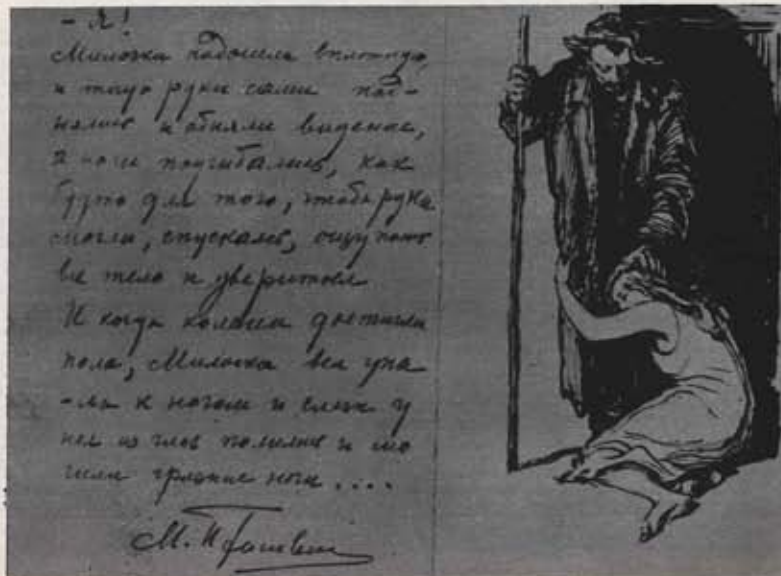
«Война, брань есть утверждение Частного вместо Целого. А мир, любовь — это правильное распределение частей в Целом... Мы поставили себе задачу сказать о любви такое, чего о ней еще не сказал ни один поэт и художник. И мы уверены в том и знаем, что наше время придет, как все знают, что, рано ли, поздно ли, война кончится».

«В сердцах людей во время войны складывается будущий мир. И назначение писателя во время войны именно такое, чтоб творить будущий мир».

Рисунок художника Ореста Верейского (надпись на нем сделана рукой самого Пришвина) относится к следующему моменту повести: солдат Алексей Коршунов, о котором уже давно получена похоронная, неожиданно ночью возвращается домой, измученный, неузнаваемо изменившийся... Происходит встреча с его женой Милочкой.

Следующая фотография сделана Михаилом Михайловичем уже в послевоенные годы жизни нашей в Дунино. Она выразительно отражает взгляд Пришвина на мир: великая ширь неба над полями, рекой, над нашей деревней. И контрастная подробность: порыв ветра (чувствуется разгар лета) остановил идущую по дороге женщину. В природе нет мелочей для Пришвина.

РИСУНОК ХУДОЖНИКА ОРЕСТА ВЕРЕЙСКОГО К «ПОВЕСТИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ».

Валерия ПРИШВИНА

из дневников М.М.Пришвина

1911 год

Бывает в моей жизни, как и во всякой, что не нахожу выхода из круга обыденных, остро кусающих мелочей, и вот тогда, стоит мне только удалиться и стать лицом к реке или лесу и там затихнуть и забыться, как я возвращаюсь назад с радостной душой, и то, что невозможно было решить рассудком, сделает полдневное облако, отдыхающее на краю ржаного поля, или верхушки деревьев в тумане, или золотые свечи — бор на закате. Что это? Не друг ли мой улыбнулся мне?

1909 год (?), 6 мая

Круг. Как вернуть свои переживания в природу, как раскрыть их во всю стихийную ширь? Как сочетать, что было, и то, что есть теперь, как одно претворить в другое, как слить это?

В природе совершается великий круговорот. Это простой и таинственный круг. Простой для всего мира, но таинственный для каждого в миру.

Кругом примеры... Но никто не знает про себя, не проследит: где он начался и где он кончится. Каждый вступает в таинственный круг и снова проходит то, что миллионы прошли.

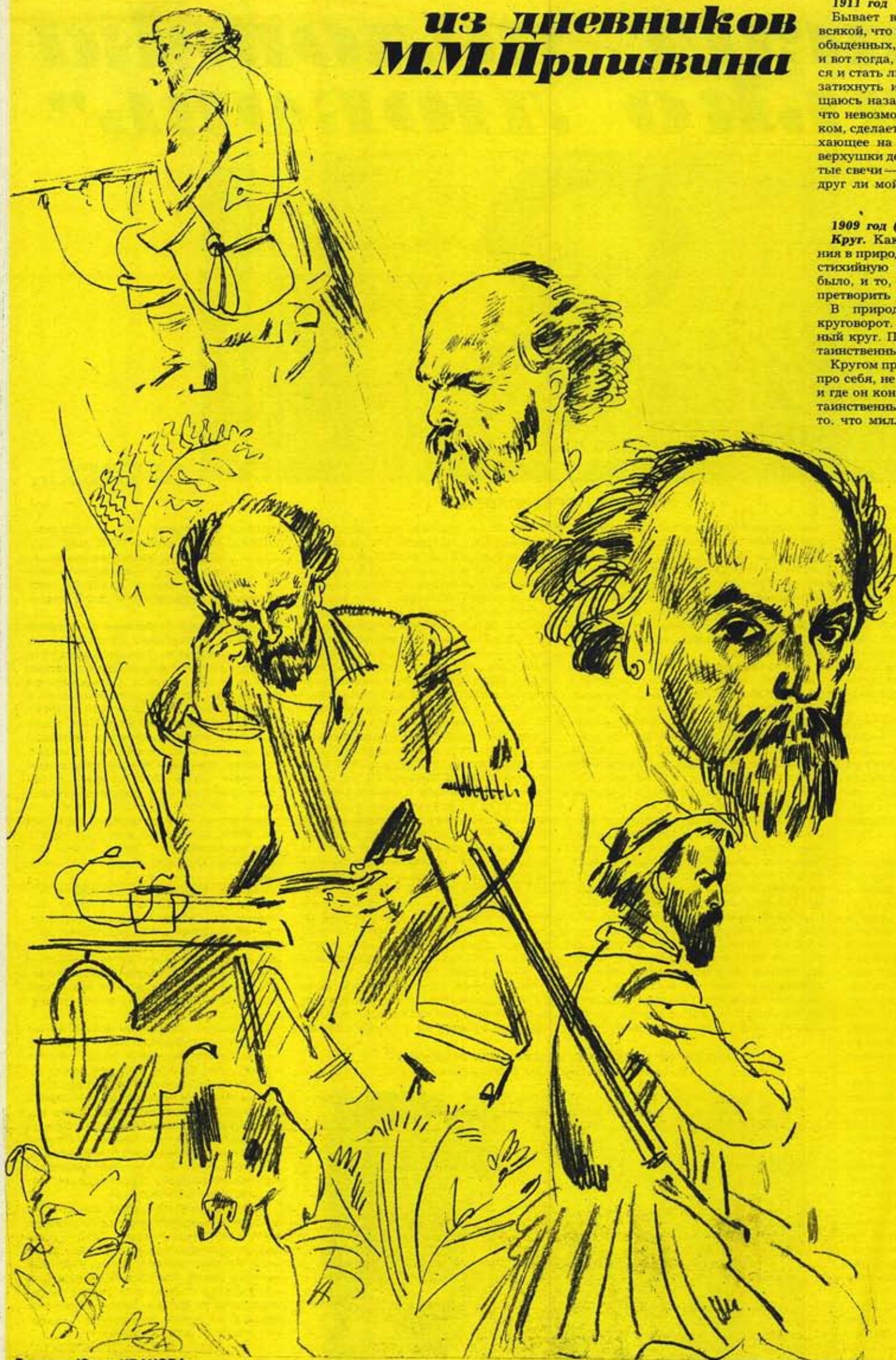

Рисунок Юрия ИВАНОВА

Мои переживания, вероятно, обыкновенны. Но именно этой обыкновенностью я и дорожу. Я хочу выделить из себя то, что весь мир переживает. Я хочу сказать, что когда я любил, то одновременно со мной тысячи таких же, как я, людей, и растений, и животных совершали этот круг... Я хочу сказать, что все их дыхания, все их мысли и чувства я сливал в себе... Я был велик как мир. Это я хочу сказать.

1913 год (?), 22 октября

Аскетизм как цель есть величайшая нелепость. Он есть покров ханжи и лицемерия... Настоящий аскетизм является сам собой как морщины на лбу, как следствие глубочайших переживаний.

1913 год (?), 1 декабря

Богат и счастлив тот человек, который живет, и делает, и показывает пример другим. А есть, которые, делая, все на других озираются: как они плохо делают.—эти несчастливы. И еще есть, которые ничего не делают и только на других озираются, когда, мол, эти начнут — и мы начнем. Такие люди и бедны, и несчастливы.

1921 год, 1—14 июня

— Вы говорите, что «оставили себе о нем мнение»,— как это ужасно, все равно, хорошее или плохое, ужасно: он лишается в вас друга. Разве друзья, родные, вообще милые друг другу люди составляют мнение? — они живут, в хорошие дни радостно открывая в близком хорошее, новое, в дурные, ругаясь, говорят: «а, так вот ты какой, ну, не знал, не знал!»

Жить и любить — это значит все вновь и вновь делать в близком открытии, а составил мнение, значит, окончил, приговорил жизнь.

1924 год

1 мая. Закон — значит, повторение какого-нибудь явления во времени и пространстве.

Наука открывает законы, то есть чередование явлений при данных условиях...

Итак, создалась благодаря науке фабрика. Создался человек, встречающий каждое невиданное явление не как единственное, неповторимое, а как законное, и такой человек называется ученым. Их любознательность вполне удовлетворяется выяснением причины явлений. Таково научное миропонимание.

При этом совершенно пренебрегается то, что каждый из нас, субъект восприятия — живое существо и, как живое, непременно встречает каждое явление в первый раз, и эта его субъективная встреча окрашивает мир в единственные, неповторимые краски, и так создается не причинность, а качественность мира, порождающая не штамп, а личность.

16 мая. Красит человека только любовь, начиная от первой любви к женщине, кончая любовью к миру и человеку, — все остальное уродует человека, приводит его к гибели, то есть к власти над другим человеком, понимаемой как насиле.

7 августа. ...если опишу полет аэроплана для детского журнала — это поместят на первой странице, но как бы гениально ни описал полет дикой птицы — это будет для второго отдела журнала. Впереди должна быть механизация, то есть восстановление утраченного, а природа — хранилище, заповедник жизни — не хороша!

Да, я знаю, все сущее должно умереть, но из этого вовсе не следует, что к нему надо быть невнимательным и зачем-то надо уже его убивать!

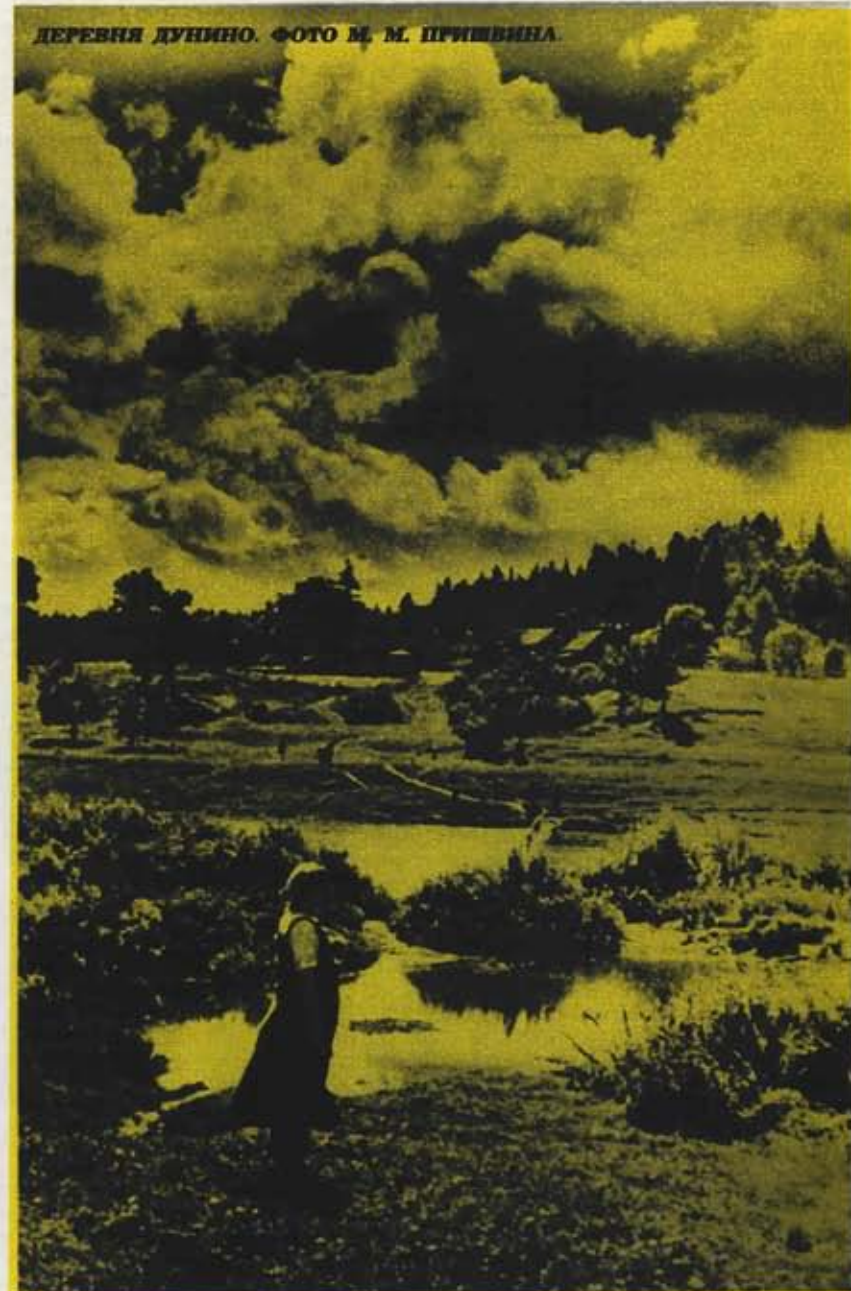
Да, у меня осталось мало здоровых зубов, и что: разве их вырвать совсем и вставить? Ведь моим здоровым зубам нет никакого будущего, будущее принадлежит зубам механическим. Такой поступок был бы вполне прогрессивным и революционным в «современном» смысле.

24 сентября. Что значит «верю»? Значит, между прочим, что я имею некий деловой загад на будущее. А «знаю» — это, что факт уже совершился, хочу, не хочу, с моей стороны усилий больше не надо. воля моя из моего загада вынута, и загад мой больше не нужен, и сам я больше не нужен,

птицам больше, чем к мелким. Словом, чем ближе животное к человеку, тем больше его жалеешь.

От представления своих мучений жалеешь животное, а так просто без сострадания к человеку, наверно, не может быть сострадания и к животному, и для возбуждения жалости непременно должно быть подобие человеку. Я могу пожалеть и бабочку, и мельчайшего жучка, но при условии видимости, а знание не дает никакой жалости: я безжалостно одним глотком или движением пальца уничтожаю миллиарды микроорганизмов.

Жалость наживается с годами, потому что с годами наживается и опыт страдания.

ДЕРЕВНЯ ДУНИНО. ФОТО М. М. ПРИШВИНА.

все кончилось и прошло: я знаю. Так выходит, что вера была колыбелью знания, а знание стало мечтой веры.

И вообще: я знаю, значит, что-то стало позади меня, я то знаю, а что впереди, еще и не узнал, туда вперед я верю.

1926 год, 12 августа

О жалости к животным. Как охотник, я, конечно, чувствую больше жалости к убиваемым животным, чем люди, живущие далеко от природы: им очень легко и просто жалеть, потому что очень много рук пройдет мяс животного, убитого мясником, пока оно попадет жалостливому человеку на стол в виде котлет.

Я чувствую жалость к самкам больше, чем к самцам, к четвероногим больше, чем к птицам, и к крупным

1939 год, 20 августа

Человек должен был охотиться, прежде чем заняться приручением животных и делать их домашними. Этот исторический процесс повторяется часто в отдельной жизни современного натуралиста: огромное большинство натуралистов начинает с охоты, а кончает охраной зверя и его приручением.

1935 год, 4 февраля.

Как я бросил курить. Опыт борьбы с курением табака и Льва Толстого, и знаменитых медиков не только не дал каких-нибудь положительных результатов, но даже, по-моему, в конце концов прибавилось курильщиков. И потом, если табак сейчас мне приятен, а вред скажется только в старости, то зачем я буду бросать и портить молодость из-за счастья старости... И бро-

сил я курить совсем по другой причине.

Было это утром, я встал с левой ноги и обидел жену. Я был неправ и, сумрачный, вышел из дому. И тут вдруг я увидел в то утро, что жизнь везде хороша: солнце, воздух, аромат, птицы поют, все чудесно вокруг, а у меня сумрачно, и я виноват.

«Разве, — подумал я, — вернуться домой и попросить у жены прощения?» Нельзя! В сущности же я не так перед ней, как перед собой виноват. И надо не замазывать вину просьбой прощения, а в самом деле исправить все обещанием. Но ведь забудешь обещание, а как бы сделать, чтобы не забыть? И тут мне пришло в голову оторвать от себя вдруг тридцатилетнюю привычку курить: тогда ведь никогда не забудешь... А могу ли? Ну, вот еще, конечно же, я могу! Швырнуть папиросы подальше и потом опять не курить, опять не курить... Нужен договор, нужна клятва. С кем договор, кому клясться? Людям сказать — посмеются и не поверят, скажут: — Опять закуришь, знаем...

И вдруг мне пришло в голову с самим табаком заключить договор. Я вернулся домой и написал: «Договор с табаком... года... месяца, числа. Табак освобождает меня от курения навсегда. Я обещаю и клянусь никогда никому не говорить о вреде табака».

Немедленно, когда подписал этот договор, радость жизни вернулась ко мне, и я в восторге от всего, как маленький, отправился по своему делу. И первый день я не могу сказать, чтобы мне было очень трудно. На другой день вечером я возвращался домой — вдруг грусть, что ведь н и к о г д а! Третий день я страдал и ночь всю не спал. Следующие ночь и день жить было почти невыносимо, ночью бредил.

Жена почувствовала глубину моего страдания и упрашивала сказать, объяснить. Я ответил, что могу открыть ей только в конце недели, в субботу вечером...

И прошло уже пять лет, а в душе я все так же люблю табак и часто радостно гляжу на хорошие табачные коробочки. Иногда в ресторане за столом я вижу — на полочке лежит шоколад, на другой полочке апельсин. А ниже — пачки с чем-то апельсинового цвета.

— Что это, — спросил я, — на третьей полочке?

И мне ответили:

— Это папиросы Сафо.

Какие милые коробочки! Рот просит. О табак, как ты приятен!

Курите же, граждане дорогие, курите, курите себе на здоровье и радуйтесь. Но если придет время и заставит жизнь дать клятву — держите свое слово твердо, благодарите табак за принесенную радость и не говорите никому о вреде табака — не это убеждает, исправляет людей — пустые хитрые рассуждения.

1938 год, 20 июля

Одна собака, умная и великодушная, с большими человеческими глазами, привязывалась на тонкой веревочке и целыми месяцами дождалась, когда хозяину захочется взять ее с собой на прогулку.

Другая собачка — так себе, ни ума еще не нажила, ни опыта, а вот сразу догадалась, в чем дело, и веревочку перекусила.

Но хитрая не пересилила умную и великодушную. Та и до сих пор сидит чуть ли не на ниточке, уважая волю хозяина. Если только ей вздумается заняться самолюбом, во всякое время может она перекусить свою ниточку, — это по ее воле. А хитрую посадили на железную цепь, и никогда-никогда больше уж ей не сорваться.

Публикация В. Д. ПРИШВИНОЙ.
Подготовка текста Л. РЯЗАНОВОЙ.

Значит, и вы в курсе,—с горечью замечает Марин, прекращая жевать.— Все знали, кроме меня...

— Вы ведь любите Дору?
— ЛЮБИЛ! — отрезает Марин.
— Значит, еще любите. Человек не меняет своих чувств за одну ночь, да еще без серьезных к тому причин.

— Без серьезных причин? Вы смеетесь надо мной? Хозяин швыряет вилку и выпаливает, не дожидаясь моих объяснений:

— Послушайте, она взялась окрутить меня на пари! Грязное, ресторанное пари! Хотела доказать, что может играть роль приличной девушки, доказать, что у нее хватит таланта заинтересовать такого серьезного человека, как я...

— Стойте! — прерываю я Марину.— Дора — хороший человек. Правда, человек, потерпевший аварию. А если вам нужен негодяй, то ищите его среди своих родственников! Манев смотрит на меня, приоткрыв рот, собираясь что-то сказать, да так и застывает.

— Удивляться тут нечему. Вещи не так уж невероятны. Дора пришла к вам не ради пари, а желая выручить Филипа из опасного положения, в которое он попал по собственной вине. А если говорить точнее, он сам вынудил ее пойти к вам. И она пошла, чтобы помочь ему, поскольку, согласитесь, поначалу она вас не знала и не имела на вас никаких видов.

— Это не меняет положения, — сухо отвечает Марин, уставившись в тарелку.

Он, видимо, смутно надеялся, что я одним махом опровергну слова Филипа, а теперь понял, что речь идет лишь о нюансах.

— Послушайте, Манев: Филип сделал вам немало гадостей. В прошлый раз я просто щадил ваши чувства брата. Но имейте в виду, что сейчас он пытается вам подложить такую пакость, какой вы никогда не забудете.

— Оставьте, — машет рукой Марин.— Я знаю своего брата. Отлично знаю, что он способен приукрасить вещи ради сенсации, чтобы блеснуть. Но вы сами познакомились с прошлым Доры. Почему же вы утверждаете, что все это выдумка?

— Я уже сказал: человек пережил аварию. Но знать факты, не вникая в их причины, значит, скользить по поверхности.

— Но под поверхностью скрыто содержание. И вообще со стороны рассуждать легче. Ведь не вы собирались на ней жениться!

— Видите, — говорю я кротко, — я пришел не для того, чтобы вас женить. Я не хочу вмешиваться в ваши решения. Но вы должны выслушать эту женщину, понимаете? Должны ее выслушать! Потому что она привязана к вам по-настоящему. И не ради этой плиты или холодильника, а ради вас. Вы для нее единственная опора. И в конце концов она не обязана отчитываться перед вами за то, что было до вашего знакомства!

— Но она должна была рассказать это мне!
— И наверняка рассказала бы, если бы вы расположили ее к откровенности, если бы она надеялась, что ее поймут.

Марин молчит, потом неуверенно произносит своим сухим голосом:

— Хорошо, я готов ее выслушать. Это действительно мой долг.

Он уже готов отступить, но еще не может оправиться от удара. Для этого нужно время. Когда у людей телевизор ломается, и то они огорчаются. А тут произошла осечка в сфере куда более тонкой.

— Покончим с этим вопросом, — говорю я.— Но, как я вам уже сказал, для меня он имеет служебный интерес. Зачем понадобилось вашему брату в тот момент, когда вы в ссоре, преподнести вам этот сюрприз?

— Чтобы получить что-нибудь взамен. Это в его характере.
— И что он хотел от вас?

— Да чепуху. Он ездит на допотопном «БМВ» и, узнав, что я уезжаю, попросил привезти ему новые поршни. И еще какую-то мелочь, точно не помню, он записал на бумажке. Я был так подавлен, что почти его не слушал.

— А когда он обращался к вам насчет паспорта?
— Примерно, год назад. Тогда он переселился в Симоново.

— А почему вы отказались ему помочь? Боялись, как бы он не сфрел?

— Я просто не допускаю этого. Прежде всего Филип слишком преувеличивал мои возможности. Я не столь влиятелен, чтобы достать ему паспорт для поездки в Австрию. И потом, вы же имеете о нем представление... Я не уверен, что он не выкинул бы номер с контрабандой или что-нибудь в этом роде.

— Это все, что мне нужно было узнать, — говорю я и подымаюсь.— Благодарю за терпение.

— Скорее мне нужно вас благодарить, — глухо замечает Марин, — но сами видите, в каком я состоянии. Где же я могу найти Дору?

— Она сама вас найдет. Скажите, что ей передать?
— Пусть зайдет вечером, в восемь. Я буду ее ждать. Мало мне быть «инкассатором», теперь я и любовный почталон!

Наконец-то я дома. Уже девять вечера. Натягиваю пижаму, ложусь на кушетку и беру со столика книгу. Хочу посмотреть.

Окончание. Начало в №№ 16—19.

до какой страницы добрался. Но сегодня мне опять не до чтения — надо кое-что обдумать. Говорят, что в горизонтальном положении человек может лучше сосредоточиться... Кровь равномерно поступает во все части организма, включая мозговые центры. И так глубоко погружаешься в мысли, что даже... незаметно засыпаешь.

Пронзительный звонок пробивает мою дрему. Второй звонок полностью сбрасывает меня с рельсов сна, а при третьем я уже держу в одной руке телефонную трубку, а другой массирую лоб.

— Товарищ Антонов? — Массаж явно помог, я мигом узнаю голос Доры.— Мне нужно немедленно вас видеть. Марин исчез.

— Как исчез?
— Его нет дома. Вы мне сказали, что он будет ждать меня в восемь. Теперь уже одиннадцатый час, а его все нет.

— Задержался где-нибудь. У него много дел, завтра ему уезжать, — не слишком веря собственным словам, пытаюсь ее успокоить.

— Это исключено. Он бы заскочил домой, чтобы предупредить меня.

— Хорошо, хорошо. Только не волнуйтесь. Еду к вам немедленно.

Через пятнадцать минут служебная машина доставляет меня к дому Манева. Дора стоит у подъезда.

— Почему вы здесь? Разве у вас нет ключа?
— Мне уже неловко им пользоваться.

— Тогда дайте я воспользуюсь.

Быстро поднимаемся по лестнице, открываем квартиру и врываемся в темноту. Если мы ожидали увидеть что-то ужасное, то явно ошиблись. Гостиная, спальня и кухня — все в полном порядке.

Закрываем квартиру и сбегает вниз. Дора садится со мной в машину.

— Давай к Витосе, — говорю я шоферу.
— Мог он задержаться у кого-нибудь из близких? — спрашиваю я Дору.

— Есть у него один приятель. Но ведь я уже говорила, это не в его характере — назначить встречу и не явиться, — отвечает нервно Дора.

«Если только он вообще не раздумал явиться», — думаю я, хотя это кажется мне не слишком убедительным.

— Теперь помедленнее! — говорю я шоферу, когда мы приближаемся к кафе «Бразилия».

Машина еле ползет. Сквозь широкие окна видно, что делается внутри. У столиков еще сидят редкие посетители, но лиц, которые нас интересуют, между ними нет.

— Жми в Симоново! И побыстрее!

— Еще немного, и я бы задохся.
— Кто это сделал?
— Филип.
— Как это случилось?
— В восьмом часу иду домой и вижу его в «БМВ». «Быстро, — говорит он, — случилось что-то ужасное». «Что именно?» — спрашиваю. «Дора отравилась». «Как, когда?» «Садись, — говорит, — по дороге все объясню». Сажусь, конечно, по дороге он мне бессвязно рассказывает, что приехал в Симоново, ключа на месте не оказалось. Дверь была открыта, а в комнате лежала Дора. Шесть пустых тюбиков валялись рядом. Хорошо, что поблизости живет врач. Филип нашел его, и тот принял необходимые меры. «Теперь, — говорит Филип, — опасность миновала».

Марин поднимает на меня усталые глаза и просит:
— Если можно, глоток воды...

Дора бежит за водой. Марин пьет крупными глотками. Пальцы его еще дрожат.

— А потом?
— Приехали сюда. Как только машина остановилась, Филип кинулся к дому, я, конечно, за ним. Он у порога уступил мне дорогу, я вошел и не успел осмотреться, как он ударил меня сзади. Очнувшись уже связанный, в темноте... Для чего он это сделал? — спрашивает Марин, беспомощно глядя на меня.

— Где ваш заграничный паспорт?
— У меня. — Манев лезет во внутренний карман пиджака и восклицает:

— Паспорта нет! Билетов на самолет тоже! И валюты!..
— Вот вы и ответили на свой вопрос, — говорю я, полагая, что это ответ и на некоторые мои вопросы.

— Но это глупость! Ведь паспорт на мое имя! — говорит Марин.

— Если вы не против, надо ехать, — предлагаю я.

И вот наша машина снова летит мимо редких домишек, потом врывается в лес. Марин еще задает отрывочные вопросы, скорее себе, чем мне, и это освобождает меня от необходимости отвечать.

Я сижу рядом с Колью. И насколько могу судить по отражению в зеркале, на заднем сиденье дело идет к примирению.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Стенные часы аэропорта показывают ровно семь, когда я пересекаю зал ожидания и направляюсь в паспортный контроль. Мое присутствие здесь не обязательно, но у меня есть желание лично понаблюдать за происходящим.

БРАЗИЛЬСКАЯ МЕЛОДИЯ

Богомил
РАЙНОВ

Перевела с болгарского Евгения СТАРОДУБ

Это последний возможный адрес. Если Марина нет и там, придется принимать экстренные меры для его розыска.

Машина с ревом несется по шоссе через лес. Мощные фары высвечивают стволы и кроны деревьев. Через несколько минут приближаемся к вишнево-яблоневому саду, и я показываю шоферу, где остановиться. В домике темно, и сам он едва виднеется за деревьями. К счастью, ярко светит луна, и мы идем, не боясь вывихнуть ноги.

— Филип обычно оставляет ключ вон под тем бревном, — говорит Дора.

Но там нет никакого ключа. Пользуясь услугами одного «приспособления», входим в дом и включаем свет. Комната в том же виде, какой я ее запомнил, с живописными шедеврами на стенах и мольбертом в углу. Никакого напоминания о братьях. Кухня и кладовая тоже пусты.

— Да, — говорю я.— Нужно осмотреть внимательно весь дом. Здесь есть подвал, чердак?

— Не знаю, — шепчет побелевшими губами Дора.
— Давай, Колью, осмотри там, — говорю я шоферу, — а я займусь комнатой.

Осмотр длится не более двух минут: отодвигаю кушетку и обнаруживаю в полу квадратную крышку. Поднимаю ее, направляю вниз луч фонаря. Небольшой зацементированный погреб. Луч света выхватывает из темноты согнутое пополам и аккуратно «перевязанное» человеческое тело. Это Марин...

Зову Колью, общими усилиями мы извлекаем «узел» на поверхность и приступаем к его распаковке. Когда выдерживаем изо рта кляп, Марин жадно восстанавливает запасы воздуха в легких и лишь после этого произносит:

Примерно в семь двадцать пассажиры начинают проходить перед окошком. Встав в сторонке, я жду появления знакомого мне красивого лица, обрамленного дугой модной бородки. Однако щеки и подбородок знакомого мне лица, склонившегося перед окошком, выбриты до последнего волоска.

— Марин Стефанов Манев, — произносит контролер. Марин, то есть Филип, лишь кивает, слегка улыбаясь. Он делает шаг и оказывается рядом со мной.

— Здравствуйте! Ведь у вас вроде была борода?
Высокий, красивый мужчина криво улыбается, не теряя, впрочем, самообладания.

— Так вы выглядите гораздо лучше, — говорю я ободряюще.

— Нельзя ли без дешевых эффектов? — спокойно парирует Манев.

Филип пока что держится самоуверенно, точно задержали не его, а меня.

— Общитесь его, — говорю я человеку, стоящему у дверей. Минут через десять мне становится понятно, почему этот красавец ведет себя столь высокомерно. Обыск не дает ожидаемых результатов. И в частности, что касается валюты — ничего свыше суммы, взятой из кармана Марина и указанной в декларации.

— Хотя бы спросили о своем брате, — говорю я Филипу, направляясь вместе с ним к выходу.

— А что спрашивать? Раз вы здесь, значит, он уже у себя дома.
— Вы его так скрутили, что он мог оказаться на том свете.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

— Люди так легко не умирают,— отвечает небрежно Филип.

— Однако Асенов умер.

— А уж это не моя работа.

Он прекрасно понимает, что увяз обеими ногами. Но не слишком глубоко. Примерное поведение в заключении— и все пройдет, как дурной сон. В некотором смысле провал с паспортом имеет и положительную сторону: яснее ясного, что Филип не крал доллары Асенова. Значит, он вообще не имеет отношения к этому делу.

Уже после первого допроса Магды я ждал: что-то должно произойти. Все и случилось примерно так, как я предполагал, за исключением одного— я оказался с пустыми руками. Никаких улик, никакой связи между нарушителем паспортного режима и той комнатой на пятом этаже.

Уступаю Маневу дорогу— пусть сядет в машину первым, а сам устраиваюсь рядом, чтобы он не скучал. Шофер— это снова мой друг Кольо— дает полный газ, и мы мчимся к центру Софии. По обеим сторонам мелькают фасады современных зданий, но, похоже, моего спутника это не радует.

— Печальное возвращение в родные края, да? Особенно, если ты их даже не покидал.

— Вы это возвращение делаете печальным,— отвечает с неприязнью Филип.

— Мы уже спорили по этому вопросу. Таких, как вы, я бы отпускал на все четыре стороны. Воздух станет чище, а у нас поубавится работы.

— Могли лишь сожалеть, что не вы решаете эти вопросы.

Голос его звучит самоуверенно, с ноткой внутреннего превосходства.

— А где вы думали обосноваться?

— Где угодно. Там, где мог бы жить, как хочу.

— Вы бы нигде не смогли жить, как вам хочется, Манев. Везде есть законы.

— Верно, только другие.

— Любые законы осуждают преступления в широком смысле этого слова.

— Я не считаю себя преступником ни в широком, ни в узком смысле слова.

— Понимаю. И все же где вы думали бросить якорь? Не похоже, чтобы вы действовали без четкого плана.

— Планы мои похоронены. Так что не будем тревожить прах усопших.

— Включая Асенова?

Он не отвечает, а я и не настаиваю.

Останавливаемся у подъезда моего учреждения, и я веду Филипа в свой кабинет. Это, видимо, вызывает у него дурное предчувствие. Он прекрасно знает, что я не занимаюсь паспортными нарушениями.

— Итак,— говорю я, когда мы садимся по разные стороны стола,— оставим разговор о дальних путешествиях и перейдем к вещам более близким. Кто убил Асенова?

Манев уже готов к вопросу, ибо выдерживает мой взгляд, не мигая.

— Не имею понятия,— отвечает он спокойно.

— Вы, похоже, не отдаете отчета в своем положении,— говорю я так же спокойно, продолжая смотреть на него в

упор.— До сих пор вы хотя бы могли маневрировать и ходить от одного знакомого к другому, давать инструкции, собирать сведения, пускать в ход интриги и предпринимать оборонительные действия. Излишне говорить, что мы внимательно следили за каждым вашим шагом. Но теперь, Манев, с вашей активностью покончено! Вы задержаны, и нет никаких надежд на ваше освобождение. Поэтому давайте играть в открытую. Снова задаю вопрос: кто убил Асенова?

Филип слушает меня внимательно, но бесстрастно. Потом небрежно пожимает плечами, словно изображая «говори, говори, если тебе делать нечего», и замечает с досадой:

— Вы перепутали адрес уже по той простой причине, что в ночь, когда Асенов умер, я был задержан вашими органами.

— В вашем суждении есть один логический пробел,— говорю я терпеливо.— Убийство было тщательно подготовлено задолго до его осуществления. Так что в вашем присутствии на месте преступления вовсе не было необходимости. А знать, кто убийца, вы должны.

Филип снова с досадой поводит плечами.

Наблюдаю за ним. Манев не проявляет излишней нервозности. Если этот человек действительно виновен в убийстве, как я могу принудить его сознаться? Сказать, что это облегчит его участь? Это будет неправдой. В данном случае принудительное признание ничем не облегчит судьбу преступника. И все-таки я должен добиться от него истины.

— Зачем вы отпустили бороду?— спрашиваю я неожиданно.— Чтобы потом сбрызнуть?

— Каприз,— отвечает небрежно Филип.

— Вы не из тех, кто действует по капризу.

— Если вас ответ не устраивает, ищите объяснения сами.

— Оно у меня уже есть. Хотелось бы услышать от вас.

— К чему эти повторения?— с досадой говорит Манев.

— Недавно вы потребовали у Доры паспорт вашего брата под предлогом что-то купить в магазине «Балкантурист». Установлено, что никаких покупок вы не делали ни там, ни в другом месте.

— Для таких покупок одного паспорта недостаточно— нужны доллары. А доллары я найти не смог.

— Если бы у вас их не было, вы бы не беспокоились о паспорте, так?

Филип молчит.

— Паспорт-вам понадобился, чтобы сделать копию печати на фотографии. Потом вы хотели имитировать эту печать на вашем фото, чтобы в нужный момент обеспечить свой выезд за границу.

— Как вы убедились, ничего подобного я не сделал.

— Да, потому что подделать печать оказалось непросто. Вы поняли, что номер с подменной фото также не пройдет. Именно тогда вы и решили отпустить бороду. Импазантная внешность Манев,— это первое оружие мошенника, так сказать, часть его рабочего реквизита. Вы решили, что в интересах предстоящей операции было бы неплохо, чтобы люди свыклись с вашей бородой. Вы сбрасываете ее перед самым отъездом, чем и страхуетесь от того, что вас узнает кто-нибудь в самый последний момент.

— Любопытное умозаключение,— говорит Филип,— хотя и несколько сложное.

— Вы любите сложные ходы и педантично, до мельчайших подробностей разрабатываете ваши проекты. Эта тщательность видна и в реализации убийства Асенова. Это ВАШ ПОЧЕРК, Манев!

— Мой почерк действительно отличается четкостью,— нахально усмехается Манев.— Не забывайте, что моя профессия— шрифты и этикетки. Но этим, собственно, исчерпывается практическое применение моего почерка.

Я пропускаю его слова мимо ушей.

— Вы, Манев, допустили два-три существенных промаха. Взять хотя бы ваше алиби. Если бы ваша логика была более высокого полета, вы бы сообразили, что иногда непоколебимость алиби может вызвать подозрение. Вы сфабриковали алиби с помощью поступка, который не вяжется ни с вашим характером, ни с реальностью возникшей ситуации. Вы, предпочитающий действовать тихо, вдруг пошли на публичный скандал.

— Неужели вы не понимаете, что Асенов был мне антипатичен? Я вообще не симпатизирую типам, чья самоуверенность держится на туго набитом кошельке.

— Значит, вы считаете, что он был туго набит?

— Не придирайтесь к избитому выражению,— пренебрежительно бормочет Филип.

— Это выражение полностью соответствует сведениям, которые вы имели о бумажнике Асенова. Их вы получили от Магды. И если уж говорить откровенно, я нарочно дал ей возможность уведомить вас об этом. Полагал, что эта новость активизирует ваши действия.

— Если бы я знал, какие выводы можно сделать из одного несчастного совпадения, я бы не торопился,— отвечает Манев.

— Если бы вы знали некоторые вещи, вообще не стали бы организовывать убийство Асенова. Вас слишком увлекла забота о собственном алиби. Вы забыли, что рядом с убийцей постоянно действовал его наставник. И эту роль играли вы!

— Вы тоже забываете о некоторых элементарных вещах,— пожимает плечами Филип.— Я вовсе не обязан доказывать свою невиновность— вы должны доказать мою вину.

— Именно этим я и занимаюсь. И должен сообщить, что конец уже близок. Но может быть... МОЖЕТ БЫТЬ, вам лучше признаться самому, чем полностью отрицать факты?

Продолжение на 30-й стр.

ОКТАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ЗЕМЛЮ — БЕЗЗЕМЕЛЬНЫМ

Правительство индийского штата Керала намеревается передать тридцать пять тысяч гектаров пахотной земли беднякам, лишенным прежде земельных наделов.

Как заявил во второй половине августа один из министров штата, большая часть национализированных угодий, которые раньше принадлежали крупнейшим землевладельцам, уже разбита на участки. Каждая семья получит по пять акров, причем эти наделы расположены рядом с жилищами крестьян. Бедняки, которым передаются земельные участки, одновременно по-

лучают документы, которые позволяют им обращаться за займом в национализированные банки.

Как пояснил министр, земля передается беднейшим крестьянам во временное пользование — условие это предусмотрено для того, чтобы избежать возможности перекупки участков спекулянтами и богачами. Вместе с тем министр подчеркнул, что семья, получающая землю, обладает всеми правами, необходимыми для владения наделом и для его обработки, и может по собственному усмотрению распоряжаться урожаем, собранным на своем участке.

«НЬЮ ЭЙДЖ», ИНДИЯ

КУРИЦА БЕЗ ПЕРЬЕВ

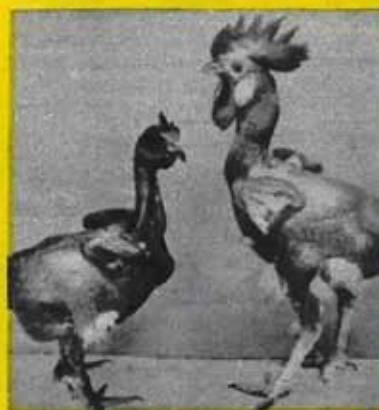
Вероятность того, что из яйца выведется курица или петух без единого перышка, чрезвычайно мала — один случай на несколько миллиардов. Причина этого столь редкого явления — незначительное изменение наследственных качеств. А вот ученые из Коннектикутского университета удалось вывести около сотни таких редких экземпляров. Зачем же понадобились эти уродливые создания?

Дело в том, что у обычных кур одна четвертая часть приняты с пищей белков идет на образование оперения. А у голых птиц мясо гораздо богаче белками, и, хотя

они начинают нестись несколько позже, яйца их бывают значительно тяжелее и при этом имеют почти круглую форму (последнее очень удобно для транспортировки). Естественно, что голым птицам требуется больше тепла. Ученые предложили поэтому одевать их в специальную пластмассовую одежду, пропускающую воздух и легко растягивающуюся по мере роста птицы. Поскольку у птиц нет перьев на крыльях и хвосте, они с некоторым трудом сохраняют равновесие, а ходят характерной ковыляющей походкой. Куры без перьев отличаются большой агрессивностью, поэтому их приходится содержать по отдельности. Поселенные же вместе, они начинают яростно нападать друг на друга, превращая свои клетки в арены побоищ.

Получение голых птиц в настоящее время производится путем искусственного осеменения. Но серьезным препятствием к их промышленному разведению в крупных масштабах является необходимость иметь отапливаемые птицефермы, планировка которых предусматривает содержание каждой птицы в отдельном помещении. Впрочем, можно ожидать, что эти препятствия со временем будут преодолены и птицы без перьев появятся на прилавках магазинов.

«БИЛЬД ДЕР ВИССЕНШАФТ», ФРГ

НОВОРОЖДЕННЫЙ В ПОЛОСАТЫХ ЧУЛКАХ

Осел в полосатых чулках? Нет, речь идет о новом явлении в мире животных — о необычном существе, помеси ослицы и зебры.

На снимке вы видите все семейство: трехлетнюю мать — ослицу Дженин, пятилетнего отца — зебру Виски и их новорожденную — Демелсу. Демелса паразитально походит на мать, если смотреть на ее голову и туловище, а ноги у нее такие, как у отца.

Эксперты, которые проводили скрещивание, утверждают, что ослозебра, сочетающая качества обоих родителей, будет исключительно полезным животным. Животное с выносливостью зебры и работоспособностью осла незаменимо в условиях Африки. Его не смогут испугать ни жара, ни муха цеце.

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

КОГДА НЕ ХВАТАЕТ ФАМИЛИЙ

«Если вы живете в Швеции и ваша фамилия Юханссон, у вас будет немало хлопот», — говорит бизнесмен из Стокгольма. Это не шутка. Юханссон — наиболее распространенная в стране фамилия.

У каждого шестнадцатого шведа — иными словами, у 380 тысяч жителей — эта фамилия. Но в небольшой Швеции есть еще 370 тысяч Андерссонов, 239 тысяч Нильссонов, 209 тысяч Карлссонов, 180 тысяч Эрикссонов. Далее идут 170 тысяч Ларссонов и 150 тысяч Свенссонов. И хотя в стране существует 200 тысяч фамилий, сорок процентов населения «пользуются» только двадцатью, причем все они заканчиваются на «сон».

Чрезвычайная распространенность ряда фамилий стала причи-

ной многих недоразумений. Например, в одном стоковском ресторане только в середине торжественного банкета, посвященного бракосочетанию четы Свенссонов, было обнаружено, что ресторан заказан другими Свенссонами. Шведский пен-клуб постоянно испытывает затруднения в связи с тем, что его членами являются Ян Мартенсон — поэт и Яан Мартенсон — писатель, специализирующийся на детективах. Более того, рецензии на романы писателя публикует тоже Яан Мартенсон, однако уже не поэт или писатель, а критик.

Иногда сходство имен ведет к печальному недоразумению. В городе Векше у двух женщин, находившихся в больнице, подозрева-

ли рак. В лаборатории перепутали данные анализа, и женщина, опухоль которой оказалась злокачественной, была по ошибке подвергнута весьма энергичному курсу лечения.

Шведское правительство поощряет желающих сменить слишком распространенную фамилию. А пока граждане откладывают властями по их личному десятизначному номеру. При рождении каждый швед получает свой индивидуальный номер: первые шесть цифр сообщают о дне, месяце и годе рождения, следующие три — показывают его место в списках населения. Десятая цифра — контрольная, предотвращающая возможные ошибки или мошенничество.

«ТАЙМ», США

Эпизоды второй мировой войны воскресил в памяти японцев двадцатидевятилетний киноактер Мицуню Маэно, который пикировал на спортивном самолете на видлу бывшего лидера либерально-демократической партии Кодамы. Имя этого политика стало мвнценью критики со стороны всех слоев японской общности. За содействие в получении заказа на самолеты «Локхид» для японской армии Кодама получил от американцев взятку в 7 миллионов долларов. Кодаму называли «позором общества».

Именно его видлу в пригороде Токио и выбрал целью своей атаки новоявленный «камикадзе». Спер-

ва он дал возможность сфотографировать себя в комбинезоне «камикадзе», а затем в сопровождении второго самолета, где находился оператор, направился к цели. Оператор запечатлел на пленке необычную драму. В минуту, когда самолет Маэно пикировал на видлу, в ней находились двенадцать человек вместе с Кодамой. Самолет врезался в стену дома и вызвал пожар, который потушили только через три часа. Обитатели видлы, однако, отделались легким испугом, никто из них не был даже ранен. Молодой киноактер, разумеется, погиб. Поговаривают, что как актер он был неудачником и совершил самоубийство больше ради сенсации.

«ЖИВОТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ПОСЛЕДНИЙ
«КАМИКАДЗЕ»

«ОЧИ ЧЕРНЫЕ» И ГИТАРЫ «СИНДО ГАРАЙ»

Немало лет прошло с той поры, когда музыкальным вдохновением и пылким сердцем уже широко известного на Кубе в те далекие времена сочинителя и тонкого исполнителя трова (любовных песен) Синдо Гарая были исторгнуты яркие, запоминающиеся сразу почти каждому слушателю звуки чудесной мелодии, прославляющей чьи-то «очи черные». Мелодия эта вскоре утвердила себя не только по всей Кубе, но и распространилась далеко за пределами острова в Антильском море. Настолько далеко, что достигла даже сказочно по тем временам удаленной России... Да так и осталась навсегда в этой почти неведомой тогда кубинцам стране. И по сию пору звучат «Очи черные» под аккомпанемент гитары. Конечно же, гитары, обязательно гитары, как же иначе?..

Однако немногим, вероятно, известно, что лучшие гитары на Кубе изготавливаются в провинции Орьенте, на родине Синдо Гарая.

Сегодня выпускаемые фабрикой имени Синдо Гарая музыкальные инструменты, и прежде всего гитары, идут, как правило, в многочисленные открывшиеся на Кубе после революции музыкальные школы, в профессиональные ансамбли и в центры и кружки художественной самодеятельности рабочих и студентов. Именно благодаря гитарам Орьенте слывет «музыкальной» провинцией страны. А коллектив фабрики имени Синдо Гарая сумел выполнить взятое на себя обязательство: гитара на каждую сотню кубинских учащихся!

Что же касается знаменитой мелодии Синдо Гарая, то популярность ее на острове Свободы после длительного «русского триумфа» повсеместна и удивительна. Между прочим, в интервью журналу «Бозмия» 17 июля 1960 года ныне покойный Синдо Гарай сказал: «Очи черные» мною были написаны в 1898 году для одной черноглазой кубинки...» Кстати, Синдо Гарай успел отметить свое столетие.

«БОЗМИЯ», КУБА

ТРЮФЕЛИ «НА ФЕРМАХ»

Собирать трюфели—редкое и дорогостоящее лакомство гурманов—трудно: растут эти грибы на корнях определенных деревьев, и для их отыскивания используют собак с чутким нюхом, а также свиней. В 1973 году, например, во всей Европе этих грибов с высоким содержанием белка было потреблено лишь 80 тонн.

Сотрудникам одного из французских сельскохозяйственных научно-исследовательских институтов в результате многолетних исследований удалось разработать метод «промышленного» выращивания трюфелей. Ученые заметили, что самым распространенным местом их обитания являются корни сосны и каштана. После ряда попыток удалось привить к корням этих деревьев споры грибов. Метод, разработанный французскими специалистами, позволяет не только увеличить урожай грибов, но и значительно облегчает их сбор. Вполне обоснованы надежды, что через несколько лет трюфели станут общедоступным продуктом питания.

«ЭЛЕТ ЭШ ТУДОМАНЬ»,
ВЕНГРИЯ

СКУЛЬПТОР-САМОУЧКА

Костас Мавруктас—новое открытие в мире кипрских скульпторов-самоучек, чье творчество, оригинальное и самобытное, уходит корнями в гущу народной жизни. Его работы были представлены на двух персональных выставках в Ларнаке и Никозии. Поклонники искусства, художники, критики с восхищением встретили необычные творения, исполненные в камне и дереве.

Мавруктасу сейчас за пятьдесят, но художественной резьбой он увлекся только несколько лет назад. Свои темы художник черпает в сценах сельской жизни, в кипрских традициях, в сегодняшней драме много страдального острова. Материалы, с которыми он работает, искать не приходится: и белый камень и дерево рядом, на каждом шагу, они часть мира, в котором живет скульптор.

Специалисты подчеркивают, что это тот тип искусства, который свидетельствует о врожденной склонности человека к творчеству. Это искусство прямо и непосредственно связано с изначальными мотивами, побуждающими человека к художественной деятельности. В работах талантливого самоучки легко обнаруживаются те простейшие явления и процессы, что еще тысячелетия назад вели к созданию первооснов изобразительного искусства, выражали в художественной форме взаимоотношения человека и окружающей его одушевленной и неодушевленной природы.

«САЙПРЕС ТУДЕЙ», КИПР

САМЫЙ НЕОБЫЧНЫЙ ГОНОРАР

Кирстен Флегстад, оперная певица, некогда пела за «квартиру и стол, включая две pintы крепкого портера в день». Но она далеко не единственный человек, получивший необычный гонорар.

Английский писатель Эдвард Шенкс, чья поэма исполнилась на радио во время второй мировой войны, когда с продуктами питания было трудно, попросил в качестве гонорара выдать ему пять фунтов сосисок.

В 1947 году американский писатель Менкен подписал контракт с канадской кинокомпанией. За право экранизации книги компания обязалась ежемесячно поставлять автору до конца его жизни по два ящика светлого эля.

Но был однажды подписан и более странный контракт—другая канадская киностудия обязалась

предоставить сценаристу Джеймсу Клевеллу определенные проценты от доходов, которые принесет фильм, а также... подарить гору высотой в пять тысяч футов, расположенную в Британской Колумбии на территории, принадлежащей кинокомпании.

А вот художников часто просто вынуждали отдавать картины в уплату за счета в отелях или ресторанах. Модильяни нарисовал в 1916 году картину, дабы оплатить очередную месячную взнос за квартиру. Сорок лет спустя после смерти художника, в 1960 году, эта работа была продана за 26 тысяч фунтов стерлингов.

В 1905 году Пикассо отдал «Голландскую девушку», чтобы расплатиться по счету в отеле. Сегодня эта картина стоит около 60 тысяч фунтов.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

ПОЧЕМ НЫНЧЕ ДЕТИ?

«Это зависит от возраста,—утверждает Пьем Чан Гаруй, владелец магазина в Бан Чанге, деревушке на юге Таиланда.—За пятимесячного мальчика я прошу 450 долларов, а десятимесячный обойдется вам в тысячу: расходы на питание и медицинское обслуживание детей с возрастом увеличиваются...» Если покупатель желает приобрести себе ребенка постарше, то жена Гаруна приводит из внутренних помещений магазина сразу несколько ребят, дабы можно было сделать выбор.

Покупателями детей большей частью являются состоятельные американцы или австралийцы, желающие усыновить ребенка. Часто ребенка приобретают бездетные пожилые пары. У себя на родине для усыновления ребенка им пришлось бы ждать слишком долго, а здесь такой вопрос решается быстро и просто: заплатил деньги—получай ребенка тут же. В

Таиланде торговцев детьми немало, а их координаты можно получить во многих гостиницах.

Отцами большинства детей являются американские военнослужащие, приезжавшие сюда в отпуск из Вьетнама, а также служащие американских военных баз в Таиланде. Матери—местные женщины, развращенные ядовитым дурманом западной цивилизации.

Но среди продаваемых детей есть много и таких, чьи родители являются местными жителями. Условия жизни в Таиланде для сотен тысяч семей часто столь трудны, что проданные дети нередко спасают от голода своих родителей и остальных детей, оставшихся в семье.

«Если никто из этой пятёрки вам не понравился, не огорчайтесь,—говорит репортеру Пьем Чан Гаруй.—Загляните ко мне на следующей неделе, я смогу показать вам десять других детей».

«ПАРИ-МАТЧ», ФРАНЦИЯ

Обзор зарубежной печати
Материалы печатаются в изложении

БРАЗИЛЬСКАЯ МЕЛОДИЯ

Начало на 26-й стр.

— При всем желании не могу признать того, чего не было.
— А как объяснить операцию со снотворным?
— Что-то не улавливаю вашу мысль,— нагло говорит Манев.— Не понимаю, о чем вы говорите.
— О том, как вы инструктировали Магду.
— В самом деле не могу понять,— продолжает изображать недоумение Филип.
— А вот Магда все поняла и даже дала письменные показания.
— Таких старых ваших клиентов, как Магда, вы можете заставить написать все, что угодно. Тем более, у Магды на меня зуб...
— Вам все еще удается сохранять спокойствие, Манев. Но дело тут не в силе вашего характера, а в убеждении, что вам ничто не грозит. Вы продолжаете верить в непогрешимость своей комбинации. Но она уязвима хотя бы потому, что в ней замешано более одного человека. Не вы хозяин своей судьбы — она в руках другого. И у вас нет никакой возможности войти с ним в контакт, повлиять на него или — в случае надобности — убрать его. Этот другой человек, Манев, решает вашу судьбу!
Нажимаю кнопку звонка и приказываю лейтенанту:
— Уведите его.
Удар силен, и Филип, несомненно, это почувствовал, хотя на лице его, кроме короткого испуга, ничего не отразилось. Чтобы понять всю силу нанесенного удара, нужно время, а времени ему хватает.
Вот у меня со временем плоховато. Мне позарез необходимы две вещи, чтобы нокаут превратить в нокаут. Две вещи, две.
Смотрю на часы и иду к шефу с коротким докладом.
— Ждал тебя. Садись,— говорит полковник, что на его языке означает: «Только теперь явился? Давно должен был прийти. И это называется быстрой работой?»
Сажусь и начинаю докладывать о самых свежих результатах следствия.
— Кури, если хочешь,— говорит шеф к концу доклада, что означает: «Признаю, ты не тратил время попусту».— Надеюсь, мы близки к завершению. С твоим планом я в принципе согласен. Но, говоря «в принципе», имею в виду точное соблюдение правил. Ты, Антонов, специалист своего дела, но иногда хочешь быть умнее тех, кто эти правила составлял... С иностранцами надо действовать тактично. И вообще никакой самостоятельности.
После этого замечания, необыкновенно длинного для моего шефа, он направляется к столу.
— Желаю успеха,— улыбается полковник, показывая, что, несмотря на назидание, мы с ним приятели и что он вообще на меня надеется.
Спускаюсь по лестнице, сажусь в машину, которая ждет меня у подъезда, и отправляюсь искать эти самые «две вещи».
«С иностранцами — тактично». Это и я знаю, но иногда в ответ на твоё тактичное поведение они совсем нетактично ухмыляются тебе в лицо. Они знают, что сделать им ничего нельзя, и поэтому отказываются от своих изысканных манер.
Прихожу к одному своему приятелю из внешнеторгового предприятия, однако ничего обнадеживающего не слышу в ответ. Он пожимает плечами, бормочет «знаю, знаю», «посмотрим», «не могу ничего сказать» и вообще проводит устную инвентаризацию всех этих слов-паразитов, которые обычно пускают в ход, когда хотят выйти из игры.
— Директор здесь? — спрашиваю я его.
— Зачем тебе директор? И он тебе скажет то же самое.
— Возможно. Но я хочу услышать это своими ушами.
Директор действительно говорит мне то же самое, но с некоторым оттенком надежды на успех.
— Хорошо, попытаемся,— отступает он под моим напором.— Ничего не обещаю, сами понимаете, но поищу способ. Если его интересы окажутся сильнее чувств... В общем, попробуем.
Выхожу с тягостным ощущением, что первая из этих «двух вещей» выскальзывает из моих рук, как мокрое мыло.
Остается вторая. Тут по крайней мере не нужно думать о такте, которого, возможно, мне вообще недостает. Инициатива целиком в моих руках...
— А, вы еще не закончили туалет? — приветливо говорю, входя в комнату двух молодых приятелей.
Моньо уже одет и приглаживает свой соломенный чуб. А Спас еще бредет, сидя перед ночным столиком. В комнате, как и в каждом холостяцком убежище, пахнет дешевым одеколоном. Из магнитофона доносятся знакомые такты «Бразильской мелодии», заглушаемые, к моему удовольствию, жужжаньем бритвы.
Моньо пытается улыбнуться и выдаивает неловкое «здравствуйте». Спас лишь бегло смотрит на меня и продолжает бриться.
— Симеон,— говорю я, обращаясь к Моньо,— ты, я вижу, уже собрался уходить. Я тебя не задерживаю.

Моньо испаряется, и я располагаюсь на его кушетке, которая кое-как прикрыта одеялом.

— Ваш приятель пытался вас бросить. Задержали его в последний момент на границе.

Спас прерывает бритье и смотрит на меня:

— О ком вы говорите?

— О вашем ближайшем приятеле — Филипе.

— Задержали на границе?

— Именно.

— Не ожидал от него подобного,— бормочет Спас.

— Чего не ожидали? Что он перейдет границу или что бросит вас?

— А что меня бросать? Я не малолетний!

Он весь поглощен бритьем и сейчас достиг самой деликатной части — территории между носом и верхней губой. Терпеливо жду, пока он кончит.

— Не понимаете, что он вас предал? Утверждаете, что вы не малолетний, а ведете себя, как ребенок. Он убегает, а вы остаетесь здесь со своим преступлением.

— Каким преступлением? — нахально смотрит на меня Спас.— Ведь я вам уже объяснял. Сам пришел к вам и все рассказал.

— Сочинили новую ложь. И поскольку я принял ее без возражений, вы решили, что она прошла. Просто не хотел вас беспокоить, Влаев, поэтому отложил проверку. Но проверка все же была сделана. В тот день, когда вы якобы ссорились и помирились с Антоанетой в Софии, она находилась в Боровце, точнее, в гостинице «Балкантурист». Жаль, правда?

Спас молчит, затем снова приступает к бритью, выдувает волоски из металлической сетки и прячет прибор в коробку. Все эти действия необходимы ему, чтобы взвесить положение.

— Вообще,— говорю я, желая ему помочь,— эта история с вашим вторым появлением была более чем глупой. Одна ложь — еще куда ни шло. Но когда тот же человек является снова, чтобы заменить одну объяснение другим, это уже похоже на стремление замести следы. Конечно, Филип не дурак, и, советуя вам снова прийти ко мне — ведь именно Филип дал этот совет, — он прекрасно знал, что ставит вас под удар. Он гроша ломаного за вас не даст. Он думает о себе и только о себе. Ему необходимо было время, чтобы подготовить и осуществить свое бегство. Именно это время он надеялся выиграть с помощью вашего второго показания. Ведь новые данные — это новые проверки, это еще несколько дней, а Филипу они были нужны позарез. Ясно?

— Филип ничего мне не советовал,— продолжает упорствовать Спас.— А Антоанета... Верно, она была в Боровце, но успела вернуться, и ночью я действительно был у нее.

— Подождите,— прерываю я Спаса.— Врать больше не нужно. Вы у нее не были, это доказано, и это уже пройденный этап. Теперь стоит вопрос об убийстве.

— Тогда и разговаривайте с убийцей.

— Именно это я и делаю,— отвечаю спокойно.— В данный момент я разговариваю с убийцей, Влаев.

Спас поднимается со своего места, не глядя на меня. Его бледное лицо становится землистым.

— Могу я выйти умыться?

Нахальство этого человека беспредельно! Как и мое терпение.

— Придется немного подождать.

Он снова садится на стул у ночного столика, упорно избегая моего взгляда.

— Если вы думаете, что я собираюсь задержать вас немедленно, могу успокоить: в данный момент у меня такого намерения нет. Хочу, чтобы вы САМИ пришли к нам и полностью признались. У меня есть на этот счет некоторые соображения. В сущности, это самый разумный для вас выход. Вы больше не сможете советоваться с Филипом. Филип — у нас.

Бледный отблеск надежды пробегает по лицу Спаса, надежды утопающего при виде общеизвестной соломинки. По его мозговому извилинам в этот миг наверняка движется ток смутных догадок: может, Филипу удалось бежать и его не поймали, может быть, все мною сказанное — лишь предположение, а не факты... Может быть... может быть... Иначе почему человек, обвиняемого в убийстве, оставляют на свободе?

Кажется, пора охладить эти надежды.

— Имейте только в виду, что это отсрочка — и ничего больше. И она дается вам с учетом, что вы ответите на нее разумным решением. В сущности, вас подставили под удар с самого начала: таков был замысел Филипа. С самого начала Филип уготовил вам роль проигравшего, создав себе железное алиби, а для вас придумал нечто настолько глупое, что оно рухнуло при первом же прикосновении.

Подымаюсь и, не глядя на человека-бицепса, выхожу из комнаты.

Перед домом, к моему великому изумлению, едва не сталкиваюсь с Моньо.

— Думал прийти к вам, но мне стыдно было. В общем, до осени сдам все экзамены. Хотя мне противно изучать все это. Идиотское дело!

— Юриспруденция?

— Да нет,— отвечает Моньо.— Думаю, если бы поступил в другой институт...

Процаюсь и сажусь в машину.

Как вы, наверное, догадались, дорогой читатель, с этой минуты за Влаевым установлено самое тщательное, самое пристальное наблюдение.

Хорошо бы все уладилось, думаю я, имея в виду не убийцу, а Моньо. Хорошо бы он закончил университет... Хотя... Я уже вижу, как он сдает экзамены, которые ему неинтересны, потом с досадой ходит на службу, которая ему также неинтересна, и живет с ощущением скуки, ни разу не испытав радости от своей работы и даже не подозревая, что она может приносить что-то иное, кроме скуки... И только из-за того, что пренебрег своими влечениями, не дал этим влечениям созреть, а вслепую кинулся в первый же попавшийся вуз, предоставив выбор родителям...

На улице смеркается. Нажимаю кнопку и говорю вошедшему лейтенанту:

— Приведи Манева. И зажги свет, пожалуйста.

Лейтенант щелкает выключателем. В комнате становится уютней, а окно темнеет еще больше.

Вводят Филипа.

— Садитесь.

Он сидит, внешне спокойный, но теперь к этому спокойствию добавилась чуть заметная напряженность.

Занимаюсь своими бумагами, которые, между нами говоря, никак не связаны с моим заданием. Пусть «гость» посидит, соберется с мыслями, освоится с обстановкой.

И он сидит, несколько угнетенный тем, что я не подаю никаких реплик. Галстук исчез. Щеки приобрели голубовато-стальной оттенок из-за отросшей бороды. Усталые глаза смотрят в одну точку. Одним словом, его «светскость» начала испаряться.

Звонит телефон. Наконец-то. Снимаю трубку:

— Да, я. Так... Так... Хорошо!

Наконец-то! Вот бы еще один звонок! И в голове вдруг возникает детская песенка:

«Антошка, Антошка!

Сыграй нам на гар-мо-о-ошке!»

Что называется, ни к селу ни к городу, но мотив уже явно проявился:

«Сыграй нам на гар-мо-о-ошке!»

И как бы отгадав мое желание, телефон звонит снова. Снимаю трубку и с легким разочарованием узнаю голос Доры:

— Товарищ Антонов! Наконец-то вас застала. Хотим пригласить вас с Марином на ужин. Разумеется, если вам хочется...

Благодарю за приглашение и быстро прощаюсь, чтобы освободить линию. Увы, аппарат подло молчит.

— Жду еще одного посетителя,— объясняю Маневу.— Придется потерпеть немного. Конечно, если вам нечего сказать.

— Нет, абсолютно нечего.

— Жаль. Наверное, вы догадываетесь, что другой, кого мы ждем,— это вторая половина убийцы. В вашей истории, как известно, убийца состоит из двух индивидов, автора замысла и исполнителя. Точнее, из Филипа Манева и Спаса Влаева.

— Товарищ инспектор,— устало, но спокойно говорит Филип.— Вы идете по ложному пути.

— Так ли?

— Ваша версия противоречит всем фактам, она абсолютно бездоказательна.

— Будут и доказательства, не беспокойтесь. Такие дела, сами знаете, без доказательств не обходятся.

Снова углубляюсь в разномысленные на циклографе приказы и не без удивления устанавливаю, что они датированы прошлым годом. Надо, наконец, разобрать свой стол!

В дверь стучат, и тут же входит милиционер:

— Привели его, товарищ подполковник!

— Введите!

В кабинет входит Спас. Он в наручниках. С человеком-бицепсом надо быть начеку!

— Проходите вперед!

Он приближается без особого желания, слегка покачиваясь «на палубе» этого неустойчивого мира. Очевидно, упрямо будет сопутствовать ему до могилы. И это не воля, а именно тупое упрямоство — идти, куда хочется, не считаясь ни с чем.

Милиционер лезет в карман, достает что-то, завернутое в платок. Он кладет на стол массивные золотые часы с массивным золотым браслетом. Наконец-то появилась улика, перекидывающая мостик между берегами — комнатой на пятом этаже и человеком, который там действовал. Филип, до сих пор не отрывавший взгляд от пола, поднимает глаза, видит часы, а затем переводит взгляд на Спаса, как бы говоря: «Дурак!»

В дверях снова появляется лейтенант и делает мне знак.

— Следите за ними! — приказываю я милиционеру и выхожу в коридор.

Значит, телефонного звонка не будет. Мой приятель из торгового учреждения пришел сам. Вместе с ним и один мой коллега. Они передают мне необходимые данные; словесные и материальные, и я спешу в кабинет к моим «гостям». Теперь я располагаю и второй из тех «двух вещей», и эту улику можно назвать для них роковой.

— Влаев, значит, вы все же решили выложить доказательства, хотя и не совсем добровольно. Часы налицо, иными словами, ваша роль в убийстве более чем ясна. А что стало с долларами? Тайник оказался пустым, так?

— Когда имеешь дело с подлецами... — цедит Спас, убийственно глядя на Филипа.

— А вы,— обращаюсь я к Филипу,— не хотите что-либо добавить?

— Все это меня не касается,— холодно отвечает Манев.
— Подлец!— говорит ему Спас.
— Спокойно,— вмешиваюсь я.— Любезности потом. Итак, Манев, жду ваших показаний!
— Я все сказал. Остальное меня не касается.
— Вы даже не интересуетесь доказательствами, на которых так настаивали?— спрашиваю я, показывая на часы.
— Эти доказательства ко мне не относятся. И что бы ни говорил здесь этот...
— Подождите! Он еще ничего не сказал. Что он может сказать, мы знаем и без него. Знаем и то, что вы запретили ему брать эти часы, как предмет, слишком изобличающий вас. Факт, что Влаев спрятал их отдельно от долларов, достаточно красноречив.
— Но где же эти доллары?— презрительно спрашивает Филип.— В моем кармане?
— Не в столь доступном месте. Доллары должны были быть там, где Спас недавно пытался их обнаружить: он хотел убедиться, правда ли, что вы положили деньги в условленное место. Разумеется, никаких долларов там не оказалось— вы

взяли их себе. Конечно, вы осторожнее Влаева и не рискнули перевозить валюту в собственном кармане.
— Хорошо, тогда где же эти доллары?!— кричит Филип, явно теряя терпение.
— Вот они,— отвечаю я, вытаскивая из кармана конверт и показывая вложенные внутрь банкноты.
— А на них написано, что я их украл?
— Таких надписей на банкнотах нет. Они есть в письменных показаниях вашего доброго знакомого, австрийского гражданина Кнауца, которому вы передали эти деньги, чтобы он их вывез и вернул вам в Австрии. Могу прочесть эти показания.
Вытаскиваю лист бумаги, но смотрю не на лист, а на Филипа. От его уверенности осталась одна видимость. Взгляд темнеет от беспокойства, челюсти нервно сжаты. И все-таки он находит силы разжать их:
— Если вы больше верите иностранцу, чем болгарскому гражданину...
— А, вы считаете себя гражданином? Поздно, Манев. Слишком поздно!

И, обращаясь к лейтенанту и милиционеру, стоящим у двери, говорю:
— Уведите их.
Моя работа окончена. Найдены не только Икс, но и Игрек. Задача с двумя неизвестными решена. Дальше слово принадлежит суду.
«Так что поздно, Манев, вспоминать о своем гражданстве в тот момент, когда ты растоптал все свои гражданские права»,— думаю я, запирая стол...
В сущности, еще не так поздно. Для ужина, хочу сказать. Спускаюсь вниз и направляюсь к трамвайной остановке. Все-таки надо навестить будущее семейство Маневых. Сегодня—ужин, завтра—свадьба. К сожалению, не моя собственная.
Но не воспользоваться ли мне паузой после дела Асенова? Приедет из Перника моя учительница, состоится скромный гражданский ритуал. Двое расписывающихся плюс свидетели Тихо и мирно, без нагнетанных речей и «Свадебного марша» Феликса Мендельсона—Бартольди. И уж, конечно, без бразильских мелодий!

ЧИТАЙТЕ В ЖУРНАЛЕ «СМЕНА» РОМАН АНДРЕЯ ЛЕВИНА

ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН ЦЗЯО

О ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.

«Хранитель Алтаря длинным ножом резко провел по левой стороне груди новичка. В подставленную охранником золотую чашу закапала кровь.

— Брат Тонкий Бамбук,— торжественно проговорил Хранитель Алтаря.— в ваших жилах течет кровь Великого Братства. Дайте страждущему частицу нашей силы, нашей верности светлым духам предков и законам священного союза Неба, Земли и Человека.

Тонкий Бамбук поднялся с кресла и приблизился к алтарю...

После того, как клятва крови была принята, Хранитель Алтаря вновь обратился к новичку:

— Войди в нашу обитель, брат, и помни: отныне сердце твое, помыслы твои и тело твое принадлежат нашему священному союзу. Нет ничего сильнее уз, которые связывают нас теперь. Только смерть может их разорвать. Отныне нет для тебя иных законов, кроме тех, по которым живет наше Великое Братство: почтительность, повиновение, молчание. Смерть ждет того, кто нарушит их. Царь Небо, царица Земля и светлые духи наших предков, будьте свидетелями моих слов...»

РОМАН БУДЕТ НАПЕЧАТАН В №№ 21—24, 1976 г., и 1—6, 1977 г.

«...Сознание вернулось к инспектору. Он попытался пошевелить рукой, но безуспешно: руки были связаны.
— Очнулся,— сказал наклонившийся над ним рябой китаец и обернулся к мужчине, сидевшему в кресле у стены.

— Как вы себя чувствуете?— участливо спросил тот.— Надеюсь, вас не очень ушибли мои люди?

Инспектор попробовал подняться, но тут же почувствовал резкую боль в затылке.

— Белый Бумажный Веер?— спросил он.

— Завидная осведомленность,— удивился мужчина.— А с кем я имею честь?

— Инспектор Патрик Ло из «Криминал интеллидженс юнит». Впрочем, вы, очевидно, уже успели ознакомиться с содержимым моих карманов.

— Вы о нас дурно думаете, господин Ло... Итак, вам нужен был я? Я вас слушаю.

— Нам нужна вся ваша банда.

— Не забывайте, что вы у меня в гостях, а не наоборот,— улыбнулся Белый Бумажный Веер.— У нас впереди много времени, и мы успеем вдоволь наговориться. Кстати, мы не станем убивать вас, господин Ло. Мы оставим вас здесь, в подzemелье. Навсегда... если не сможем с вами сговориться...»

Роман, отрывки из которого вы только что прочитали, рассказывает о борьбе сингапурской полиции против одного из крупнейших тайных обществ Юго-Восточной Азии—«Анг Сун Тонг».

Возникшие в XVII веке в Китае, эти организации поначалу не имели ничего общего с преступностью. Они стали частью религиозно-политического движения, направленного против маньчжурской династии Цин. Их члены называли свои объединения «триадами» в соответствии с древней китайской концепцией трех основных сил в мире—неба, земли и человека.

В прошлом веке китайцы, эмигрировавшие сотнями тысяч в Юго-Восточную Азию, вывезли с собой и традиции тайных обществ. Сначала они создавались как группы

взаимопомощи и самозащиты на чужбине. Со временем контроль над этими группами оказался в руках либо состоятельных эмигрантов, либо просто проходивцев, и «триады» постепенно переродились, вступив на путь преступного бизнеса. Их основными занятиями стали вымогательство, грабеж, торговля наркотиками, золотом, «живым товаром», пиратство в южных морях. Сегодня только, например, в Куала-Лумпуре—столице Малайзии—действует около тридцати банд, объединяющих двенадцать тысяч человек! Полиция оказывается бессильной перед организованной преступностью гангстерского мира, который пытается активно вмешиваться даже в экономическую и политическую жизнь стран Юго-Восточной Азии...

Рисунок Леониды ТИШКОВА

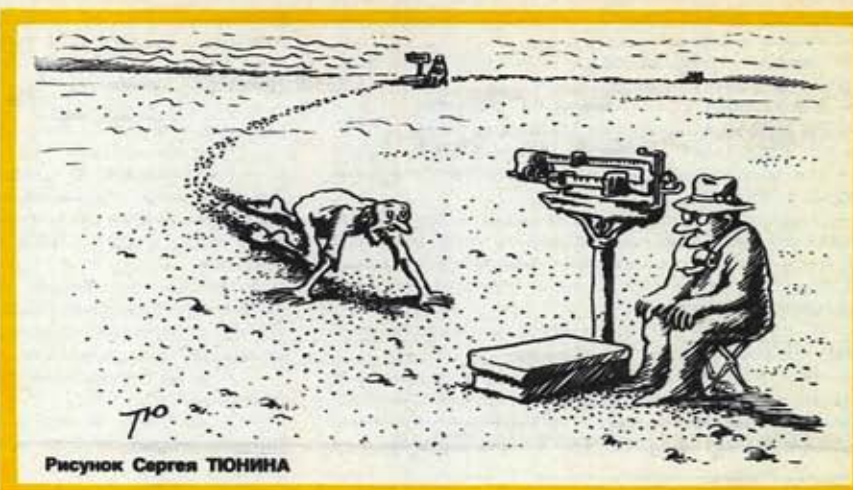

Рисунок Сергея ТЮНИНА

Рисунок Михаила МУШНИКОВА

Рисунок Петра КУЛИНЧА

КРОССВОРД

РЕЗУЛЬТАТЫ КОНКУРСА НА СПОРТИВНЫЙ КРОССВОРД, ОБЪЯВЛЕННОГО В № 7 ЖУРНАЛА «СМЕНА»

В конкурсе приняли участие 780 читателей, приславшие 996 кроссвордов. Многие — в это в основном молодежь — написали, что это соревнование помогло им шире ознакомиться со спортивной литературой. Киевлянин Николай Прудников пишет: «При составлении кроссворда пришлось прочитать массу спортивной литературы, которую до этого я не очень любил, а теперь узнал много интересного. Спортивная литература стала для меня чудесным открытием, за что я вас сердечно благодарю».

«Пусть я не войду в число призеров, я все-таки в течение месяца испытывал «муки творчества», — написал учитель из Солнечногорска Борис Шербаков, — ...пришлось, конечно, покопаться в литературе, поспрашивать товарищей. Очень интересное и полезное дело — конкурсы».

Условия конкурса наиболее соответствовали кроссворды, которые составили читатели: Л. Касимчук из Джанкоя, В. Зубов из Львова, А. Коркин из Новоалтайска, С. Лукин из Воркуты, В. Гелеранский из Луги, И. Зблов, И. Блинов из Жданова, Н. Милотин из Сочи, Ю. Корелин из Йошкар-Олы, И. Орлова из Кирова. Они награждаются годовой подпиской на наш журнал.

Редакция благодарит всех читателей за активное участие в конкурсе.

Кроссворды, не соответствующие заданному рисунку и присланные с опозданием, не рассматривались. По рисунку, опубликованному в № 7, предлагаем читателям решить два варианта кроссвордов, присланных на спортивный конкурс.

Составил Л. КАСИМЧУК, г. Джанкой

По горизонтали:

3. Гонки на спортивных машинах.
6. Прибор для ориентирования в пути.
8. Спортивная командная игра.
13. Студенческое спортивное общество.
14. Площадка для игры в теннис.
15. Площадка для состязаний по боксу.
16. Спортсмен, занимающийся воздушным видом спорта.
17. Снаряд для гимнастических упражнений.
19. Спортивный снаряд для прыжков.
20. Студенческая гандбольная команда.
21. Большие спортивные состязания на лодках.
23. Горнолыжный спорт.
24. Горнолыжная база на Кавказе.

По вертикали:

1. Вид спорта.
2. Деталь спортивной штанги.
4. Гимнастка, чемпионка XX Олимпийских игр.
5. Вид конного спорта.
7. Гимнастический снаряд.
9. Спортсменка.
10. Педальная машина для спортивных гонок.
11. Член судейской коллегии.
12. Спортсменка.
18. Хоккеист, олимпийский чемпион.
19. Советский боксер, чемпион XVI Олимпиады.
22. Дальневосточная пресноводная рыба, разводимая в прудах Европейской части СССР.
23. Гоночная лодка.

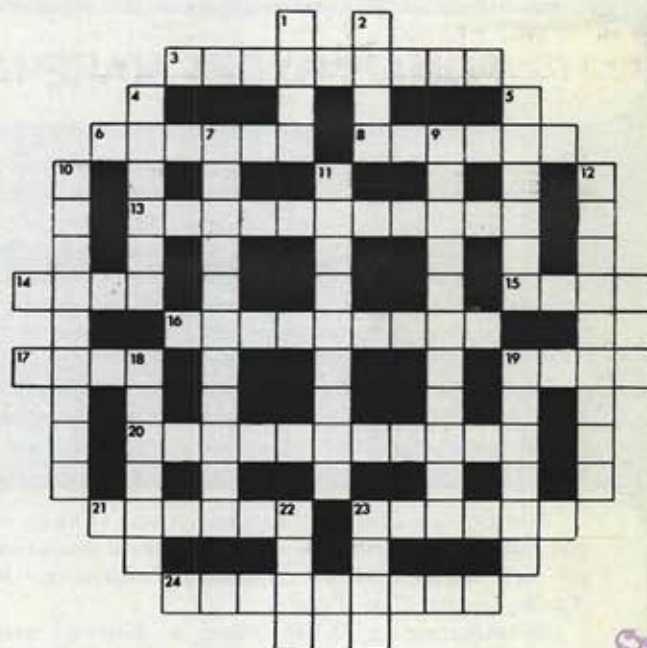
Составил В. ЗУБОВ, г. Львов

По горизонтали:

3. Страна, на территории которой состоялись XV Олимпийские игры.
6. Чемпион мира по шахматам.
8. Оружие для фехтования.
13. Хоккеист, неоднократный чемпион мира и Олимпийских игр.
14. Мальчик гоночный автомобиль.
15. Прыжок в фигурном катании.
16. Название футбольной команды.
17. Ударный инструмент для подачи сигналов в спорте.
19. Класс спортивной яхты.
20. Спортсмен-подводник.
21. Советский штангист, чемпион XX Олимпиады.
23. Зимний вид спорта.
24. Всемирные спортивные соревнования.

По вертикали:

1. Количество пойманной рыбы.
2. Стрел парашюта.
4. Выдающиеся способности, одаренность.
5. Отдых туристов на маршруте.
7. Барьер, преграда на спортивной дистанции.
9. Гимнастический снаряд.
10. Бегун на сверхдлинные дистанции.
11. Гостиница.
12. Советская лыжница, чемпионка XII Белой Олимпиады.
18. Изысканность, красота в движениях.
19. Спортивная командная игра.
22. Степень скорости, быстроты движения.
23. Гоночная лодка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

5. Мордовия.
6. Отличник.
8. «Хорошо».
10. Митинг.
11. Агрохимия.
14. Интенсивность.
15. Диспут.
16. «Протон».
17. Шадрин.
18. Размах.
20. Водоизмещение.
23. Отделение.
25. Голубь.
26. Елисей.
27. Гамзатов.
28. Стандарт.

По вертикали:

1. Лосось.
2. Мокша.
3. Мидия.
4. Бианки.
7. Техник.
9. Огнеупорность.
10. Мировоззрение.
12. Индикатор.
13. Стругание.
19. Смолка.
21. Прокат.
22. Эфедра.
23. Образ.
24. Ельня.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 3/IX 1976 г. А 00993. Подписано к печати 16/IX 1976 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 2347. Заказ № 2755. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ТАНГО

Музыка Эдуарда КОЛМАНОВСКОГО

СТАРИННОЕ ТАНГО

Слова Евгения ЕВТУШЕНКО
Музыка Эдуарда КОЛМАНОВСКОГО

У меня есть тайна.
Ее знают ветви,
Ее знают птицы,
Тени и мосты.
Счастлив тот, кто любит,
Даже безответно.
Нет любви несчастью,
Если любишь ты.

Кто любит,
Тот верит,
Кто верит, тот жив.
Я ставлю старинное танго,
И, руки на плечи мои положив,
Танцует со мной моя тайна.

Моя тайна смотрит
Добрыми глазами.
На ресницах тайны
Чистый первый снег.
Я хочу, чтоб люди
Имя тайны знали,
Чтобы мы, не прячась,
Были с ней навек.

Я верю,
Мне тайна прижмется к плечу
И скажет, как будто оттаяв:
«Я тайною быть не могу, не хочу,
Я слишком устала быть тайной».

Пусть замрут, услышав,
Поезда у станций,
Как мне скажет тайна
Наконец-то: «Да».
Больше не расстанься,
Но, прошу, останься—
Для меня останься
Тайной навсегда.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ | Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО | ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

У «СПАРТАКА» НОВЫЙ ЧЕМПИОН

Очень интересно — и творчески и спортивно — прошел минувшим летом в Ялте финал всесоюзного личного первенства шахматистов «Спартак». В напряженной борьбе с результатом 10,5 очка из 15 возможных золотую медаль завоевал киевский мастер Валерий Жидков.

Предлагаем читателям «Смены» фрагмент партии, хорошо иллюстрирующий тактические способности нового спартаковского чемпиона. Его соперником был ленинградец Михаил Иванов.

К этой позиции поединок пришел после 14-го хода белых 14. Лад1, с которым они связывали радужные надежды. Однако играющий черными В. Жидков остроумно опровергает коварный замысел противника. Заметим, что М.

Иванову следовало удовлетвориться примерным равенством в варианте 14. e5 Kh5 15. Fg4 de 16. C:e5 Cf6 17. C:f6 K:f6 и т. д. 14. ... b5—b4! 15. Cd4:f6 Ce7:f6 16. Ld1:d6 Fc6—c7.

У белых уже возникли нелегкие проблемы, хотя еще упорно сопротивляться они могли после 17. Ka4. Им же продолжает мерещиться удача, и они допускают решающий промах.

17. Lf1—d1? b4:c3 18. e4—e5 Cf6—e7!

Этот неожиданный маневр белые ранее сбрасывали со счетов, так как полагали, что он позволяет им с выгодой отвоинствовать пожертвованную фигуру. Конечно, отступление 18. ... Cd8 ввиду 19. C:e6! fe 20. Ld7 черных не устраивало.

19. Ld6—d7 La8—d8!!
Эффектный, хотя и несложный тактический удар, основанный на

слабости первой горизонтали. Черные сдались.

Оригинальной комбинационной схваткой добился победы мастер из Воронежа Виталий Терентьев, один из призеров первенства «Спартак», над севастопольцем Александром Бангиевым.

На диаграмме изображено положение, создавшееся после 21-го хода черных. Недостаточная защищенность черного короля и пешки на поле «d6» позволяет В. Терентьеву (у него были белые) развернуть стремительное наступление.

22. g2—g4! Cf5—g6. 23. Cf4—g2 a7—a6 24. Kf2:e4 Cg6:e4 25. Cg2:e4 b6—b5 26. Fa4—a5+ Kd7—b6.

А теперь красивая жертва ладьи вскрывает подступы к черному королю и резко обостряет поединок.

27. Lh6:d6! Fe7:d6 28. Cg3:e5 Ff6:e5 29. d5—d6+ Kpc7—d7 30. Fa5:b6 Fe5:c3+ 31. Ce4—c2 Fc3—e3+ 32. Kpc1—b1.

Шахи черного ферзя бесславно завершили, и их король пускается во все тяжкие, пытается найти спасение на противоположном фланге.

32. ... Lg8—d8 33. Fb6—b7+ Kpd7—e8 34. Cc2—e4! Kpe8—f8 35. Fb7—e7+ Kpf8—g7 36. Fe7—e5+!

Оказавшись перед неприятным выбором получить мат или потерять ферзя, черные сложили оружие.

АТАКУЕТ МИЧМАН

Одной из лучших партий последнего чемпионата Вооруженных Сил СССР, проходившего в Таллине, явилась та, в которой молодой мастер мичман Балтийского флота Валерий Гусев, играя черными, одержал верх над известным рижским шахматистом Янисом Клованом.

Эта позиция сложилась после 13-го хода черных в результате разыгранной партнерями известной дебютной системы. До сих пор черные обычно с неохотой шли на нее, ибо считалось, что в варианте 14. C:e4 F:e4+ 15. F:e4 de предположения заслуживают шансы белых.

14. Cd3:e4 Fa4—d4! 15. La1—b1 Fd4:e5 16. Kg1—e2 Fe5:e4 17. Fg4:e4 d5:e4.

Ценное дебютное новшество шахматиста-морьяка приводит к за-

воеванию черными важной центральной пешки. Через несколько ходов белым удается восстановить материальное равновесие, но инициативой овладевают черные.

18. Ke2—c3 f7—f5 19. Kc3—b5 Kb8—a6 20. Kb5—d6+ Kpe8—e7 21. Kd6:b7 La8—b8 22. c5—c6 Cc8:b7 23. c6:b7 Kpe7—d6 24. Lb1—b5 Kpd6—c6 25. Lb5—a5 Ka6—c7!

Черные фигуры, включая короля, удачно взаимодействуют, чего нельзя сказать о разбросанных неприятельских силах. Вскоре приходит в движение и армия черных пешек королевского фланга.

26. 0—0 Lb8:b7 27. c2—c4 g6—g5! 28. Cd2—e3 Lb7—b4 29. La5—c5+ Kpc6—b7 30. Lf1—d1 f5—f4 31. Ld1—d7.

Белые ладьи действуют довольно активно, но переломить ход событий они не в состоянии.

31. ... Lh8—c8 32. Ce3—d2 Lb4—b1+ 33. Kpg1—h2 Lb1—d1! 34. Lc5—e5 Kpb7—c6 35. Lf7—d4 Lc8—b8 36. Le5:e4 Lb8—b1!

Вторжение тяжелых фигур подвигает белого короля опасным, во-видимому, неразрешимым угрозам.

37. g2—g4 Lf1—g1! 38. f2—f3 Lg1—d1 39. Le4—e2 Lb1—b2! 40. a2—a4 e6—e5 41. Lf4—d3 Kc7—e6! и ввиду «мертвой» связанности белого слона и по горизонтали и по вертикали белые капитулировали.

По картинам армянских живописцев мы ясно представляем себе бигорюзовый пьедестал Арарата с вечно меняющейся снежной короной его вершины, багряные виноградники на плавных зеленых склонах, спокойное величие Севана... Не составляет в этом смысле исключения и творчество молодого армянского живописца Рубена Овнатяна, но его отличает и нечто другое. Он убежден, что окружающий мир даже в малых своих проявлениях способен дать кисти отзвук прекрасного. Пожалуй, именно эта убежденность дает верный ключ для понимания большинства его работ.

Вглядитесь, как построена картина с прозаическим названием «Окно». Избегая усложненной метафоричности и вполне доверяя простому, но точному образу, художник прямо говорит о том, что перед нами не что иное, как окно в мир. Стоит только распахнуть его, чтобы увидеть, что он

прекрасен. Пусть нет за распахнутым окном цветовых эффектов, огромного завораживающего пространства, бездонной глубины неба... Мир, открывающийся за ним, прекрасен именно в своем тихом лиризме, задумчивости и каком-то особенно доверчивом ожидании человека.

Этим взглядом «сквозь окно» художник выстраивает незримую, но удивительно осязаемую связь между духовным миром человека и природой, его окружающей. Так и в «Натюрморте с алоэ» художник сумел тончайшими цветовыми оттенками вселить в строгий интерьер прозрачную свежесть мартовского утра, а нам, зрителям, дать пережить трепетное чувство наступающей весны.

В «безлюдных» пейзажах и натюрмортах Овнатяна настолько живо ощущаешь присутствие человека, что чувствуешь: художник должен говорить о нем особо, со всей степенью погружения в его внутренний мир.

ОХОТА.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ.

ШИРОКИЙ МИР РУБЕНА ОВНАТЯНА

Возможно, именно эта способность к психологическим поискам и серьезным раздумьям над жизнью привела Рубена Овнатяна к большой картине. Она посвящена одному из самых трагических периодов армянской истории, когда турецкое правительство, проводившее жестокую политику геноцида, уничтожило в 1915 году более полутора миллионов армян. Надо сказать, что столь трудная и ко многому обязывающая тема решена художником с большим мастерством, проявившимся прежде всего в лаконизме выражения. В нескольких фигурах беженцев живет трагедия целого народа.

Рубен Овнатян еще только начинает свой путь, но сделанного им оказалось достаточно, чтобы работа молодого художника была отмечена высокой и почетной наградой — премией Ленинского комсомола республики.

ОКНО.

НАТЮРМОРТ С АЛОЭ.

Алексей НИКОЛАЕВ

